С. И. Смирновъ.

КАКЪ

СЛУЖИЛИ МІРУ

ПОДВИЖНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ?

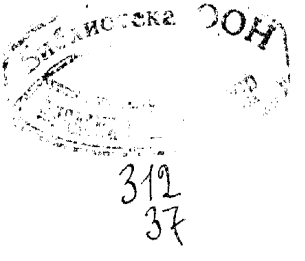
(Историческая справка къ полемикѣ о монашествѣ).

Буди ревнитель право живущимъ и сихъ житіе и дѣяніе пиши на сердци своемь.

Изъ житія преп. Сергія.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1903.

Оттиски изъ № 3 и 4 „Богословскаго Вѣстника“ за 1903 г.



312
37

Печатать дозволяется. Апрѣля 5 дня. 1903 г.
Ректоръ Академіи, Епископъ *Арсеній.*

КАКЪ СЛУЖИЛИ МІРУ ПОДВИЖНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ?

(Историческая справка къ полемикѣ о монашествѣ).

Буди ревнитель право живущимъ и сихъ житіе и дѣяніе пиши на сердци своемь.
Изъ житія преп. Сергія

Небольшая замѣтка писателя и публициста А. В. Круглова *На службѣ міру — на службѣ Богу* (Душеполезное Чтеніе 1902 г., октябрь) вызвала оживленную полемику о монашествѣ: по вопросамъ—о служеніи иноковъ міру, объ истинныхъ задачахъ монашества и о православномъ его идеалѣ. Такая полемика явленіе нечастое въ нашей, откровенно говоря, довольно таки вялой духовной журналистикѣ. Участіе въ полемикѣ ранѣе всѣхъ приняли монастырскіе иноки, потомъ представители такъ называемаго ученаго монашества и, разумѣется, потому, что поднятые вопросы близко касались и тѣхъ и другихъ, за ними профессора духовной академіи, священники; на споръ отозвалась и свѣтская пресса. Но „споръ славянъ между собою“ рѣдко отличается хладнокровіемъ, безпристрастіемъ, корректностью, а главное плодотворностью...

Мы рѣшаемся вставить свое слово не затѣмъ только, чтобы полемизировать. Хотимъ, чтобы споръ былъ поставленъ на почву исторіи и монашескихъ традицій и признаемъ такую постановку *единственно плодотворной*. Главная задача наша—навести *точную справку* по спорнымъ вопросамъ *въ исторіи древнерусскаго монашества*.

Справку приводимъ изъ исторіи нашего древняго монашества прежде всего потому, что оно, что бы о немъ ни говорилось, выставило изъ своей среды сонмъ преподобныхъ, длинный рядъ иноковъ, полнѣе другихъ осуществившихъ идеалы своего званія, такихъ иноковъ, которые основывали

славныя на всю Русь обители, при жизни руководили братіей поученіями и наставленіями, а еще больше высокимъ примѣромъ своего житія, иногда давали обителямъ свои уставы, преданія и завѣщанія. Мы обращаемся къ безспорнымъ и незыблемымъ авторитетамъ русскаго подвижничества; въ ихъ святой жизни, въ безхитростныхъ поученіяхъ и наставленіяхъ, въ строгихъ уставахъ своимъ обителямъ и преданіяхъ ученикамъ поищемъ нужныхъ намъ отвѣтовъ. Отсюда читатель и самъ увидитъ, какъ думали по обсуждаемымъ теперь вопросамъ древніе русскіе подвижники, какія брали они на себя задачи въ отношеніи къ міру и какъ умѣли совмѣщать это дѣло съ прямыми обязанностями инока. Увидитъ онъ, какіе уроки преподаютъ русскіе угодники и чудотворцы нашему теперешнему монашеству, смутно понимающему свои идеалы, задачи и обязанности, слабо дисциплинированному и дурно живущему. Но читатель жестоко бы ошибся, еслибы нижеслѣдующую справку принялъ за полную, всестороннюю историческую картину отношеній древне-русскаго монастыря къ міру въ разные періоды церковно-исторической жизни, картину со всѣми тѣнями и полутѣнями. Онъ ошибся бы приблизительно въ такой же степени, какъ еслибы сталъ судить о монашествѣ конца XVIII и нач. XIX в. по жизни Серафима Саровскаго, а о современномъ приходскомъ духовенствѣ нашемъ по примѣру о. Іоанна Кронштадскаго, ибо давно извѣстно: „*многи пойдутъ къ иноческому житію, мали же яремъ его понесутъ*“. Мы беремъ только этихъ „малыхъ“, понесшихъ яремъ иноческаго житія, беремъ исключительныхъ иноковъ древней Руси, стараемся рисовать преимущественно свѣтлыя стороны картины.

Односторонни же мы сознательно, и не безъ цѣли. Никто, полагаемъ, не будетъ спорить, что въ стѣнахъ честной обители, основанной древнимъ подвижникомъ, гдѣ обыкновенно покоится теперь его „многострадальное и трудолюбное тѣло“, должна сохраняться живая традиція, идущая отъ лѣтъ древнихъ, отъ самого этого подвижника. Его житіе — естественный примѣръ для посильнаго подражанія каждому иноку даннаго монастыря; уставъ его, если таковой былъ и сохранился, обязательное руководство для всѣхъ, для строя монастыря въ цѣломъ; его заповѣди имѣютъ въ его обители

такую же силу, какъ заповѣди Божіи. Истинный монахъ найдетъ здѣсь воплощенный идеалъ свой. Не откажутся, мы думаемъ, признать завѣты древне-русскаго монашества и иноки не монастырскіе, „ученые монахи“... Своею справкой мы хотѣли бы въ памяти тѣхъ современныхъ иноковъ, которые взволнованы или заинтересованы настоящей полемикой, оживить эти традиціи нашего лучшаго монашества, завѣщанныя знаменитѣйшимъ обителямъ русской земли, идущія отъ *истинныхъ* подвижниковъ, *„право живущихъ“*, хотѣли бы напомнить одну сторону этихъ преданій, которая и служитъ въ настоящее время предметомъ спора, — *завѣты служенія міру* [1]). Если иноки, принявшіе близко къ сердцу дѣло защиты своего класса, своихъ идеаловъ хотятъ быть *ревнителями право живущихъ*, они должны, прежде всего, *написать на сердцѣ своемъ житіе и дѣяніе ихъ*. Монахи—они должны вести себя въ этомъ дѣлѣ помонашески. И, мы увѣрены, это дастъ имъ надежную точку опоры, избавитъ отъ ненужныхъ умствованій, отъ разсужденій совершенно лишнихъ, неумѣстныхъ, даже ошибочныхъ, — мы увѣрены, что это въ значительной степени упроститъ для нихъ рѣшеніе спорнаго теперь вопроса [2]).

---

[1]) Рѣшительно не видимъ ничего предосудительнаго въ выраженіи: „служеніе или служба міру“ и предпочитаемъ его другому: „служеніе или служба ближнимъ“. Первое болѣе точно, ибо споръ идетъ объ обязанностяхъ иноковъ только къ тѣмъ ближнимъ, которые живутъ внѣ монастырской ограды, къ мірянамъ. Выраженіе „служба ближнимъ“ содержитъ мысль и объ обязанностяхъ инока къ иноку, о взаимномъ служеніи монаховъ Но объ этомъ, какъ извѣстно, не поднималось вопроса и рѣчи.

[2]) Читатели нашего журнала, не слѣдившіе за полемикой, найдутъ изложеніе ея сущности, въ январской книжкѣ Б. В. стр 172 и слѣд.

I.

Древнѣйшее русское монашество — городское, общежительное. — Устроитель его *преп. Ѳеодосій Печерскій.* — Служеніе преп. Ѳеодосія міру: молитвой, учительствомъ и пастырствомъ, печалованіемъ, благотворительностью. — Печерскій дворъ для принятія нищихъ и больныхъ. — Ропотъ братіи на расточительность преп. Ѳеодосія.—„Слово о терпѣніи и любви".— Служеніе Печерскаго монастыря міру послѣ преп Ѳеодосія — Духовничество и печалованіе послѣдующихъ иноковъ. —Варлаамъ Хутынскій.— Иноческіе идеалы Кирилла Туровскаго.

Монаховъ на Руси по источникамъ мы встрѣчаемъ впервые на воскресныхъ трапезахъ ласковаго князя Владиміра. Не въ безлюдныхъ степяхъ, не въ непроходимыхъ лѣсныхъ пустыняхъ возникли и первые русскіе монастыри при сынѣ Владиміра Ярославѣ, возникли они въ самомъ центрѣ культурной—торговой, политической и церковной жизни тогдашней Руси, въ стольномъ Кіевѣ. И за весь кіевскій періодъ, даже больше того, до самаго возникновенія Радонежской обители преп. Сергія неизвѣстно ни одного монастыря, построеннаго не въ городѣ или вдали отъ города. Древнѣйшіе русскіе монастыри были *городскими.* Вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшее русское монашество не носило характера анахоретства или отшельничества. Правда, подвижники отшельническаго образа бывали, но ихъ слишкомъ мало, не имъ принадлежитъ дѣло организаціи русскаго монашества, организаціи, которая носила киновіотскій или *общежительный* характеръ по уставу Студійскаго монастыря въ Константинополѣ.

Такое монашество—городское и общежительное не могло не считаться съ русскимъ міромъ и, какъ сейчасъ увидимъ, дѣятельно служило и общественнымъ и частнымъ нуждамъ мірскихъ людей.

Отцы русскаго монашества преп. Антоній и Ѳеодосій Печерскіе были подвижниками разныхъ типовъ: первый, аѳонскій постриженникъ, былъ созерцатель отшельникъ, второй, постриженникъ уже Антонія, соединялъ съ созерцаніемъ и великими подвигами выдающійся практическій и организаторскій талантъ. Какъ только въ пещерѣ образовалось небольшое братство въ 15 человѣкъ, препод. Антоній, привыкшій къ уединенію, не терпѣвшій волненій и суеты, ушолъ въ затворъ въ одну изъ пещерныхъ келій. Онъ отказывается отъ руководительства братіей, ставитъ вмѣсто себя игуменомъ другое лицо и до смерти (1073 г.) не вмѣшивается въ монастырскую жизнь [1]). Не Антоній устроилъ славный Печерскій монастырь, не онъ организовалъ и русское монашество. Даже житіе этого отшельника, которое несомнѣнно было написано, не сохранили до насъ русскіе иноки. Устроителемъ русскаго монашества былъ преп. Ѳеодосій. Время его правленія (1062—1074 г.г.) несомнѣнно лучшая пора въ исторіи Печерскаго монастыря, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ исторіи русскаго монашества перваго періода. Послѣдующіе иноки (до преп. Сергія) только подражали преп. Ѳеодосію, далеко не достигая ни высоты его подвиговъ, ни размѣровъ его славы. Ни о какой попыткѣ пересоздать русское монашество, повести его по новому пути, болѣе совершенному или возвышенному, чѣмъ путь Ѳеодосія, задать ему новыя задачи, которыхъ не указалъ бы онъ, не могло быть и рѣчи. *Преп. Ѳеодосій—законодатель русскаго монашества.*

Это исключительный, рѣдкій человѣкъ, поражающій всесторонностью дарованій и той необычайной уравновѣшенностью силъ и свойствъ, которая создаетъ гармонію святой личности. Великій подвижникъ, жаждавшій высшаго подвига—смерти за Христа и за правду, неусыпающій молитвенникъ,

---

[1]) „Преподобный же Антоній, якоже обыклъ единъ жити и не терпя всякаго мятежа и молвы, затворися въ единой келіи пещеры". *Житіе прп. Ѳеод.* по Сборнику XII в. Успенскаго Собора Ч. О. И. и Др. 1899, II кн. 54 стр. Также въ Печерскомъ Патерикѣ, изд. *Яковлева*, (Памятники рус. литературы XII и XIII в. стр. 19). Оставляя братію, подвижникъ говорилъ: „живѣте же о собѣ и поставлю вы игумена, а самъ хочу въ ону гору ити единъ, якоже и преже бяхъ обыклъ уединився жити". *Лѣтоп по Лавр. сп*, 3 изд. 154; ср. *Яковлева*, 74

„послушливый, кроткій и смиренный“, ревностный но никогда не гнѣвающійся инокъ, прозорливецъ и провидецъ, онъ былъ въ то же время талантливый и практическій администраторъ и въ высшей степени сердечный человѣкъ, отзывчивый на человѣческое горе и на житейскую нужду. Ни одно изъ указанныхъ свойствъ не было преобладающимъ, вытѣсняющимъ другія. Въ свои отношенія къ міру Ѳеодосій вноситъ ту цѣлостность личныхъ дарованій своихъ, которая отмѣчаетъ и его монастырскую игуменскую дѣятельность. Вотъ какими замѣчательными словами характеризуетъ лѣтописецъ эту сторону дѣятельности великаго подвижника: „Игуменьство бо держащю Ѳеодосью въ животѣ своемь, правящю стадо порученное ему Богомь — черноризцы, *не токмо же си едины, но и мирьскыми печашеся о душахъ ихъ, како быша спаслися*“ [1]). Разнообразно выражается это попеченіе о спасеніи мірянъ. Прежде всего подвижникъ считаетъ обязанностью монаха *молиться за мірянъ*—„трудиться въ бдѣніи и въ молитвахъ молиться за весь міръ безъ прѣстани“ [2]).

Вторая обязанность инока—быть *учителемъ, даже пастыремъ мірянъ*. Учительность проявлялась въ обличеніи мірской неправды. Въ Кіевѣ при Ѳеодосіи произошло княжеское междоусобіе между дѣтьми Ярослава. Братья—князья лишили кіевскаго стола Изяслава, а Святослава посадили на его мѣсто. Тогда Печерскій игуменъ запретилъ поминать въ церкви новаго князя, рѣзко отказался идти на княжескій обѣдъ и началъ обличать обидчика. Своимъ посланіемъ къ Святославу, гдѣ его поступокъ сравнивается съ братоубійствомъ Каина, а самъ князь приравнивается къ древнимъ гонителямъ, смиренный печерскій игуменъ вызвалъ княжескій гнѣвъ. Братія проситъ Ѳеодосія оставить свои обличенія, бояре приходя въ монастырь говорили, что князь подвергнетъ игумена изгнанію или заточенію, но подвижникъ нисколько не испугался этихъ угрозъ и опасностей, напротивъ съ большею ревностью обличалъ Святослава. Видя однако безплодность своихъ обличеній, преподо-

---

[1]) *Лавр. лѣт.*, 3-ье изд., 205.

[2]) *Слово св. Ѳеодосія* о терпѣніи и о любви. Уч. Зап. Ак. Наукъ II, 2, 204—205.

бный рѣшается „мольбою того молити, дабы возвратилъ брата своего въ область“. Когда Святославъ узналъ о перемѣнѣ въ настроеніи Ѳеодосія, онъ самъ ѣдетъ въ Печерскій монастырь, смиренно проситъ у игумена дозволенія увидаться здѣсь и объясняетъ ему, что не являлся въ монастырь раньше, боясь игуменскаго гнѣва, опасаясь быть не принятымъ. Въ отвѣтъ на это Ѳеодосій произноситъ многознаменательныя слова: „что бо, благій владыко, успѣетъ гнѣвъ нашъ еже на державу твою; *но се намъ подобаетъ обличити и глаголати вамъ еже на спасеніе души, вамъ же лѣпо бы послушати того*“ [1]). Подвижникъ считаетъ своей иноческой обязанностью („намъ подобаетъ“) обличать неправду, защищать попранныя права и конечно потому только и взялся за дѣло, которое нисколько не касалось его лично. Примирившись съ Святославомъ и по настойчивой просьбѣ братіи присоединивъ его имя на ектеніяхъ къ имени законнаго князя, Ѳеодосій не переставалъ, хотя снова безъ успѣха, твердить Святославу, чтобы тотъ уступилъ старшему брату Кіевскій столъ.

Учительство Ѳеодосія по отношенію къ мірскимъ людямъ выражается еще въ личныхъ душеспасительныхъ бесѣдахъ съ ними, о которыхъ много разъ говорится въ житіи подвижника, и вѣроятно въ церковныхъ поученіяхъ, обращенныхъ къ мірянамъ [2]).

Но онъ несъ относительно мірянъ *обязанность* и болѣе сложную, чисто *пастырскую*. Преп. Ѳеодосій былъ духовникомъ мірянъ. Слыша о добромъ житіи Печерской братіи, князья, бояре (и ихъ семейства) „прихожаху къ великому Ѳеодосію, исповѣдающе тому грѣхи своя“ [3]). Исповѣдь въ древности у насъ соединялась съ избраніемъ того священника въ духовные или покаяльные отцы. А стать духовникомъ значило тогда взять на свою душу дѣло спасенія своихъ духовныхъ дѣтей, учить ихъ и руководить на пути спасенія, въ каждомъ шагѣ религіозно-нравственной ихъ жизни, быть почти *старцемъ* для мірянъ. Духовникъ часто долженъ

---

[1]) *Житіе*, 75—77; *Яковлевъ*, 51—53.

[2]) О послѣднемъ можно судить по поученіямъ мірянамъ, надписаннымъ именемъ преп. Ѳеодосія, хотя ихъ подлинность и оспаривается нѣкоторыми учеными.

[3]) *Житіе*, 60; *Яковлевъ*, 25.

былъ призывать духовныхъ чадъ для бесѣдъ къ себѣ или посѣщать ихъ дома. Какъ покаяльный отецъ, преп. Ѳеодосій особенно заботился „о духовныхъ сынѣхъ своихъ, утѣшая и наказуя приходящая къ нему, другоицы (другой разъ) въ домы ихъ приходя и благословенье имъ подавая". Очевидно такія бесѣды Ѳеодосія съ духовными дѣтьми въ монастырѣ или же и въ мірскихъ домахъ были нерѣдки, обычно входили въ программу его пастырской дѣятельности. Лѣтописецъ рисуетъ трогательную картину той сердечности, которая здѣсь царила. Посѣтивъ однажды боярское семейство Яна Вышатича и Маріи, особенно любимыхъ имъ за благочестивую и дружную жизнь, преп. Ѳеодосій велъ поучительную бесѣду съ хозяевами, духовными дѣтьми своими, говорилъ о милостынѣ къ убогимъ, о загробной жизни и о смертномъ часѣ. Боярыня — хозяйка замѣтила: „кто знаетъ, гдѣ меня положатъ?" И преп. Ѳеодосій отвѣтилъ своей духовной дочери, что она будетъ положена тамъ же, гдѣ и онъ. (Предсказаніе дѣйствительно сбылось: боярыня была погребена въ великой печерской церкви противъ гроба Ѳеодосія) [1]). Духовныя дѣти составляли около преп. Ѳеодосія цѣлостную семью и вѣроятно передъ смертью онъ передалъ покаяльныхъ дѣтей бояръ своему преемнику по игуменству— Стефану. И когда печерская братія возстала на Стефана, лишила его игуменства и изгнала изъ монастыря, эти бояре пожалѣли своего посрамленнаго духовнаго отца и помогли ему устроить свой монастырь [2]). Но если преп. Ѳеодосій передаетъ свою духовную семью преемнику по монастырскому игуменству, то это значитъ, что духовничество среди мірянъ онъ признавалъ *обычнымъ дѣломъ* инока и естественной *обязанностью* монашескаго званія.

Третья форма служенія міру, которую показалъ на своемъ примѣрѣ отецъ русскаго монашества,—*заступничество* или, какъ обычно оно называлось въ древней Руси, *печалованіе*. Разъ убогая вдова, обиженная судьей, пришла въ монастырь и случайно встрѣтила подвижника. Она обратилась къ нему съ вопросомъ,—дома ли игуменъ? Ѳеодосій замѣчаетъ: „зачѣмъ онъ тебѣ нуженъ, онъ человѣкъ грѣшный".

---

[1]) *Лавр лѣт*, 205.

[2]) *Житіе*, 94—95; *Яковлевъ*, 62—63.

Любопытенъ отвѣтъ женщины: „аще и грѣшенъ есть, не вѣмъ; токмо се вѣмъ, *яко мнози избави отъ печали и напасти*, и сего ради и азъ пріидохъ, яко да и мнѣ поможетъ, обидимѣ сущи безъ правды отъ судіи“. Узнавъ ея дѣло, преподобный сильно сжалился, обѣщалъ передать игумену ея просьбу, обнадежилъ беззащитную, что тотъ ее избавитъ отъ бѣды, и отослалъ домой. Женщина пошла домой, а преподобный къ судьѣ, и она получила, чего была лишена пристрастнымъ судьей. Разсказавъ этотъ случай, жизнеописатель преподобнаго прибавляетъ: „тако же сій блаженый отецъ нашъ Ѳеодосій *многыимъ заступникъ бысть предъ судіями и князи, избавляя тѣхъ*, не бо можахуть ни въ чемъ преслушати его, вѣдуща и (его) праведна и свята. Не бо его чтяху честныхъ его ради портъ и свѣтлыя одежа или имѣнія ради многаго, но честнаго его ради житія и свѣтлыя душа и поученій того многихъ, яже кипяхуть святымъ духомъ отъ устъ его“ [1]). Ясно опять таки, что печалованіе было *обычнымъ дѣломъ* преподобнаго печерскаго игумена, что оно соединялось съ великимъ пастырскимъ вліяніемъ его въ мірской средѣ.

Четвертая форма, въ которой проявлялось служеніе его міру—*благотворительность*. По своимъ идеаламъ преп. Ѳеодосій, какъ истинный монахъ, былъ нестяжатель: онъ не хотѣлъ имѣть въ монастырѣ лишняго имущества и не возлагалъ своихъ упованій на имѣнье [2]). Но онъ не отказывался принимать приношенія отъ мірянъ въ монастырь, даже вклады селами, побуждаемый вѣроятно своей братіей, которая, какъ увидимъ, была настроена не такъ безкорыстно. Препод. Ѳеодосій, едва могъ достигать того, чтобы братія не имѣла частной собственности, т. е. чтобы она исполняла элементарное требованіе общежительнаго устава. Не безъ труда могъ онъ соблюсти и слѣдующее предписаніе Ѳеодора Студита: „да не скопишь золота въ монастырѣ твоемъ, но избытокъ всякаго вида да раздаешь нуждающимся въ воротахъ двора твоего, какъ дѣлали святые отцы“ [3]),—предписа-

---

[1]) *Житіе*, 89—90; *Яковлевъ*—56.

[2]) *Житіе*, 73: Тѣмь же не хотяше никакоже прилога творити въ немь (въ монастырѣ), нъ бѣ вѣрою и надежею къ Богу воскланяяся, якоже паче не имѣти упованія неимѣніемъ (вар. имѣніемъ); ср. *Яковлевъ*, 38—39.

[3]) Завѣщаніе игумену *Migne*, P. Gr. XCIX, col. 1821, § 21. р. пер. *Е. Е. Голубинскій*, Исторія, I, 2, 683.

ніе, которое, какъ видитъ читатель, признаетъ *благотворительность непремѣнной обязанностью* монастыря, разъ въ немъ есть избытокъ всякаго вида. Приносы и вклады богатыхъ мірянъ въ монастырь даютъ возможность печерскому игумену благотворить мірянамъ же, только не имущимъ. Преп. Ѳеодосій былъ очень милосердъ. Видъ убогаго и нищаго въ худой одеждѣ возбуждалъ въ немъ чувство жалости и вызывалъ слезы состраданія. Сострадание переходитъ у него въ дѣло и благотворительность монастыря принимаетъ организованный характеръ. За монастырской оградой преподобный построилъ дворъ съ церковію и на этомъ дворѣ принимались калѣки, нищіе и больные. Полное содержаніе они получали отъ монастыря, на что расходовалась десятина его доходовъ. Кромѣ этого каждую субботу преп. Ѳеодосій посылалъ возъ печенаго хлѣба колодникамъ [1]). Такъ печерскій монастырь становится благотворителемъ.

Но нищелюбивому Ѳеодосію этого было еще мало. Онъ былъ заступникъ вдовъ, помощникъ сиротъ, прибѣжище убогимъ; училъ и утѣшалъ приходящихъ и подавалъ „еже на потребу и на пищу тѣмъ“. Многіе „несмысленные“ укоряли добраго расточителя. Много разъ приходилось ему принимать досажденія и укоризны и отъ учениковъ своихъ. Но онъ только радовался и молилъ за всѣхъ Бога [2]). Дѣло доходило до ропота на игумена со стороны печерской братіи, по крайней мѣрѣ со стороны значительной ея части. Одно поученіе преп. Ѳеодосія, чрезвычайно интересное въ настоя-

---

[1]) „Таково бо бѣ милосердіе великаго отца нашего Ѳеодосія, аще бо видяше нища или убога, въ скорби суща и въ одежи худѣ, жаляаше си его ради и вельми тужаше о семь и съ плачемъ того миловаше. И сего ради *створи дворъ близъ монастыря своего* и церковь возгради въ немъ святаго первомученика Стефана; *ту же повелѣ пріѣбывати нищимъ, и слѣпымъ, и хромымъ, и трудоватымъ* (т. е. больнымъ) *и отъ монастыря подаваше имъ еже на потрѣбу, и отъ всего сущаго монастырскаго десятую часть даяше имъ*. И еще по вся суботы посылаше въ потребу возъ хлѣбъ сущимъ въ узахъ“. *Житіе*, 75—76, Ср. *Яковлевъ*, 41.

[2]) *Житіе* 89. „И бысть вдовицамъ заступникъ и сирымъ помощникъ и убогимъ заступникъ и; спроста рещи, вся приходящая уча и утѣшая отпущаше. Убогимъ же подавая еже на потрѣбу и на пищу тѣмъ. Мнози же того отъ несмысльныхъ укаряхуть: тоже сій съ радостію та пріимаше, се же якоже и *отъ ученикъ своихъ многажды укоризны и досаженія тому пріимати*, но обаче онъ Бога моля за вся пребываше“. *Ср. Яковлева*, 55.

щемъ случаѣ, превосходно вскрываетъ этотъ внутренній разладъ въ лучшей русской обители XI вѣка. „Слово святого Ѳеодосія о терпѣніи и любви“, которое мы имѣемъ въ виду, вызвано было ропотомъ братіи на него по двумъ поводамъ — потому, что не всѣхъ, проведшихъ время искуса, онъ удостоивалъ монашескаго постриженія, а еще по поводу неумѣренной будто бы его благотворительности. Ѳеодосій поучаетъ братію, ссылаясь на примѣръ и слова ап. Павла (2 Ѳессал., III, 8—10): *„слѣдуетъ намъ отъ трудовъ своихъ кормити убогихъ и странныхъ*, а не пребывать праздными, переходя отъ кельи въ келью. Если бы не кормили насъ добрые люди, что бы мы сдѣлали, надѣясь на свои труды? И если скажемъ: за наше пѣніе, за постъ и за бдѣніе приносятъ намъ все это, то вѣдь мы за приносящихъ даже не поклонимся ни разу!“ Преподобный ссылается на притчу Господню о дѣвахъ (Мѳ. XXV, 1—13) и толкуетъ ее такимъ образомъ: „мудрыя соблюли дѣвство и свѣтильники свои украсили милостыней и вѣрой, потому вошли въ чертогъ радости безъ всякаго препятствія. *Почему же другія дѣвы названы неразумными? Потому, что соблюдя дѣвственную печать неразоримой, смиривъ плоть свою постомъ, бдѣніемъ и молитвами, онъ не принесли масла, т. е. милостыни, въ свѣтильникахъ своихъ душъ; за это изгнаны онъ были изъ чертога*, начали искать продающихъ милостыню нищимъ (NB толкованіе на—„продающихъ елей“), но не нашли: двери человѣколюбія Божія затворились. И *неприлично* (не слѣдуетъ) *намъ, возлюбленные*, продолжаетъ Ѳеодосій, *удерживать у себя то, что посылаетъ Богъ на пользу душамъ нашимъ и тѣлу отъ добрыхъ людей, и не подавать постороннимъ*“. Это подтверждается текстами Писанія (Дѣян. XX, 35; Псал. XL, 2; Мѳ. V, 7). „Не уподобимся тѣмъ ропотникамъ, которые ради чревоугодія пали въ пустынѣ, не станемъ *поддаваться бѣсовскимъ помышленіямъ, которыя всѣваютъ въ наши сердца непристойное*, не давая намъ возможности воздать Богу хвалу о всѣхъ Его благодѣяніяхъ къ намъ“. Указавъ примѣры ропота евреевъ на своего освободителя Моисея, Ѳеодосій останавливается на томъ случаѣ, когда они говорили: зачѣмъ подаемъ мы хлѣбъ иноплеменнымъ? Подвижникъ свидѣтельствуетъ, что не отъ всѣхъ слышитъ подобныя слова, потому что ропщутъ тайно, но говоритъ теперь

всѣмъ въ предостереженіе отъ зла сребролюбія, „Сказалъ (лицемѣрный сребролюбецъ): почто гибель сія бысть?... А послѣ не продалъ ли Іуда Учителя своего за 30 сребренниковъ? И самъ удавился".—Этимъ кончается обличительная часть поученія, послѣ которой слѣдуетъ заключительное увѣщаніе. Въ сильныхъ словахъ отчасти библейскихъ описываетъ преподобный свою скорбь по поводу ропота иноковъ, изведенныхъ благодатію Божіей и имъ—игуменомъ изъ мысленнаго Египта. „Чего мы лишились (подавая милостыню)? Что вы принесли отъ своихъ имѣній на это мѣсто? Или я требовалъ чего-нибудь отъ васъ, принимая въ обитель и въ Божіе человѣколюбіе?"... Преподобный умоляетъ братію бросить „двоедушіе" (т. е. привязанность къ мірскимъ благамъ при монашескихъ обѣтахъ) [1]).

---

[1]) Въ интересахъ точности приводимъ подлинный текстъ большей части памятника по изданію поученій преп Ѳеодосія, сдѣланному *митр Макаріемъ*. Уч. Зап. Ак. Н, II, П, 205 — 207. (Ср. другое изд. въ Памятникахъ др р. церк.-учительной литературы *проф Пономарева*, вып. I, 35—37). „Нынѣ же азъ, худый, въ умѣ пріемъ заповѣдь благаго Владыки, се вѣщаю вамъ: *лѣпо бо бяше намъ отъ трудовъ своихъ кормити убогія и странныя*, а не праздным пребывати, преходити отъ келіи въ келію Слышасте бо Павла, глаголюща: яко нигдѣ же тю (вар. ту) ни хлѣба ни ядохъ, но нощь дѣлахъ, а въ дне проповѣдахъ, и руцѣ мои послужиста ей мнѣ и инѣмъ; и пакы: праздный да не ясть. Мы ничсоже того не сотворихомъ. Аще бы не благодать Божія приспѣла на насъ и кормила боголюбивыми человѣки: что быхомъ сотворили на своя труды зряще? Да аще речемъ: пѣнія ради нашего, или поста ради, или бдѣнія та намъ вся приносять, и за всѣхъ бо за приносящихъ ни единою поклонимся. Слышасте бо притчю о десяти дѣвъ мудрыхъ (sic! вѣроятно здѣсь пропускъ „о десяти дѣвъ: 5 мудрыхъ") и 5 неразумныхъ. Вѣщеваетъ бо святое Евангеліе: мудрыя же дѣвство соблюдоша и свѣтильники своя украсиша милостынями и вѣрами, и внидоша въ чертогъ радостный, и никому же возбраняющу имъ. *Оны же буяя како нарекошася? Понеже дѣвственую печать соблюдоша неразорими, и въ пощеніи и въ бдѣніи, въ молитвахъ стончиша плоть свою, масла же и милостыни не принесоша въ свѣтильницѣхъ своихъ душъ: и того ради изгнани быша изъ чертога и тогда взыскаша продающихъ милостыня нищихъ, но не обрѣтоша; уже бо затворишася двери человѣколюбія Божія. — Да не лѣпо намъ есть, возлюбленіи, посылаемыхъ отъ Бога на пользу душамъ и тѣлесѣмъ нашимъ отъ боголюбивыхъ человѣхъ удержати себе, но и инѣмъ подаяти требующимъ*. Луче бо, рече апостолъ, даяти, нежели взимати. Блаженъ, рече, разумѣваяй на нища и убога: въ день лютъ избави и Господь. И пакы: блажени милостивіи, яко ти помиловани будуть. *Да не уподобимся онѣмъ роптивымъ, иже чрева ради падоша въ пустыни,*

Всмотримся повнимательнѣе въ происшествіе, вызвавшее сейчасъ изложенное поученіе. Въ Печерскомъ монастырѣ возникаетъ неудовольствіе на преп. Ѳеодосія, скрытый ропотъ. Однимъ изъ поводовъ къ нему послужила неразсчетливая благотворительность преподобнаго игумена. Ропотники, прикрывая настоящіе низменные мотивы своего неудовольствія—жадность и недостатокъ сострадательности, стараются доказать всю излишность монашеской благотворительности. Они говорятъ, что уже достаточно платятъ міру за его благодѣянія своими молитвами, бдѣніемъ и постомъ. Мало того. Они разсуждаютъ, что постъ, бдѣніе и молитвы спасутъ ихъ и безъ милостыни. На первое преп. Ѳеодосій возражаетъ, что ужъ очень плохо молятся они за христолюбцевъ, за своихъ благотворителей мірянъ, слѣдовательно остаются передъ ними въ неоплатномъ долгу; а для опроверженія второго приводитъ притчу о десяти дѣвахъ и иноковъ, разсуждающихъ объ излишествѣ благотворительности, приравн-

---

ни помышляемъ бѣсовскихъ помышленій, иже всѣваютъ въ сердца наша неподобная, не дающе намъ хвалы воздати Богу о всѣхъ благодатѣхъ его, еже къ намъ"... Рядъ библейскихъ данныхъ относительно ропота евреевъ въ пустынѣ заканчивается: „и паки воду имъ исъ камени источи, и хлѣбы имъ съ небесе дарова Той ли похвалиша Бога безблагодатніи? Но начаша глаголати: егда подаваемъ отъ хлѣба иноязычникомъ? И не отъ всѣхъ ны слово сіи есть, тайнѣ ропщющимъ: но того дѣля глаголю то всѣмъ, да не вси пріимуть яко квасъ зло сребролюбія. Глаголаше: почто гибель сія бысть; можаше бо сему распродатися на мнозѣ и дати убогымъ. И послѣди же не продасть ли Іюда Учителя своего на тридесятѣхъ сребреницѣхъ? А самъ удавися.—И како ми не стенати и не тужити, любимици мои, и та вся слышаще отъ васъ? И аще быхомъ глаголъ возглаголали ино пророческое слово; кто дасть главѣ моей каменіе (воду?) и очима моима источники слезъ, да плачюся день и нощь дщери людій моихъ? Удалихомбося въ пустыню по писанію и чаемъ Бога спасающаго насъ, и не изведе ли насъ паки изъ Египта—отъ міра въ пустыню сію безводную не рукою Моисея, но благодатію Божіею? И облиховани быша, братія моя и отци, что бо принесосте отъ имѣній своихъ на мѣсто се, или что азъ требовахъ отъ васъ, пріимая вы въ обитель сію и въ человѣколюбіе Божіе, что насъ лишеныхъ вся ли подасть намъ, молитвами святыя Богородица? Да тѣмъ молюся вамъ отъ всея душа моея, любимици мои, не пребываемъ въ дводушіи, да не прогнѣваемъ благого Владыки, якоже и они непокоривіи, но воздадимъ хвалу благому Владыцѣ, о иже тако о насъ смотрить и вся намъ изобилія подаваетъ, не помня немощей нашихъ".. Изложеніе приведеннаго поученія (болѣе краткое) можно читать и въ Исторіи *митр. Макарія,* I, 124—126.

ниваетъ къ дѣвамъ неразумнымъ, соблюдшимъ дѣвственную чистоту, смирившимъ подвигами—постомъ, молитвой и бдѣніемъ плоть свою, но не проникшимъ въ чертогъ радости, потому что въ свѣтильникахъ ихъ душъ не нашлось масла, т. е. милостыни. Сурово обращается кроткій подвижникъ къ ропотникамъ. Онъ ихъ сравниваетъ съ непокорными іудеями, а ихъ мысли прямо называетъ *бѣсовскими помышленіями.* Съ своей стороны онъ предписываетъ братіи дѣлиться съ нуждающимися монастырскимъ имѣніемъ, какимъ бы путемъ оно ни было пріобрѣтено: *вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность кормить убогихъ и странныхъ отъ трудовъ своихъ; запрещаетъ удерживать исключительно на свое содержаніе и подаяніе мірянъ въ монастырь.*

Таково служеніе преп. Ѳеодосія современному русскому міру. Подробно останавливаемся мы на немъ не безъ причины. На дѣятельность Ѳеодосія нельзя смотрѣть какъ на дѣло частнаго инока, нисколько необязательное для другихъ. Онъ—отецъ русскаго монашества, по признанію самихъ древнихъ иноковъ нашихъ, „игуменъ или архимандритъ всея Руси“, „начальникъ иже въ Руси мнишьскому чину“, „общему житію первый начальникъ въ русской землѣ“ [1]). Ставя его на такое мѣсто, наше древнее монашество должно было видѣть (и дѣйствительно видѣло) въ его лицѣ *обязательный примѣръ*, а въ дѣятельности, которую мы описывали, *обязательную программу* своего служенія міру.

Такъ оно и было. Печерскій монастырь не забылъ завѣтовъ своего устроителя. Игуменъ Стефанъ соединилъ дворъ для принятія нищихъ, приходившійся между двумя половинами монастыря, въ одну систему строеній, впрочемъ не нарушивъ оградъ, которыми части эти отдѣлялись другъ отъ друга [2]).

Общежительный уставъ во всей строгости, какъ извѣстно, недолго продержался въ Печерскомъ монастырѣ, а вмѣстѣ съ его ослабленіемъ вѣроятно пала и организованная благотворительность обители. Думаемъ такъ, потому что имѣемъ

---

[1]) Похвала преп. Ѳеодосію, *Яковлевъ* 64; Житіе преп. Авраамія Смоленскаго, Прав. Соб 1858, III, 142, 383; *Кириллъ Туровскій*, Пам. Росс. Слов. XII в. 126—127; Нгр. Лѣтоп. 2-я и 3-я, СПБ. 1879, стр. 79.

[2]) *Житіе* преп. Ѳеодосія, 95; *Яковлевъ*, 62

примѣры подобной зависимости явленій. Печерская братія дѣлится теперь на богатыхъ и бѣдныхъ, богатые служатъ предметомъ вниманія и почтенія, бѣдные находятся въ небреженіи. Но теперь въ монастырѣ развивается *частная благотворительность*: лучшіе иноки раздаютъ бѣднымъ всё, что имѣютъ. Никола Святоша, князь-инокъ, самъ ничего не вкушалъ кромѣ монастырской пищи, хотя имѣлъ много своего. Всё свое онъ раздавалъ страннымъ, нищимъ и на церковное строеніе [1]). Преп. Іоаннъ роздалъ нищимъ все свое имѣнье. Преп. Григорій, который имѣлъ только книги, продалъ ихъ, а вырученное роздалъ убогимъ. Преп. Маркъ Печерникъ ничего не бралъ съ иноковъ, которымъ готовилъ мѣста для погребенія, но, если кто самъ давалъ, онъ не отказывался, бралъ, чтобы раздавать нищимъ. Преп. Алипій иконникъ дѣлилъ на три части то, что получалъ за свое дѣло: одна часть шла на милостыню. Во время голода преп. Прохоръ Лебедникъ своими руками приготовлялъ хлѣбъ изъ лебеды, который чудесно превращался въ настоящій, и соль изъ пепла. Скромный печерскій инокъ оказываетъ противодѣйствіе самому великому князю Святополку Изяславичу, который въ союзѣ съ кіевскими жидами запретилъ ввозъ соли изъ Галиціи, чтобы воспользоваться дороговизной соли. Когда она дѣйствительно вздорожала и народъ долженъ былъ платить большія деньги монополистамъ, Печерскій монастырь раздавалъ соль даромъ. Это сбиваетъ цѣну и разстраиваетъ дурные замыслы [2]). Очень высоко цѣнилась добродѣтель милостыни въ Печерскомъ монастырѣ: раздать нищимъ значило дать Богу [3]).

Въ самомъ монастырѣ для братіи былъ организованъ уходъ за больными, по крайней мѣрѣ упоминаются монахи „на то устроеніи—больнымъ служити“. Однако Печерскіе иноки не чуждались помощи и больнымъ мірянамъ. Преп. Агапитъ, безмездный врачъ, имѣлъ даръ исцѣленія. „И слышано

---

[1]) *Яковлевъ*, 101. Можетъ быть преп Никола принималъ на себя и обязанность печалованія. По крайней мѣрѣ къ умирающему подвижнику его врачъ обращаетъ слѣдующія слова: „и кто напитаетъ много чадъ требующихъ? и кто *заступитъ обидимыхъ*? кто помилуетъ нищихъ?“ *Тамъ же*, 103.

[2]) *Яковлевъ*, 123, 137 158, 176, 152—157.

[3]) *Тамъ же*, 123.

бысть о немъ въ градѣ, яко нѣкто въ монастырѣ лечецъ. И мнози боляще приходяху къ нему и здрави бываху“ [1]).

Изъ Печерскаго монастыря по временамъ слышится голосъ обличенія сильнымъ земли. Корыстолюбецъ и насильникъ упомянутый князь Святополкъ нашолъ своего обличителя въ Печерскомъ игуменѣ Іоаннѣ (съ 1088—вѣроятно 1103 г.). Очевидно обличать насиліе властей этотъ игуменъ считалъ своею непремѣнной обязанностью, руководясь можетъ быть примѣромъ преп. Ѳеодосія, и не устрашился гоненія и заточенія, которому подвергъ его Святополкъ [2]).—Печерскій монастырь проявилъ свою общественную дѣятельность въ распространеніи христіанства, очевидно не считая и миссіонерство чужимъ монашеству дѣломъ. Извѣстенъ печерскій миссіонеръ и мученикъ среди вятичей преп. Кукша съ ученикомъ. Есть много основаній думать, что Печерскіе иноки были распространителями христіанства въ Суздальской землѣ или въ Залѣсьѣ, т. е. въ нашемъ краѣ [3]).

Печерскій монастырь былъ почитаемъ старѣйшимъ изъ русскихъ монастырей, потому что отъ него приняли уставъ всѣ русскіе монастыри того времени, хотя можетъ быть не во всей полнотѣ и строгости. Но вѣроятно вмѣстѣ съ уставомъ русскіе монастыри переняли отъ старѣйшаго монастыря, отъ „новоявленой печеры“, и примѣръ его служенія міру—молитву за мірянъ, учительство въ разныхъ видахъ, печалованіе и благотворительность, хотя, разумѣется, въ въ степени болѣе слабой. Слишкомъ скудны свѣдѣнія наши о монашествѣ за первый періодъ русской церковной исторіи, но всетаки ихъ достаточно для того, чтобы видѣть, что программа служенія міру, начертанная Ѳеодосіемъ, оставалась неизмѣнной и общеобязательной для всего русскаго иночества первыхъ вѣковъ нашей церковной жизни. Фактъ учительности тогдашнихъ иноковъ въ отношеніи къ мірянамъ не подлежитъ сомнѣнію. О преп. Варлаамѣ Хутынскомъ, представителѣ уже не кіевскаго, а новгородскаго монаше-

---

[1]) *Тамъ же*, 183, 130.

[2]) *Тамъ же*, 156.

[3]) Подробности см. въ нашей статьѣ *Значеніе Печерскаго монаст. въ начальной исторіи русской церкви и общества*. Бог. Вѣстн. 1896 г., окт., и отдѣльный оттискъ.

ства, древнее житіе его свидѣтельствуетъ: „и отвсюду собирахуся къ нему князи и бояре и убозіи; онъ же никогда же не лѣнивъ бяше Господа ради учити люди“. Указанные далѣе предметы поученій преподобнаго касаются мірской жизни, мірскихъ отношеній. Монахи часто бывали духовниками мірянъ,—прежде всего у князей и княгинь [1]). Мы имѣемъ полное право предполагать, что они гораздо чаще, чѣмъ бѣлые священники, занимали видную и выгодную пожитейски должность княжескаго духовника [2]). Русскіе бояре, насколько извѣстно, также не чуждались иноковъ и выбирали ихъ себѣ въ духовники [3]). На исповѣдь въ монастыри, къ духовникамъ іеромонахамъ хаживали и „смерды, иже по селамъ живутъ“ (т. е. крестьяне) [4]). До какой степени *обширна* бывала духовническая практика инока среди мірянъ, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать примѣръ Авраамія Смоленскаго. Вслѣдствіе выдающейся учительности подвижника на исповѣдь къ нему ходитъ „весь городъ“—бояре, рабы, женщины и дѣти. Міряне бросаютъ прежнихъ духов-

---

[1]) *Θеоктистъ*, игуменъ Печерскій, духовный отецъ князя Давида Игоревича и его княгини (*Ипат лѣт.* 1112 г, 197 стр.); *Адріанъ*, игуменъ выдубецкаго Михайловскаго монастыря, духовный отецъ великаго князя Рюрика Ростиславича (*Тамъ же*, 1190 г., 448); *Симонъ*, игуменъ владимірскаго Рождественскаго монастыря, духовникъ великой княгини Маріи, жены Всеволода Ш (*Лавр. лѣт.* 1206 г, стр. 403, ср. *Лѣт Пересл. Суздл*, 108 стр.); *Пахомій*, игуменъ ростовскаго монастыря св Петра, духовникъ князя Ростовскаго Константина Всеволодовича (*Тамъ же*, 1214 г., стр. 416); *Кириллъ*, игуменъ владимірскаго Рождественскаго монастыря, духовникъ князя Василька Константиновича (*Тамъ же*, 1231 г, стр. 433—434). Кромѣ поименованныхъ можно назвать еще предположительно *черноризца Іакова*, написавшаго посланіе духовному сыну своему Димитрію (по предположенію преосв. Макарія—великому князю Изяславу Ярославичу, *Исторія*, II, 156, 339—342).

[2]) Извѣстенъ положительно за весь періодъ только одинъ княжескій духовникъ изъ бѣльцовъ: *попъ Семьюнъ*, духовный отецъ великаго князя Ростислава Мстиславича (*Ипат. л* 1168 г 362—364); предположительно—Іоаннъ, духовникъ князя Всеволода Юрьевича (*Лавр. лѣт.* 1190 г. 387 стр).

[3]) Игумены печерскіе преп. Θеодосій и Стефанъ, какъ было упомянуто, состояли духовниками кіевскихъ бояръ. Инокъ Зарубской пещеры *Георгій* пишетъ посланіе своему духовному сыну знатному юношѣ (издано *Срезневскимъ* въ Свѣдѣніяхъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, вып. I, 54—57).

[4]) Вопрошаніе Кирика *Рус Ист. Б—хи*, VI, 47—48,

никовъ и выбираютъ духовнымъ отцомъ себѣ учительнаго Авраамія. Это вызываетъ гоненіе на преподобнаго со стороны смоленскихъ поповъ и игуменовъ, лишившихся духовныхъ дѣтей своихъ, (а вмѣстѣ съ тѣмъ и части доходовъ),— судъ и осужденіе славнаго инока [1]). До какой степени *сложна* была духовническая практика русскаго инока первыхъ вѣковъ нашей церкви, насколько хорошо надо было ему знать тогдашніе полуязыческіе нравы и бытъ русскихъ христіанъ, тѣхъ христіанъ, которые такъ недавно „звѣринымъ обычаемъ живяху", и съ какой стороны слѣдовало на нихъ воздѣйствовать, лучшее свидѣтельство на этотъ счетъ мы найдемъ въ Вопрошаніи Кирика (пол. XII в.), произведеніи типичнаго древнерусскаго духовника, іеромонаха Антоніева новгородскаго монастыря [2]). Приведенныя данныя съ несомнѣнностью убѣждаютъ, что духовническая дѣятельность монаховъ домонгольскаго или кіевскаго періода среди мірянъ была не исключительнымъ, а совершенно обычнымъ явленіемъ Это важный церковно-историческій фактъ.

Намъ неизвѣстны примѣры открытаго обличенія князей и имущихъ власть подвижниками того времени (это дѣлали тогда высшіе іерархи русскіе). Но обращеніе къ милосердію, заступничество за несчастныхъ осужденныхъ, печалованіе русскіе иноки считали своимъ дѣломъ. Игумены кіевскихъ монастырей печалуются предъ великимъ княземъ Святополкомъ за несчастнаго князя Василька Ростиславича, какъ только узнали объ ослѣпленіи, грозящемъ Васильку [3]). Передъ тѣмъ же Святополкомъ митрополитъ и игумены печалуются за князя Ярослава Ярополковича и вымаливаютъ ему свободу [4]). Митрополитъ Константинъ I и „игумени вси" ходатайствуютъ и съ успѣхомъ предъ Юріемъ Долгорукимъ за князя-изгоя Ивана Ростиславича Берладника, которому грозила смерть [5]). Заступничество преп. Варлаама Хутынскаго спасло жизнь одному осужденному преступнику, кото-

---

[1]) *Житіе преп. Авраамія Смоленскаго,* издано въ Прав. Соб 1858, III; содержаніе его разсказано въ нашемъ очеркѣ *Древнерусскій духовникъ*, отд отт. стр. 40—44.

[2]) См. тотъ же нашъ очеркъ, стр. 63—94.

[3]) *Лавр лѣт.* 250; *Ипат. лѣт.* 170, 1097 г.

[4]) *Лавр лѣт.* 265; *Ипат. лѣт.* 181, 1101 г.

[5]) *Ипат. лѣт* 1157 г, стр 335.

раго новгородцы собирались сбросить съ моста въ Волховъ [1]).

Въ періодъ княжескихъ усобицъ иноки являются и миротворцами. Высшая іерархія древнѣйшей Руси считала это дѣло своею обязанностью. Но мы видимъ, — то вмѣстѣ съ митрополитами и епископами, то вмѣсто нихъ игумены древнерусскихъ монастырей мирятъ враждующихъ князей, утишаютъ расходившіяся страсти. Въ 1127 году, когда митрополита на Руси не было, Григорій, игуменъ кіевскаго Андреевскаго монастыря, почитаемый и князьями и народомъ, удерживалъ великаго князя Мстислава Владиміровича отъ кровопролитія. Отказываясь по совѣту игумена отъ войны, Мстиславъ нарушалъ крестное цѣлованіе. И Григорій съ соборомъ духовенства взялъ на себя княжескій грѣхъ клятвопреступленія. Князь ихъ послушалъ [2]). До какой степени видное участіе принимали настоятели кіевскихъ монастырей въ дѣлѣ взаимныхъ княжескихъ отношеній, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ слова, сказанныя Мономахомъ и Святополкомъ князю Олегу Черниговскому: „поиди Кіеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы и *предъ игумены* и предъ мужи отецъ нашихъ“ [3]).

Благотворительность была вѣроятно обычнымъ дѣломъ для лучшихъ обителей того времени. Ниже придется говорить о такой дѣятельности Хутынской обители *преп. Варлаама* въ XVI в. Благотворительность считалась тогда завѣтомъ, обычаемъ монастыря, *заповѣдью* самого преподобнаго подвижника, и навѣрно шла изъ его времени († 1192 г.).

Изъ XII стол. извѣстенъ на Руси аскетъ-писатель, который излагалъ высокіе идеалы монашескаго чина и опи-

---

[1]) *Житіе преп. Варлаама*, Изд О Л. Др. Письм., 10—11.

[2]) *Лавр лѣт.* 282; *Ипат. лѣт* 210. Вотъ примѣры, когда иноки являлись миротворцами вмѣстѣ съ представителями высшей іерархіи: игуменъ Спасскаго на Берестовѣ монастыря *Петръ* вмѣстѣ съ митр. Кирилломъ II и черниговскимъ еп. Порфиріемъ 2-мъ въ 1230 г. *(Лавр. лѣт.*, 433); *Ефремъ*, игуменъ Богородицкаго монастыря, вмѣстѣ съ Порфиріемъ 1-мъ, еп. черниговскимъ, ѣздили для мира къ владимірскому князю Всеволоду и тотъ задержалъ ихъ на два года (въ 1177 г. *Ипат. л.* 411.); *Михаилъ*, игуменъ Отрочьяго монастыря, вмѣстѣ съ смоленскимъ епископомъ Игнатіемъ (въ 1206 г, *Лавр. лѣт.*, 404)

[3]) *Лавр лѣт.*, стр 222, 1096 г

сывалъ нормальный строй общежительнаго монастыря,— это *Кириллъ еп. Туровскій*, ранѣе того — инокъ затворникъ или столпникъ. Въ посланіи къ Печерскому игумену Василію (избр. въ 1182 — 85 г.г.) онъ перечисляетъ рядъ тѣхъ духовныхъ оружій на противника діавола, которыя иноку даетъ монастырь: „постъ, молитва, слезы, воздержаніе, чистота, любовь, смиреніе, покореніе, люботрудіе, неснисканіе". Въ другомъ мѣстѣ совѣтуютъ монастырской братіи ревновать подвигу святыхъ отецъ, перегоняя другъ друга, какъ бѣгутъ ретивые кони въ стадѣ, преспѣвать „въ алканіи, въ бдѣніи, въ молитвахъ, въ служебныхъ трудахъ" [1]). Въ числѣ обязательныхъ иноческихъ добродѣтелей епископъ-подвижникъ не называетъ ни одну изъ тѣхъ, которыя мы указывали въ средѣ монашества того времени—ни пастырскаго попеченія о душахъ мірянъ, ни милостыни, ни печалованія, ни ухода за больными. Могутъ отсюда заключать, что онъ и не признавалъ все это обязательнымъ. Но молчаніе еще никакъ нельзя считать равносильнымъ отрицанію. Притомъ же молчаніе Кирилла объ одной изъ добродѣтелей—о милостынѣ легко объясняется тѣмъ, что онъ предписываетъ трудно совмѣстимую съ ней добродѣтель „неснисканія", т. е. нестяжательность, христоподобную нищету. Даже еслибы Кириллъ Туровскій прямо и рѣшительно заявилъ, что перечисленныя добродѣтели необязательны для монаха, или, что на лѣстницѣ подвижника онѣ только низшія ступени, то въ такомъ случаѣ еще являлся бы вопросъ, можно ли считать это выраженіемъ идеаловъ тогдашняго русскаго монашества. Есть основаніе сомнѣваться въ этомъ. Упомянутому Печерскому игумену Василію писано было „посланіе нѣкотораго старца"—неизвѣстнаго автора, по мнѣнію авторитетныхъ историковъ принадлежащее перу того же Кирилла еп. Туровскаго. На вопросъ Василія о великомъ и святомъ образѣ схимы, въ который игуменъ издавна желалъ облечься, неизвѣстный старецъ даетъ такой совѣтъ: написать свой пожизненный обѣтъ—постъ, или ночную молитву, или безмолвіе, или неисходное житье въ монастырѣ, или *милостыню* по рукамъ,

---

[1]) „Повѣсть къ Василью игумену Печерскому, притча о бѣлоризцѣ человѣкѣ и о мнишьствѣ", *Пам. Росс Словесности XII стол*, 120 и 130.

или *подаяніе* всякому просящему, наконецъ негнѣвливость [1]). Милостыня признается здѣсь обѣтомъ, совершенно приличнымъ высшему монашескому званію, образу схимника,—въ такой же степени, какъ ночная молитва, постъ или безмолвіе *Она ставится на ряду съ высшими иноческими подвигами.*

---

[1]) „Помолися Богу и сѣдъ напиши свой обѣтъ смыслене, что хощеши до смерти хранити. въ недѣли или въ мѣсяци день или два хощеши поститися отъ брашна, или отъ питія, или обнощевати въ молитвѣ, или не бесѣдовати съ человѣки, или изъ монастыря въ обѣтный день не исходити, или *милостыню ручную творити, или всяко прошеніе къ человѣкомъ подати* (подавать всякому просящему), или гнѣвъ отдати“ (Приб къ Твор св Отц X, 349—350); *ср. Макарія*, Исторія, III, 154—157; *Срезневскаго*. Матеріалы для словаря др. русскаго языка, I, указатель сокращеній, 25. *Е. Е Голубинскій* (Исторія, изд 2-ое, I, 1, 810), сомнѣвается въ принадлежности посланія Кириллу Туровскому.

II.

Русское монашество съ пол XIV в, — пустынное — Древне-русское пустынножительство — *Преп Сергій Радонежскій* — Его благотворительная дѣятельность —Заповѣдь служебнымъ чинамъ монастыря — Похвальное слово и идеальный образъ преп. Сергія —Благотворительность Троицкой лавры въ XV—XVII стол (нищелюбіе, Пятницкая богадѣльня и странноліобіе) — *Ученики и собесѣдники преп Сергія* — Духовническая ихъ дѣятельность.—Княжескій духовникъ. — Печалованіе и благотворительность препп. Димитрія Прилуцкаго, Павла Обнорскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго —Миссіонерство преп. Авраамія Чухломскаго и св. Стефана Пермскаго — *Подвижники русскіе до к XV в* Діонисій Глушицкій, Григорій Пельшемскій; (новгородско-псковскаго края) Михаилъ Клопскій и Евфросинъ Псковскій.

Съ половины XIV в. въ исторіи русскаго монашества замѣчаются новыя, небывалыя раньше явленія. Возникаетъ усиленное монашеское движеніе и возникаетъ тамъ, гдѣ монастырей прежде было мало и монашество было слабо — въ суздальской землѣ и въ заволжскомъ краѣ. За сто лѣтъ съ 1340 по 1440 г.г. выстроилось до полутораста новыхъ обителей, тогда какъ раньше за весь Кіевскій періодъ ихъ извѣстно около 70, да за столѣтіе, протекшее послѣ монгольскаго нашествія (1240—1340 г.г.), прибавилось 30. Время преп. Сергія, его учениковъ и собесѣдниковъ — самая блестящая пора въ исторіи нашего монашества. Русскіе монастыри имѣютъ теперь важныя особенности. Большая часть ихъ прежде строилась на имѣнье князей и бояръ, а не слезами и постомъ подвижниковъ, преобладающее число ихъ были монастыри ктиторскіе. Теперь же гораздо чаще монастыри строятся самими иноками. Это значитъ, что прежде монашество насаждалось главнымъ образомъ искусственно, теперь оно ростетъ органически. Въ связи съ этимъ стоитъ другое важное различіе между русскими обителями сравни-

ваемыхъ періодовъ. „До половины XIV в. почти всѣ монастыри на Руси возникали въ городахъ или подъ ихъ стѣнами; съ этого времени рѣшительный численный перевѣсъ получаютъ монастыри, возникшіе вдали отъ городовъ, въ лѣсной глухой пустынѣ, ждавшей топора и сохи", какъ выражается проф. В. О. Ключевскій. Съ половины XIV в. наше монашество впервые получаетъ *пустынный характеръ*, внѣшній видъ отшельничества. Но измѣнилось ли оно внутреннимъ образомъ? Поставило ли себѣ новыя задачи, начертало ли иные, неизвѣстные древнѣйшему времени, идеалы? Можетъ быть въ заботахъ о личномъ спасеніи пустынные иноки освободили себя отъ тѣхъ обязанностей служенія міру, которыя несло русское городское монашество съ XI до половины XIV вв? Нѣтъ, монашество наше не измѣнилось внутренно нисколько,—не поставило оно новыхъ задачъ, не начертало себѣ неизвѣстныхъ прежде идеаловъ и не ушло отъ обязанностей служить покинутому имъ міру.

Въ русскомъ пустынномъ монашествѣ не возродилось древнее восточное анахоретство. И когда идетъ рѣчь о русскомъ отшельничествѣ, то его слѣдуетъ понимать въ очень относительномъ смыслѣ. Нисколько не преувеличивая слѣдуетъ сказать, что пустынножительство въ полномъ видѣ не удалось нашимъ древнимъ искателямъ уединенія и безмолвія. Съ половины XIV в. наблюдается на Руси любопытное явленіе, которое объясняется всецѣло историческими условіями монгольскаго времени, явленіе неизвѣстное по мѣстнымъ условіямъ на востокѣ. Его принято называть монастырской колонизаціей. Удаляясь отъ людей въ непроходимую лѣсную глушь, которая собственно и называется на древнерусскомъ языкѣ пустыней, отшельникъ недолго подвизается одинъ, „единъ единствуя", посѣщаемый только звѣрями. Лишь только пойдетъ въ народѣ молва о немъ, затѣмъ легкимъ перомъ пронесется слава, какъ въ лѣсную пустыню къ малой келейцѣ безмолвника одинъ за другимъ собираются его будущіе сожители и сподвижники. Съ топоромъ и мотыкой (—заступъ) они трудятся своими руками, труды къ трудамъ прилагая, сѣча лѣсъ, насѣвая поля, строя кельи и храмъ. Выростаетъ монастырь. И къ шуму вѣковаго лѣса, къ дикому вою и реву волковъ и медвѣдей присоединяется теперь новый, правда сначала слабый звукъ,—

„гласъ звонящъ“. И какъ будто на этотъ зовъ новаго голоса, на привѣтный звонъ монастырскаго била къ обители являются крестьяне. Они безпрепятственно рубятъ лѣса, пролагаютъ дороги въ непроходимыхъ раньше дебряхъ, строятъ вблизи монастыря дворы и села, поднимаютъ цѣлину и *искажаютъ пустыню* и не щадятъ и превращаютъ её въ чистыя поля, какъ жалуется Епифаній Премудрый, ученикъ и жизнеописатель преп. Сергія. Безмолвіе пустыни прекращается. Истинные искатели уединенія жалуются на это, заявляя, что „молва“ (суета) въ пустынѣ не лучше городского „мятежа“ (шума), что молва эта опасна даже для совершенныхъ [1]). Но пустынный монастырь всетаки остается въ сосѣдствѣ съ міромъ. Если раньше монастырь стоялъ въ самомъ городѣ или вблизи его стѣнъ, то теперь за стѣнами монастыря располагается село, которое разростаясь превращается въ посадъ или также въ городъ. Послѣ крестьянъ въ обитель являются христолюбцы — князья или бояре, даютъ братіи обильную милостыню деньгами и припасами, дѣлаютъ богатые вклады въ монастырь угодьями и селами съ людьми. Это обстоятельство грозитъ монастырю гораздо большею опастностью, чѣмъ крестьянское искаженіе пустыни. Вмѣстѣ съ стяжательностью, богатствомъ и вотчинами постепенно, а иногда и быстро, падаетъ строгая дисциплина въ обители и начинается „многомятежное міра сего житіе“.

Описанное движеніе вызвано было величайшимъ подвижникомъ русской земли, вторымъ отцомъ нашего монашества, *преп. Сергіемъ Радонежскимъ*, который по выраженію его жизнеописателя былъ „игуменъ множайшей братіи и отецъ многимъ монастыремъ“, а по лѣтописцу „начальникъ и учитель всѣмъ монастыремъ, иже въ Руси“ [2]). Мы не видимъ никакой нужды описывать всѣмъ знакомый образъ „чуднаго старца“, „тихаго, кроткаго и смиреннаго игумена радонежскаго“. Постараемся отмѣтить только тѣ стороны его

---

[1]) Разумѣемъ слѣдующія строки изъ житія преп. Павла Обнорскаго: „яже бо въ пустыняхъ молва ничимъ же градскихъ мятежъ разньствуетъ, сіи бо и съвершенныхъ пакостити обычеи безстрастныхъ“. *Ржп. Вол. Б-ки* № 659, л 178 и об.

[2]) *Житіе преп. Сергія*, изд. Общ Люб. Др. П, 43 стр. *П. С. Р. Л.* VIII, 62

святой личности, которыя объяснятъ намъ его отношенія къ міру.

Жизнеописателя въ личности преп. Сергія поражала черта, которую онъ упоминаетъ трижды: *равная любовь ко всѣмъ*. „Бяше бо Бога возлюби всѣмъ сердцемъ своимъ и ближняго своего, яко и самъ ся; *равно бо любяше всѣхъ и всѣмъ добро творяше* и вси ему благотворяху; и къ всѣмъ любовь имяше, и вси къ нему любовь имяху и добрѣ его почитаху“ [1]). Равная любовь ко всѣмъ—вотъ первое обстоятельство, которое не допускало того, чтобы подвижникъ относился къ міру безучастно.

Книжный человѣкъ своего время, можетъ быть даже выдающійся въ этомъ отношеніи, преп. Сергій руководился въ своей подвижнической дѣятельности житіями и примѣрами древнихъ устроителей и законоположниковъ восточнаго монашества. И здѣсь онъ находилъ то, что соотвѣтствовало его собственнымъ стремленіямъ. Его поражали въ древнихъ подвижникахъ не одни подвиги личнаго ихъ усовершенствованія, борьба и побѣда надъ злыми духами, но и служеніе людямъ—исцѣленіе недужныхъ, избавленіе въ бѣдахъ и въ смертныхъ опасностяхъ, помощь на путяхъ и на морѣ. Въ житіи Антонія Великаго, отца отшельническаго монашества, а также и въ житіяхъ общежителей—Пахомія, Евѳимія, Саввы Освященнаго, Ѳеодосія Киновіарха и другихъ, онъ видѣлъ *примѣры, обязывающіе инока къ благотворительной дѣятельности*. Названные подвижники представлялись преподобному Сергію въ такомъ видѣ: цѣлители болѣзней, „недостающимъ обильніи предстатели, вдовамъ и сиротамъ неистощаемое сокровище“ [2]).

---

[1]) *Житіе*, стр 35. ср похв. слово, стр. 150, 155—156

[2]) „Помышляше (преп. Сергій) во умѣ житія великихъ свѣтилъ, иже въ плоти живущеи на земли ангельски пожиша, реку Антонія великаго Евѳимія, Савву освященнаго, Пахомія ангеловиднаго, Ѳеодосія общежителя и прочихъ Сихъ житію и нравамъ удивляяся блаженный, како плотяни суще бесплотныя враги побѣдиша, ангеломъ служители быша. діаволу страшнии, имже цари и человѣки удивльшеся къ нимъ приристаху, болящеи различными недуги исцѣлѣваху и въ бѣдахъ теплии избавители и отъ смерти скории заступници, на путехъ и на мори не трудніи шественицы, недостатствующимъ обильніи предстатели, нищимъ кормители, вдовамъ и сиротамъ неистощаемое сокровище по божественному

Это чрезвычайно важный фактъ, который слѣдуетъ отмѣтить. Второго отца русскаго монашества обязанностямъ служенія міру поучали *примѣры древнихъ устроителей монашескаго житія.*

Не остались безъ вліянія на преп. Сергія и завѣты древнѣйшаго русскаго монашества, особенно *примѣръ преп. Ѳеодосія Печерскаго,* которому какъ образцу подражалъ въ своемъ управленіи монастыремъ радонежскій игуменъ. Преп. Сергій, какъ извѣстно, не былъ какимъ-нибудь новаторомъ для русскаго монашества, а только его исправителемъ или возстановителемъ. Тотъ же самый общежительный уставъ, который ввелъ въ свое время преп. Ѳеодосій, а послѣ него ослабили потомъ забыли русскіе монастыри, вводитъ и преп. Сергій въ монастыряхъ имъ основанныхъ; затѣмъ его многочисленные ученики и собесѣдники устрояютъ общее житіе въ своихъ обителяхъ; доброму примѣру ихъ слѣдуютъ и посторонніе монастыри [1]). Возможно, что подражая Печерскому подвижнику въ своей монастырской дѣятельности, преп. Сергій одушевлялся его примѣромъ и въ дѣлѣ служенія міру.

Равная любовь ко всѣмъ, обязательные примѣры служенія ближнимъ, извлеченные изъ житій устроителей христіанскаго монашества, наконецъ примѣръ преп. Ѳеодосія Печерскаго,—все это помогаетъ преп. Сергію стать для русской земли тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ: нравственнымъ воспитателемъ народа, инокомъ, который идеальнымъ образомъ соединилъ въ своемъ лицѣ и житіи и рѣдкую степень подвижничества и рѣдкое по высотѣ и по вліянію служеніе міру.

То значеніе, которое имѣлъ преп. Сергій для своего времени, для политической и народной жизни тогдашней Руси совершенно исключительно, такъ сказать неповторимо; къ тому же оно достаточно извѣстно [2]). И это даетъ намъ возможность

апостолу: акы ничтожъ имуще, а вся содержаще. *Сихъ житія на сердци имѣя, блаженый моляшеся Св. Троици, дабы невзбранно шествовати по стопамъ сихъ преподобныхъ отецъ*". *Житіе,* 74—75 стр.

[1]) Подробнѣе объ этомъ въ юбилейной рѣчи *Е. Е. Голубинскаго* О значеніи преп. Сергія въ исторіи нашего монашества., *Богосл. Вѣстн.* 1892, ноябрь.

[2]) Надѣюсь давніе читатели нашего журнала помнятъ рѣчь *проф. В. О. Ключевскаго* на томъ же академическомъ торжествѣ въ память 500-лѣтія

прямо обратиться къ тому, что дѣлалъ на пользу міру самъ великій подвижникъ, завѣщая и братіи монастыря, а чрезъ нее и *всему русскому монашеству, дѣлать это послѣ себя и вслѣдъ за собою.*

Одинъ лихоимецъ, жившій близъ монастыря преп. Сергія, обидѣлъ бѣднаго человѣка--„сироту“ (повидимому холопа),—отнялъ у него, а потомъ зарѣзалъ борова. Сирота ищетъ защиты у радонежскаго игумена. Подвижникъ призываетъ обидчика, вынуждаетъ къ обѣщанію отдать деньги за отнятое и чудеснымъ образомъ принуждаетъ его исполнить свое обѣщаніе [1]). Разсказывая этотъ случай печалованія, Епифаній Премудрый называетъ преп. Сергія милостивымъ, утѣшителемъ скорбныхъ, заступникомъ нищихъ и помощникомъ убогихъ. Но милосердый подвижникъ, имѣвшій нравъ „милостивый, добросердый, нищелюбивый и страннолюбивый“ [2]), не только лично помогалъ бѣдному, обездоленному люду; онъ заставилъ ему служить и свой монастырь. Жизнеописатель разсказываетъ о введеніи общежитія въ Радонежской обители, объ установленіи монастырскихъ чиновъ, относительно умноженія монашествующей братіи и увеличенія запасовъ въ обители. Далѣе онъ сообщаетъ о благотворительности монастыря. При жизни преп. Сергія Троицкій монастырь не владѣлъ вѣроятно вотчинами, поэтому главнымъ источникомъ, изъ котораго почерпались средства благотворить, служили приносы мірянъ. „И елика въ обители приносимая умножахуся, толма паче страннолюбная возрастаху, читается далѣе въ житіи: *и никто бо отъ неимущихъ, въ обитель приходя, тщама рукама отхождаше, николи жъ блаженный оставляше благотворенія и служащимъ въ обители заповѣда: нищихъ и странныхъ довольно упокоевати и подавати требующимъ*, глаголя: „аще *сію мою заповѣдь* сохраните безъ роптанія, мзду отъ Господа пріимете, и по отхожденіи моемъ отъ житія сего обитель моя зѣло распространится, и въ многи лѣта неразрушима постоитъ благодатію Христовою“. И тако бѣ рука его простерта къ требующимъ, яко рѣка многоводна и тиха струями“.

преп. Сергія (Б В. 1892 г. ноябрь),—*Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства.*

[1]) *Житіе преп. Сергія*, изд. О. Л. Др. П. 138—139.

[2]) *Похвальное слово*, Тамъ же. стр 148

Въ зимнее время—въ крѣпкіе морозы и сильныя метели заѣхавшіе въ монастырь путники проживали столько времени, сколько продолжалась непогода, получая полное содержаніе отъ монастыря Этого мало. *Заповѣдь преп. Сергія обнимала и уходъ за больными.* „Странніи же и нищіи и отъ нихъ *въ болѣзни сущіи, на многи дни препочиваху* въ довольномъ упокоеніи и пищи, ея же кто требоваху, неоскудно *по заповѣди святого старца*, и до нынѣ симъ тако бывающимъ". Когда около монастыря проложена была большая дорога отъ Москвы къ Ростову и пошло оживленное движеніе, въ обитель преп. Сергія заѣзжало особенно много путниковъ. Князья и воеводы заходили сюда съ отрядами войска и всѣ получали пищу и питье. Съ радостью, какъ увѣряетъ жизнеописатель, „служащіе въ обители" подавали всѣмъ изобильно [1]).

Присмотримся къ этому важному свидѣтельству. Изъ него прежде всего мы видимъ, что преп. Сергій *самъ лично* занимался дѣлами, связанными съ благотворительностью, и не покидалъ ихъ изъ предпочтенія какому-либо другому дѣлу („никогда жъ блаженный оставляше благотвореніе") Далѣе. Авторъ житія, современникъ и ученикъ преподобнаго, помѣщаетъ описаніе той организаціи, которую получила благотворительность въ обители, непосредственно за разсказомъ о введеніи общежитія въ монастырѣ, даже, точнѣе будетъ сказать, въ одномъ отдѣлѣ *„о составленіи общаго житія"*. Это значитъ, что организацію благотворительности онъ представляетъ естественнымъ продолженіемъ заботъ великаго подвижника по устроенію обители, самую благотворительность въ перечисленныхъ видахъ—*неотъемлемой чертой общежительнаго строя монастыря.* И дѣйствительно: взаимная связь двухъ частей разсказа самая твердая и естественная. Введя общежительный уставъ, учредивъ необходимыхъ въ устроенной киновіи чиновъ—*по службамъ*: келаря, служащихъ въ поварнѣ и въ хлѣбной, больничныхъ старцевъ—„еже немощнымъ служити со всякимъ прилежаніемъ", и другихъ, а *для церкви* уставивъ своихъ чиновъ: екклесіарховъ съ помощниками и прочихъ, преподобный на-

---

[1]) *Житіе*, 108—109; Ср. *Симона Азарьина*, Книга о новоявленныхъ чудесахъ, 14 стр.

лагаетъ на служебныхъ чиновъ монастыря кромѣ внутреннихъ монастырскихъ дѣлъ и обязанности къ мірянамъ—странноприміе, нищелюбіе и уходъ за больными, вѣроятно сообразно съ функціей того или иного чина, напр. уходъ за больными бѣдняками изъ мірянъ онъ налагаетъ на больничныхъ старцевъ и проч. Подвижникъ не ожидалъ особеннаго усердія со стороны братіи въ этомъ дѣлѣ и тѣмъ настойчивѣе даетъ онъ свое предписаніе. Въ формѣ игуменской или старческой заповѣди, которая, какъ извѣстно, „имѣетъ обязательную силу“, онъ даетъ это предписаніе служебнымъ чинамъ своей обители. Поступая такъ, онъ нисколько не сомнѣвается, что воля его будетъ исполняться, пока монастырь будетъ его монастыремъ, но очевидно и не ожидаетъ охотности въ соблюденіи заповѣди; предвидитъ, что своею принудительностью она будетъ тяготить экономныхъ келарей или скупыхъ казначеевъ. Вотъ почему преп. Сергій обѣщаетъ за исполненіе своей заповѣди безъ роптанія тѣми, кому она дана,—„обитель моя зѣло распространится и въ многи лѣта неразрушима постоитъ“, связывая такимъ образомъ процвѣтаніе и судьбу своей обители съ исполненіемъ этой заповѣди.

Какъ принята была заповѣдь въ обители, мы не знаемъ точно. Но только вслѣдъ за приведеннымъ разсказомъ Епифаній Премудрый повѣствуетъ о возстаніи въ монастырѣ противъ „старѣйшинства Сергіева“ и объ удаленіи игумена на рѣку Киржачъ. Таже самая братія, которая раньше съ такою настойчивостью принуждала преподобнаго принять игуменство, ропщетъ на него, даже возстаетъ, присоединяется къ родному брату его Стефану, искавшему кажется игуменства, и заставляетъ подвижника уйти изъ своего монастыря. Что вызвало ропотъ и возстаніе, по житію неясно [1]). Самое естественное думать, что все преобразованіе монастыря въ строгое общежитіе, а въ частности и обязательная благотворительность вызвали неудовольствіе братіи. Но вернувшись на игуменство въ радонежскую обитель, преп. Сергій настоялъ на введеніи общежительнаго устава, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на исполненіи своей заповѣди. Это ясно изъ того,

---

[1]) См *Е. Е. Голубинскій*, Преп Сергій Радонежскій и созд. имъ Троицкая лавра, стр. 33—35 и прим. 37 на стр 91—92.

что когда писалось житіе преп. Сергія, 26 лѣтъ спустя послѣ его смерти, благотворительная дѣятельность обители процвѣтала, какъ говоритъ о томъ Епифаній (см. выше:... „и донынѣ симъ тако бывающимъ“). Симонъ Азарьинъ, келарь Троицкой лавры, свидѣтельствуетъ, что въ его время, въ половинѣ XVII в., заповѣдь преп. Сергія о благотворительности соблюдалась нерушимо [1]). Есть мнѣніе, что самъ преподобный устроилъ ту богадѣльню для пріема увѣчныхъ и больныхъ, которая существовала послѣ при Введенской церкви [2]).

Въ похвальномъ словѣ преп. Сергію длиннымъ рядомъ эпитетовъ, приложенныхъ къ святому, тотъ же Епифаній Премудрый, описываетъ подвижника какъ общественнаго дѣятеля [3]). Нѣкоторые эпитеты оправдываются приведенными выше данными житія, другіе даютъ новый матеріалъ, а всѣ въ совокупности они рисуютъ обширную, многостороннюю и даже систематическую дѣятельность подвижника среди мірянъ. Дѣятельность эта направлялась къ возстановленію правды и справедливости въ обществѣ обличеніемъ грабителей и насильниковъ, заступничествомъ за обиженныхъ вдовъ, выкупомъ плѣнныхъ, должниковъ и рабовъ,—къ облегченію участи нищихъ милостыней, недужныхъ уходомъ, къ насажденію въ христіанскомъ обществѣ милосердія (печалованіемъ), взаимнаго мира, христіанскаго смиренія, трезвости.

---

[1]) *Симонъ Азарьинъ*, 14 стр.

[2]) *Іером. Арсеній*, Христорождественская церковь въ Сергіевскомъ Посадѣ Ч О. И. и Др. 1991 г. Ш кн. 11 стр Ср. *Е. Е Голубинскій*, Преп Сергій Радонежскій, 31.

[3]) „Сиротамъ акы отець милосердъ, вдовицамъ яко заступникъ теплъ, печальнымъ утѣшеніе, скорбящимъ и сѣтующимъ радостотворецъ, ратующимся и гнѣвающимся миротворецъ, нищимъ же и маломощнымъ сокровище неоскудное, убогимъ неимущимъ повседневная пища великое утѣшеніе, болящимъ въ мнозѣхъ недузѣхъ посѣтитель, изнемогающимъ укрѣпленіе, малодушнымъ утвержденіе, безвременнымъ печальникъ, обидимымъ помощникъ, насильствующимъ и хищникомъ крѣпокъ обличитель, сущимъ въ плѣненіи отпущеніе, въ работахъ сущимъ свобожденіе, въ темницахъ въ узахъ держимымъ избавленіе, должнымъ искупленіе, просящимъ подаяніе, піаницамъ истрезвѣніе, горделивымъ цѣломудріе, чужая грабящимъ востягновеніе, лихоимцемъ возбранникъ, грѣшникомъ кающимся вѣрный поручитель и всѣмъ притекающимъ къ нему акы къ источнику благопотребну“. (*Житіе прп Сергія*, изд О Л. Др. П., 149), Ниже читаемъ: „многихъ научи душеполезными словесы и на покаяніе къ Богу обрати“. (*Тамъ же*, стр. 151).

Есть въ похвальномъ словѣ указаніе на учительную дѣятельность преп. Сергія среди мірянъ и намекъ на духовничество [1]). Впрочемъ, въ данномъ случаѣ совершенно естественно возраженіе, что похвальное слово—недостаточно надежный историческій источникъ, что въ длинномъ рядѣ эпитетовъ слѣдуетъ видѣть плодъ неудержимаго краснорѣчія премудраго агіографа, а вовсе не историческія черты въ личности преп. Сергія. Нельзя не согласиться отчасти съ подобнымъ возраженіемъ. Возможно, что Епифаній въ разсказѣ о служеніи міру преп. Сергія отчасти *прибавляетъ* черты, которыхъ самъ же онъ не отмѣтилъ въ его житіи и которыхъ можетъ быть не было въ дѣйствительности. Но этимъ путемъ мы получаемъ новый немаловажный фактъ. Получаемъ именно, что въ такомъ литературномъ образѣ, или въ идеальномъ образѣ всесторонняго благотворителя отецъ великорусскаго монашества является въ представленіи его непосредственныхъ учениковъ. Память о немъ въ потомствѣ хранилась въ такомъ видѣ. А это, разумѣется, направляло въ соотвѣтствующую сторону древнерусскіе идеалы монашества, отражалось на жизни лучшихъ монастырей и въ житіи лучшихъ подвижниковъ.

Въ лаврѣ преп. Сергія живѣе, чѣмъ гдѣ-либо, хранилась такая память объ основателѣ; долгое время болѣе или менѣе твердо соблюдались здѣсь его завѣты. Когда умиралъ *преп. Никонъ* († 1427 г.), преемникъ Сергіевъ по игуменству, въ своемъ поученіи братіи онъ много говорилъ о „безмолвіи, матери добродѣтелемъ“, потомъ о „человѣколюбіи слово приложи рекъ: аще есть мощно, ни единаго приходящихъ тщама отпустити рукама, *да не како утаится вамъ Христа презрѣти, единаго отъ просящихъ видомъ показавшаяся*“ (т. е. чтобы не случилось вамъ по незнанію презрѣть Христа, явившагося въ образѣ нищаго) [2]). Не ясно ли, что преп. Никонъ раздѣлялъ воззрѣнія своего святого наставника относительно обязательности нищелюбія? Кормленіе нищихъ, снабженіе ихъ

---

[1]) „Многихъ научи душеполезными словесы и на покаяніе къ Богу обрати“ (стр. 151). „грѣшникомъ кающимся вѣрный поручитель“, (стр 149). Это единственныя и не совсѣмъ твердыя свидѣтельства по вопросу о духовничествѣ преп. Сергія среди мірянъ.

[2]) *Житіе преп. Никона*, изд. въ Москвѣ въ 1646 г, л. 188 об.

потребнымъ было постояннымъ дѣломъ Радонежскаго монастыря. И не столько считаясь съ наличностью своихъ запасовъ, сколько откликаясь на степень народной, мірской нужды, Сергіева обитель то усиливала, то ослабляла свою благотворительность. Въ тяжелые годы смутнаго времени монастырь преп. Сергія прославился не только своею патріотическою дѣятельностью, но и широкой благотворительностью для народа, разореннаго смутой, не смотря на то, что раззореніе сильно отразилось и на хозяйствѣ самого монастыря. „Нагимъ одежда бысть, говоритъ Симонъ Азарьинъ о Троицкой Лаврѣ, страннымъ упокоеніе, нищимъ и гладнымъ прекормленіе, отъ мраза изгибающимъ теплое утѣшеніе, страннымъ и раненымъ и конечно издыхающимъ отпускъ отъ сего свѣта съ напутствіемъ вѣчнаго живота, мертвымъ же погребеніе бываше“ [1]).

Еще въ XV в., близко ко времени преп. Никона, подъ монастырской горой „на Подолѣ“ построена была Введенская церковь, которая по придѣлу въ честь великомученицы Параскевы называется Пятницкой. Церковь служила приходскимъ храмомъ для слугъ и служебниковъ монастыря, поселившихся по рѣчкѣ Кончурѣ. При церкви Введенія чуть ли не вмѣстѣ съ ея построеніемъ возникъ домъ призрѣнія для нищихъ, точнѣе для увѣчныхъ—„лежней“,—для тѣхъ больныхъ нищихъ, которые не въ силахъ ходить по сбору милостыни. Этотъ домъ призрѣнія носилъ еще названіе *богадѣльни или больницы*: а вся группа строеній—двѣ церкви съ богадѣльней—называлась *Подольнымъ монастыремъ*. Такими интересными чертами описываетъ связь между лаврой и пріютившимся около нея Подольнымъ монастыремъ мѣстный историкъ: „богослуженіе отправляли (свои) приходскіе священники; а попеченіе о странныхъ, нищихъ и больныхъ лежало на обязанности монаховъ“. Иноки здѣсь были смотрителями и строителями, „подольными старостами“. „Введенская подольная церковь первоначально носила названіе приходской церкви и *богадѣльнаго монастыря*“ [2]). Такъ монастырь преп.

---

[1]) *Симонъ Азарьинъ*, 18 стр

[2]) *Іер. Арсеній*, Введенская и Пятницкая церковь въ Сергіевомъ Посадѣ, Ч. О. И. и Др. 1894, 4 т. стр. 3 — 4 Ср *Е. Е. Голубинскій*, Преп. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра, 263—264 стр. Дальнѣйшая *исторія троицкой богадѣльни* такова Въ 1547 г. при построеніи каменныхъ церквей Введенской и Пятницкой (вмѣсто одной деревянной—

Сергія самымъ дѣломъ исполнялъ заповѣдь святого—покоить *„на многи дни“* нищихъ *„и отъ нихъ въ болѣзни сущихъ“*...

Богомольцевъ, которые приходили по вся годы на поклоненіе мощамъ чудотворца, „не бѣ числа“, какъ передаетъ Симонъ Азарьинъ, келарь Троицкой лавры. И эти посѣтители лавры, если не безчисленные, то несчитанные, всѣ почитались гостями преп. Сергія и его обители, получали отъ нея полное содержаніе во время богомолья, подарки и необходимое продовольствіе на путь. „И аще кто восхощетъ увѣдати и сія поистиннѣ, пишетъ Симонъ, и той изъ монастырскихъ книгъ келарскія и казенныя службы выписавъ, и увѣрится истинно, како честь и дары пріимаютъ и на путь емлютъ“. Дары, какими чествовались наиболѣе знатные гости, были вѣроятно значительны. По крайней мѣрѣ заѣзжихъ греческихъ іерарховъ осуждали въ XVII стол. за то, что они ѣздятъ въ Троицкую обитель, чтобы принимать дары, въ другіе же монастыри, гдѣ такихъ даровъ не давали, они и не заглядывали [1]). Неизвѣстно, давались ли подарки простымъ гостямъ преподобнаго. Но несомнѣнно, что *всѣ богомольцы* питались отъ щедротъ монастыря. Въ народѣ

Введенской) ее причислили къ этой послѣдней и перевели на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ построенный въ 1892 г странноприимный домъ лавры На этомъ же мѣстѣ „возлѣ Пафнутіева сада“ упоминается эта богадѣльня въ 1737 г, съ двумя отдѣленіями — мужскимъ и женскимъ, каждое по 50 кроватей Не разъ она горѣла. Здѣсь мужская богадѣльня простояла до 1770 г, затѣмъ переведена на Вознесенскую гору „не въ отдаленіи отъ Вознесенской церкви и большой дороги“, гдѣ уже находилась богадѣльня женская. Въ 1789 ветхое зданіе мужской богадѣльни было продано и построено новое съ отдѣленіемъ для женской „противъ Рождественской церкви въ линію съ лавками“, близъ нынѣшняго дома призрѣнія.—Когда-то, не позже только первой половоны XVI стол, на Подолѣ былъ *открытъ настоящій монастырь. Судьба этого монастыря* (при Пятницкой собственно церкви) слѣдующая Первый разъ онъ упоминается въ 1547 г. Во второй половинѣ XVI в. былъ закрываемъ. Незадолго до прихода поляковъ былъ возстановленъ. Во время осады померло 22 его монаха, укрывшіеся въ лаврѣ, а монастырь былъ выжженъ. Возстановленъ онъ до 1641 г, но уже женскимъ, а не мужскимъ Въ 1660 году обращенъ въ приходскую церковь, а старицы переведены въ Хотьковъ Въ недавнее время лавра присоединила Пятницкую церковь къ себѣ и пятницкій приходъ закрытъ. См. *Арсеній*, О служкахъ Троицкаго монастыря, Ч О. И. и Др. 1867, III, 8; Пятницкая церковь, 5—6; *Е. Голубинскій*, 261, 265.

[1]) *Симонъ Азарьинъ*, 3—4, ср. 2 стр.

сложилось предположеніе, будто въ монастырѣ есть такой мѣдный горшокъ, который готовилъ безъ излишка и недостатка именно столько постнаго кушанья, сколько было нужно для несчитанныхъ тысячъ гостей, пришедшихъ на праздникъ въ обитель [1]). Такъ исполнялась прежде въ обители заповѣдь страннолюбія [2]).

Многочисленные ученики и собесѣдники преп. Сергія, представлявшіе цвѣтъ русскаго монашества конца XIV и начала XV в., не измѣнили нисколько тѣмъ идеаламъ иночества и тѣмъ формамъ служенія міру, какія завѣщалъ имъ великій подвижникъ. Подмѣчено, что подъ „воспитательнымъ руководствомъ (преп. Сергія) лица не обезличивались, личныя свойства не стирались, каждый оставался самъ собой и, становясь на свое мѣсто, входилъ въ составъ сложнаго и стройнаго цѣлаго“ [3]). Дѣйствительно, изъ самостоятельной ихъ жизни и дѣятельности мы видимъ, что ученики преп. Сергія (тѣмъ болѣе собесѣдники) были лично представителями не одного, а разныхъ видовъ христіанскаго подвижничества. Но между ними много общаго. Тѣ изъ нихъ, которые сами построили обители, непремѣнно вводили въ нихъ тотъ же общежительный уставъ, что и преп. Сергій, а вмѣстѣ съ общежительнымъ строемъ, какъ составную его часть, и тѣ формы служенія міру, которыя установилъ своею заповѣдью и освятилъ своимъ примѣромъ радонежскій подвижникъ. Къ тому же и Троицкій монастырь вліялъ своимъ примѣромъ; для младшихъ обителей онъ былъ приблизительно тѣмъ же, чѣмъ преп. Сергій для своихъ учениковъ: „великая лавра“—такъ называлась Троицкая обитель въ отношеніи къ монастырямъ учениковъ и собесѣдниковъ Сергія.

Пастырство среди мірянъ для подвижниковъ, вышедшихъ изъ школы преп. Сергія, было обычнымъ дѣломъ. Многіе изъ нихъ несомнѣнно состояли духовниками у князей, бояръ и вѣроятно у менѣе знатныхъ вѣрующихъ. Стефанъ, родной

---

[1]) *Герберштейнъ*, Записки о Московіи, рус. пер. Анонимова, стр. 68

[2]) Читатель можетъ предположить, что свою рѣчь мы направляемъ противъ современной лавры преп. Сергія. Но ниже онъ самъ увидитъ, что своею исторической справкой мы вовсе не имѣемъ въ виду судить и осуждать великую лавру.

[3]) *Проф. В О. Ключевскій*, Рѣчь о значеніи преп Сергія, Бог. Вѣстн 1892 г, ноябрь, 197.

братъ преп. Сергія, былъ духовнымъ отцемъ московскаго князя Симеона Гордаго и старѣйшихъ бояръ [1]); братаничъ преподобнаго (племянникъ по брату, сынъ того же Стефана) Ѳеодоръ, архимандритъ Симоновскій—духовный отецъ Димитрія Донского и тысяцкаго [2]). Преп. Савва Сторожевскій былъ духовникомъ князя Юрія Дмитріевича Звенигородскаго [3]); преп. Кириллъ Бѣлоозерскій—князя Андрея Дмитріевича Можайскаго [4]); преп. Никонъ—Владимира Андреевича Серпуховскаго [5]).

Выгодна и почетна была въ древней Руси должность княжескаго или великокняжескаго духовника. Она служила для рядовыхъ людей вѣрной ступенью на той служебной лѣстницѣ, которою восходили они на епископское сѣдалище, и потому являлась предметомъ исканій и домогательствъ. Но для истиннаго подвижника Христова, который ничего не искалъ, никогда не былъ златоносцемъ и хотѣлъ навсегда остаться въ нищетѣ, эта почетная придворная должность служила порой источникомъ столкновеній и огорченій. Любопытный фактъ разсказывается въ житіи ученика Кирилла Бѣлоозерскаго преп. *Мартиніана* († 1483 г.). Василій Темный поставилъ его игуменомъ Троице-Сергіева монастыря и выбралъ въ духовные отцы себѣ. Въ то время одинъ боринъ перешелъ отъ московскаго князя на службу къ тверскому. Василію было жаль и досадно лишиться слуги и онъ изыскивалъ средства вернуть его къ себѣ. Обращается онъ къ преп. Мартиніану, проситъ его содѣйствовать возвращенію боярина на Москву, обѣщая тому честь и богатство. При содѣйствіи подвижника бояринъ вернулся, но вѣроломно былъ взятъ подъ арестъ. Узнавъ о происшедшемъ, преподобный является къ князю „съ великою печалію“. „И рече: тако ли, самодержавный князь великій, и ты праведно судити научился еси? Почто еси душу мою грѣшную продалъ и послалъ еси во адъ? Почто еси боярина того, ижъ мною призваннаго и душею моею, оковати повелѣлъ и слово свое преступилъ“? Преподобный лишаетъ благословенія

---

[1]) *Житіе преп. Сергія*, 41—42; *Житіе митр Алексія*, Изд. Общ Л. Др. П., 14.

[2]) *Никон Лѣтоп IV*, 92; П. С Р Л. VIII, 32. Ср *Ключевскій*, Житія святыхъ, стр 109.

[3]) *Житіе преп. Саввы*, ркп Волок Б—ки, № 381, л 126 и об

[4]) *Ист Рос Іер* IV, 418. Духовная преп Кирилла

[5]) *Собр Госуд. Гр. и Догов* 1, стр. 79.

князя и его княженіе и налагаетъ свое духовническое запрещеніе. Затѣмъ немедленно уѣзжаетъ въ монастырь. Василій былъ смущенъ и созналъ свою неправду. Но какъ бы съ гнѣвомъ онъ началъ говорить боярамъ: „бояре! смотрите черньца того болотнаго,—что ми сотвори? Напрасно (неожиданно) вшедъ въ храмину мою и обличи и Божіе благословеніе снятъ и безъ великаго мя княженія постави!“ Далѣе князь признается предъ боярами въ своей винѣ, приглашаетъ ихъ ѣхать къ Живоначальной Троицѣ,—„та насъ разгрѣшитъ“ (проститъ нашъ грѣхъ). Онъ снимаетъ опалу съ того боярина и, „очи ему давъ“, сдѣлалъ его своимъ приближеннымъ. Въ монастырѣ великій князь испрашиваетъ себѣ прощеніе и разрѣшеніе у своего духовнаго отца. Преп. Мартиніанъ благословилъ князя честнымъ крестомъ „и самъ отъ него прощеніе взятъ“. Послѣ того князь Василій больше прежняго сталъ любить своего духовнаго отца, ни въ чемъ его не оскорблялъ, слушалъ во всемъ и почиталъ [1]). Вотъ какое геройство, которое замѣтно удивляетъ жизнеописателя преп. Мартиніана, требовалось иногда отъ княжескаго духовника.

Въ этомъ разсказѣ вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ превосходный примѣръ печалованія древнерусскаго подвижника за неправедно осужденнаго [2]).

Печалованіе и благотворительность были едва ли не самыми излюбленными формами служенія міру со стороны подвижниковъ того времени. О преп. *Димитріи Прилуцкомъ* († 1392 г.) въ его житіи говорится: „Никогда же блаженный не измѣни правила молитвенаго, но убо труды къ трудомъ прилагая, смѣшая постъ съ милостынею, странныхъ пріимая и кормлю подавая требующимъ“. Положеніе обители при большой дорогѣ къ Бѣлому морю содѣйствовало особенно развитію страннолюбія. „Бяше на распутіяхъ мнозѣхъ обитель святого мимоходящимъ отъ града даже и до великаго моря окіяна. Бяше же (преподобный) нагимъ одежда, печальнымъ утѣшеніе, бѣднымъ помогая и отъ напастей изимая, больныхъ молитвою исцѣляя, должнымъ искупленіе подавая и самъ долги

---

[1]) *Житіе преп Мартиніана Бѣлоозерскаго*, Ркп Вол. Б—ки, № 564, л. 234 об.—238.

[2]) Съ этой стороны приведенный разсказъ уже оцѣненъ въ изслѣдованіи проф. *В. Малинина*, Старецъ Филоѳей и его посланія, 717—718.

отпущая, грѣшнымъ на покаяніе учитель (—духовникъ?) и всѣмъ хотя спастися". Братія монастыря, какъ это было обычно, не сочувствовала благотворительной расточительности игумена. „Иногда же и отай братіи (тайно отъ братіи) милостыню подая убогимъ, дабы роптаніемъ братія мзды не погубили. Самъ же ризную худость толику любя, яко единъ отъ убогихъ сый; едину одежду нося на себѣ и зимѣ и лѣтѣ" [1]). О печалованіи подвижника говорится „и отъ насилія, отъ злыхъ судій бѣдою одержимыхъ, точію словомъ своимъ избавляя". Преподобный защищалъ и рабовъ отъ насилія господъ, не останавливаясь предъ обличеніемъ. Одинъ богатый человѣкъ прислалъ въ Прилуцкій монастырь пищу и питье. Димитрій не принялъ дара и сказалъ благотворителю: „отнеси сія въ домъ свой, еже намъ принеслъ, и, яже суть рабы и сироты въ твоемъ дому, тѣхъ питай, да не погибнутъ гладомъ и жажею и наготою, и тѣхъ избытки (что останется) нашей нищетѣ донеси, да будеши совершенъ милостивецъ и вмѣнитъ ти Господь Богъ въ правду" [2]).

Преп. *Павелъ Обнорскій* († 1429 г.) былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ подвижниковъ древней Руси. Изъ учениковъ преп. Сергія онъ въ бо́льшей степени, чѣмъ кто-либо другой, былъ склоненъ къ безмолвію, къ отшельничеству. къ полному уединенію. Ему пришлось устроить общежительный монастырь и управлять имъ, но подвижникъ остался отшельникомъ, приходя въ обитель только для богослуженія на субботы и воскресенья. Строжайшее подвижничество Павла Обнорскаго характеризуется словами его житія: „вся жизнь его постъ бяше", „всегдашній постъ, присная мо-

---

[1]) Матеріалы для исторіи русской церкви. Харьковъ 1863. II, 62.

[2]) *Тамъ же*, 63 Въ похвальномъ словѣ препод. Димитрію говорится: „Радуйся милостыни рачитель.. Радуйся умъ свой къ Господу имѣя и сердце пригвождая въ молитвахъ день и нощь, радуйся болящимъ врачъ и скорый посѣтитель, радуйся вдовицамъ питатель, сиротамъ же и нищимъ и страннымъ и безкровнымъ тихое пристанище (*Тамъ же*, 75—76).

Преп. Евѳимій Суздальскій († 1404 г.) извѣстенъ также своею благотворительностью. Но его поздній жизнеописатель, характеризуя подвижника съ этой стороны, дословно списываетъ приведенныя выдержки изъ житія Димитрія Прилуцкаго, только съ необходимыми выпусками, (*Житіе преп. Евѳимія*, Ркп. Вол. Б—ки № 628, л 66 об. — 67). Въ похвальномъ словѣ (*Тамъ же*, 76 об.—77 об.) подобныя же заимствованія изъ похвалы преп. Димитрію

литва“ [1]). Тѣмъ интереснѣе знать, какъ смотрѣлъ этотъ *созерцатель-отшельникъ* на обязанности инока относительно мірянъ. Жизнеописатель отмѣчаетъ, что преп. Павелъ „благоприступенъ приходящимъ къ нему и учителенъ“ [2]) Духовнымъ отцемъ мірянъ онъ не былъ конечно только потому, что не имѣлъ священнаго сана. Еще въ міру преподобный отличался нищелюбіемъ [3]). Монастырю же своему благотворительность онъ вмѣнилъ въ непремѣнную обязанность и это выразилъ въ своемъ *уставѣ*, содержаніе котораго изложено въ житіи. „И въ рукодѣліи повелѣ комуждо тружатися, да не токмо отъ своихъ трудовъ свой хлѣбъ снѣдають, *но да и о нищихъ любовь показують*“. Милостыня представляется преп. Павлу средствомъ обнаруженія любви къ ближнимъ и нужна была въ этомъ смыслѣ самимъ инокамъ [4]). Итакъ, этотъ подвижникъ легко соединяетъ въ своемъ лицѣ строгаго отшельника, учителя народа, нищелюбца или благотворителя.

Преп. Кириллъ Бѣлоозерскій († 1427 г.) представитель разныхъ видовъ христіанскаго подвижничества. Временно онъ юродствовалъ, или принималъ подвигъ безмолвія. Но сверхъ того преп. Кириллъ былъ организаторомъ знаменитаго общежительнаго монастыря, который въ заволожскомъ краѣ имѣлъ приблизительно то же значеніе, какое въ своихъ мѣстахъ монастыри Печерскій и Троице-Сергіевъ. Въ немъ и въ отшельничьихъ кельяхъ бѣлоозерскихъ лѣсовъ выросло то новое направленіе, которое носитъ имя заволжскаго, направленіе созерцательное, поставившее для монашества новыя задачи, по своему понимавшее его идеалы. Рѣчь о немъ еще будетъ впереди, а теперь мы посмотримъ только на преп. Кирилла и его монастырь въ отношеніи къ міру. Бѣлоозерскій монастырь при жизни основателя сдѣлался питателемъ своего края въ голодное время. „По нѣколи-

---

[1]) *Житіе преп. Павла.* Ркп. Вол. Б—ки, № 659, лл. 195, 208

[2]) *Тамъ же*, л. 192 об.—193.

[3]) *Тамъ же*, л. 204. „Нищимъ милостыню съ тщаніемъ подая, бяше бо зѣло милостивъ“.

[4]) *Тамъ же*, л. 188 об.—189. Преп. *Стефанъ Махрищскій* († 1406), собесѣдникъ преп Сергія, поступалъ именно такъ, какъ предписывалъ въ своемъ уставѣ Павелъ Обнорскій. Питался трудами своихъ рукъ, „отъ избытка же питалъ странныхъ и нищихъ“. *Ист. опис. Махрищскаго монастыря*, М. 1852, стр. 6.

цѣхъ же лѣтѣхъ бывшу гладу въ людѣхъ немалу. И таковаго ради утѣсненія нужды мнози отъ неимущихъ прихождаху въ обитель святого нужди ради глада. Святый же повелѣваше даяти хлѣбы просящимъ къ тѣхъ насыщенію и тако даяху по вся дни нищимъ хлѣба довольна... Слышавше окрестъ тоя обители живуще человѣци, яко питають приходящіихъ глада ради, и сего ради множайши начаша приходити и тамо насыщатися. Но елико брашна взимаху оттуду, толико паче множахуся и преизобиловаху... И тако малыми брашны препиташеся людіе мнози“ [1]). Благотворительная дѣятельность монастыря проявлялась и по смерти святого. Игуменъ Христоферъ (1428—1433) „многихъ отъ плѣненныхъ искупивъ, на своихъ мѣстѣхъ паки насадивъ“ (поселивъ) [2]). При слѣдующемъ игуменѣ Трифонѣ (до полов. XV в.), когда монастырь строилъ церковь и матеріальныя средства его были напряжены, случился въ краѣ большой голодъ. Многіе начали приходить въ обитель, ища пропитанія. Здѣсь никому не отказывали и особенно заботливо питали голодныхъ дѣтей. Но экономный келарь, „умаленъ бывъ вѣрою“, сталъ бояться, что у монастыря не хватитъ средствъ на всѣхъ: прокормиться самой братіи, содержать рабочихъ и пропитать голодныхъ; служебные чины обители стали уменьшать выдачу милостыни. Тогда запасы дѣйствительно начали быстро убавляться. Игуменъ рѣшилъ питать всѣхъ приходящихъ и въ Бѣлоозерскомъ монастырѣ кормилось ежедневно 600 человѣкъ и больше до новаго хлѣба [3]). Грозный писалъ въ Кириловъ монастырь въ своемъ знаменитомъ посланіи: „Кириловъ доселѣ многія страны препитывалъ въ гладныя времена“ [4]).

Одинъ изъ учениковъ преп. Сергія является миссіонеромъ, утвердителемъ христіанства среди двоевѣровъ крещеннаго уже края,—это преп. *Авраамій Чухломской* († 1375 или позднѣе). Населеніе, ближайшее къ его пустынному монастырю, держалось языческихъ суевѣрій, вѣрило и обращалось

---

[1]) *Житіе преп. Кирилла*, Ркп. Вол Б—ки № 645 л. 430 об—431

[2]) Ради благочестиваго игумена кн. Юрій Дмитріевичъ Звенигородскій отпускаетъ однажды весь полонъ. *Тамъ же*, 458 и об.

[3]) *Тамъ же*, 462 об.—463.

[4]) *Акты Ист.* I, 383.

къ волхвамъ. Къ подвижнику, какъ къ волхву, стали приводить своихъ больныхъ для леченья. Онъ поучаетъ правовѣрующихъ „оставить волшебную прелесть“ и совершаетъ нѣсколько чудесныхъ исцѣленій. Чудеса преп. Авраамія утверждаютъ двоевѣровъ въ христіанствѣ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ даже постригаются въ его монастырѣ [1]). А изъ собесѣдниковъ преп. Сергія вышелъ не повторившійся еще на Руси миссіонеръ, истинный апостолъ Христовъ, *св. Стефанъ Пермскій* († 1396), который въ монастырѣ приготовилъ себя къ своему служенію и въ санѣ іеромонаха положилъ основаніе христіанства среди зырянъ. Труды св. Стефана слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы описывать ихъ здѣсь [2]).

Вотъ тѣ свѣдѣнія относительно служенія міру учениковъ и собесѣдниковъ преп. Сергія Радонежскаго, какія мы находимъ въ житіяхъ ихъ. Ясно, что тѣ и другіе ни на шагъ не отступили отъ завѣтовъ своего святого руководителя.

Этого направленія русское монашество согласно держалось до второй половины XV в.

Преп. *Діонисій Глушицкій* († 1437 г.), котораго можно признавать представителемъ струи монашества, шедшей изъ Московскаго края, одинъ изъ выдающихся подвижниковъ—благотворителей: „изряднее нищелюбіе стяжа“. Своему ученику преп. Григорію Пельшемскому онъ даетъ примѣчательное наставленіе: „сотвори умъ твой съ всѣмъ тщаніемъ единаго Бога искати и прилежати въ молитвѣ. *И паче подвигнемся помогати нищимъ и сиротамъ и вдовицамъ*,—дондеже время имаши, дѣлай благая“ [3]). При жизни преп. Діонисія „въ тажъ лѣта

---

[1]) *Житіе преп. Авраамія*, Ркп. Тр. Лавры № 625, лл 310, 311 об. 321 об.—323 Подвижникъ поучаетъ братію предъ смертью: „страннолюбія не забывать“ (*Тамъ же*, л. 330).

[2]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не станемъ говорить о древнерусскихъ инокахъ - миссіонерахъ. Напомнимъ только теперь читателю, что участіе монашества въ дѣлѣ распространенія христіанской вѣры на нашемъ сѣверѣ до XVII в. было гораздо болѣе значительно, чѣмъ участіе іерархіи Древніе подвижники сѣвернаго края точно взяли на себя эту прямую обязанность духовенства—церковной власти, очевидно и не подозрѣвая, что миссіонерство дѣло постороннее монашеству и не входитъ въ его задачи.

[3]) *Житіе преп Діонисія* Ркп. Тр. Лавры, № 603, л 35. Это наставленіе *буквально повторяется въ житіи преп. Григорія Пельшемскаго.* Вел. Четь-Минеи, 30 сент по изд. Археогр Комм. 2273 стб.

гладна бысть страна та". Въ обитель преподобнаго приходитъ много народа за хлѣбомъ, „творяше бо (преподобный) милостыню неоскудно просящимъ. Они же болма начаша приходити. Преподобный же никакоже стужа, но болма даяше". Экономъ монастыря указываетъ подвижнику на оскудѣніе запасовъ. Но тотъ, „понося эконому", даетъ наставленіе о милостынѣ безъ всякаго разсчета и указываетъ, что не за что иное, какъ за немилосердіе, Господь будетъ карать на страшномъ судѣ своемъ, ничто другое, какъ милостыня, поможетъ инокамъ на судищѣ Христовомъ. „Ничто же бо сице намъ, якожъ милостыня помогающи есть. Милуяй нища взаимъ даетъ Богу. *Сице смысляше и учаше*" [1]). Въ похвальномъ словѣ преп. Діонисій называется между прочимъ „рабомъ свободитель" [2]). И эта черта превосходно подтверждается слѣдующимъ интереснымъ разсказомъ изъ житія преп. Діонисія. Братія, какъ и всегда недовольная благотворительностью своего игумена, задумала его вразумить. Одѣли одного юношу странницей, и тотъ, назвавшись рабой, просилъ у святого 100 сребреницъ для выкупа изъ холопства вмѣстѣ съ дѣтьми. Преподобный далъ деньги, а братія возвратила ему ихъ, сказавъ, что напрасно онъ благотворитъ обманщикамъ. Но преп. Діонисій отдаетъ деньги юношѣ, а братію наставляетъ быть милостивыми, давать не только всякому просящему, но и не просящему, запрещаетъ повторять свои искушенія и побуждать его къ немилосердію [3]).

Упомянутый ученикъ Діонисія преп. *Григорій Пельшемскій* († 1441 г.) совершенно усвоилъ наставленіе своего учителя и вполнѣ осуществилъ его. „Прихождаше нищая въ гладъ, съ радостію пріимаше ихъ" [4]). Поучая бѣльцовъ и иноковъ, подвижникъ какъ тѣмъ такъ и другимъ ставитъ

---

[1]) Ркп. Тр Лавры, № 603, л. 38—39.

[2]) „Алчущимъ питатель, сущимъ въ наготѣ покровитель, обидимымъ пособникъ, вдовамъ заступникъ, печальнымъ утѣшеніе, безпомощнымъ помощникъ и рабомъ свободитель". (*Тамъ же*, л. 61).

[3]) *Тамъ же*, 36 об.—37 об.

[4]) *Вел Ч-Минеи*, 30 сент. изд. Археогр. Комм. 2278 стб Ср Похвальное слово, 2294 стб. Благотворительная дѣятельность подвижника описывается въ дальнѣйшихъ словахъ житія почти буквально приведенными выше словами изъ житія Димитрія Прилуцкаго, которыя можно даже признать житійно-типическими

въ числѣ заповѣдей Господнихъ, т. е. обязательныхъ предписаній—„*милованіе нищихъ*“ [1]).

Монастыри *новгородско-псковскаго края*, стоявшіе внѣ прямого вліянія со стороны „великой лавры“ преп. Сергія, однако нисколько не разнились въ своемъ служеніи міру отъ прочихъ русскихъ монастырей, конечно потому, что въ нихъ хранились общіе, исконные завѣты русскаго монашества.

Небольшая Клопская обитель пропитала немало народа въ голодъ 1423 года. „И много людей голодныхъ идяше и маломощныхъ во обитель святыя Троица питатися, читаемъ въ житіи юродиваго *Михаила Клопскаго* († ок. 1456 г.), и прискорбенъ бысть Ѳеодосій игуменъ и съ братіею. И рече преподобный Михайло игумену и братіи: о семъ нынѣ не скорбите, отче (отцы), Господь Богъ препиталъ есть 40 (sic!) мужей въ пустыни развія женъ и дѣтей И абіе умоли блаженный у Ѳеодосія игумена и у старцевъ и повелѣ въ котлѣ рожь варити и давати невозбранно приходящимъ путникомъ. И начаша старцы роптати на игумена и на преподобнаго и воста игуменъ и блаженный Михаилъ, тако рекли: „поидемъ братіе въ житницы посмотримъ“. И паки идоша вси и обрѣтоша всякихъ благихъ житницы полны, а не убы изъ нихъ ничтожъ милостію Божіею, святыя Троица и молитвою блаженнаго старца. И повелѣша болѣ того рожь варити и раздавати требующему народу безбранно (безпрепятственно). И тако приходящіи вси прославиша Бога, святую Троицу и угодниковъ его“ [2]).

Наиболѣе извѣстный изъ Псковскихъ монастырей, возникшихъ въ XV стол.—монастырь преп. *Евфросина* († 1481 г.), отличался поразительной строгостью устава и жизни бра-

---

[1]) *Тамъ же*, 2278 стб. Въ житіи преп. Григорія передается интересный для нашего вопроса разсказъ объ обличеніи имъ князя Димитрія Шемяки за тѣ бѣдствія, какія причиняли жителямъ вологодскаго края войска князя. Шемяка, разсерженный обличеніями святого, „повелѣ его съ помосту ринути, не убояся суда Божія“ Но хронологическія несообразности разсказа (*Ключевскій*, Житія святыхъ, 197—198) лишаютъ его исторической достовѣрности. Можетъ быть, впрочемъ, за этимъ разсказомъ скрывается какое-нибудь другое дѣйствительное происшествіе Въ похвальномъ словѣ преп. Григорій называется между прочимъ „въ градъ за люди ко князю хожденіе“ (*Тамъ же*, 2294 стб.).

[2]) *Житіе преп. Михаила Клопскаго*, изд. *И. Некрасова*, Зарожденіе національной литературы въ сѣв. Руси, Одесса 1870, Прилож., стр. 21.

тіи, такъ что одинъ священникъ, попавшій въ обитель къ вечернему богослуженію и насилу простоявшій его, отозвался: „тако онъ (Евфросинъ) пребываетъ съ братьею, яко желѣзный съ желѣзными“. Но обитель славилась и благотворительностью. „Елма же нача блаженный милостыни творити многи приходящимъ къ нему алчнымъ и жаднымъ и маломощнымъ, и странныхъ и приходящихъ людей *всѣхъ равно упокоевая и кормя съ любовію, яко отъ Господа посланныхъ. И братіи своей заповѣда ничтоже звати своимъ, но все монастырскимъ*, подобяся гласу Спасову: „*милостивыхъ домы не оскудѣютъ*“ (рече Господь), ревнуя Авраамову странноліобію и Іову Авсидійскому и Филарету и Ивану Милостивому и Ѳеодосію Киновіарху и Евѳимію Великому и прочимъ святымъ, *тѣхъ житію подражая во всемъ*“ [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что, организуя благотворительность въ монастырѣ, преп. Ефросинъ ставитъ ее въ неразрывную связь съ общежительнымъ уставомъ, воспрещающимъ монаху личную собственность, разсуждая такъ: то, что монахъ истратилъ бы на себя, должно идти въ пользу нищихъ. Примѣчательно и то, что примѣромъ въ этомъ дѣлѣ русскому подвижнику послужили древніе подвижники востока. И по мѣрѣ того, какъ богатѣла обитель Евфросина отъ приносовъ и вкладовъ селами, развивалась и ея благотворительная дѣятельность. „Святый же нача болма милостыни творити убогимъ и странныхъ упокоевая, яко чадолюбивый отецъ“ [2]). Такъ передаетъ о благотворительности преп. Евфросина его житіе.

Но отъ псковскаго подвижника остался *уставъ* монастырю, первый памятникъ въ этомъ родѣ изъ дошедшихъ до насъ отъ древней Руси. Приводимъ цѣликомъ двѣ статьи этого устава, трактующія о благотворительности обители. Онѣ интересны, потому что содержатъ нравственно-религіозную мотивировку этой обязанности иноковъ; наглядно изображаютъ намъ народное пониманіе евангельскихъ завѣтовъ; наконецъ отмѣчаютъ вліяніе на уставъ со стороны восточныхъ монастырей того времени. „*О странноприимствѣ*. Еще же и

---

[1]) *Житіе Евфросина*, Пам. стар р. литер. IV вып., 76.

[2]) *Тамъ же*, 77 стр. Преп. Евфросинъ завѣщалъ братіи не забывать страннолюбія послѣ его смерти.

о странныхъ прихоженіи въспомяну. Егда приходятъ къ вамъ странніи—или иноци, или мирстіи, всяко потщитеся пріяти или покоити страннаго, аще бы возможно по Господни заповѣди, еже самъ сътвори, преклонь бо честную свою выю, умы нозѣ ученикомъ, тако рече: *и вы длъжни есте творити.* И паки рече: *страненъ бѣхъ, введосте мя.* И елико кому любо пребыти въсхощеть, да пребудеть по завѣщанію святыхъ отець три дни. И на дѣло не нудите его, ни слова тяжка рцѣте ему, *егда будетъ самъ Христосъ, или ангелъ его* [1]). И отпущающе дадите милостыню, елико по силѣ. Такоже аще и мирстіи жители или властели, честь въздадите ему, пишетъ бо ап. Павелъ: *не будите должни человѣкомъ, воздадите убо емуже честь—честь, ему же урокъ —урокъ, ему же дань—дань* и прочее Такоже или отъ ловець или отъ кыхъ дѣлатель [2]), не станеть у него хлѣба, и пришедъ начнетъ просити, дадите ему елико требуетъ. *А еже кто и хощетъ купити на деньги, никакоже тако учините, но туне давайте.* Слышахомь бо отъ самовидець, яко въ святей горѣ (т. е. на Аѳонѣ) и въ прочихъ великихъ обителій отъ древнихъ святыхъ отець пріяли уставъ: иже кто продаеть хлѣбъ печеный, подъ запрещеніемъ великымъ таковый, все бо Божіе есть: или хлѣбъ, или риза, или злато, или сребро. Не внесохомъ бо въ миръ сей ничто жъ и ни изнести что можемъ“ [3])...

---

[1]) Этимъ словамъ соотвѣтствуетъ приведенное выраженіе житія: „всѣхъ равно упокоевая и кормя съ любовію, *яко отъ Бога посланныхъ*“.

[2]) Здѣсь вставлено киноварью заглавіе второй статьи—*о подаянии*

[3]) Ркп. Вол. Б—ки, № 632, л. 452 об.—453 Уставъ преп. Ефросина по этой рукописи, а также по ркп. Б-ки Моск. Дух. Акад № 205, изданъ *Н. Серебрянскимъ* въ неоффиц. части Псковскихъ Епархіал. Вѣдом. 1902 г. №№ I—IV. Приведенныя статьи, см. № *IV*, 101—102

III.

Монашескія партіи съ к XV в.—*іосифляне и бѣлоозерскіе старцы.*—Воззрѣнія преп Іосифа Волоколамскаго на монашество и его задачи—Сужденіе о монастырской благотворительности. — Подвижническіе идеалы и монашескія воззрѣнія преп. Нила Сорскаго; его взглядъ на иноческую милостыню—Иноческіе идеалы старца Артемія—Вопросъ о милостынѣ.—Подвижники іосифлянскаго направленія. Пафнутій Боровскій, самъ Іосифъ (духовникъ, печаловникъ, благотворитель), Корнилій Комельскій и Даніилъ Переславскій—Заволжцы,—отличіе ихъ отъ іосифлянъ въ дѣлѣ служенія міру—Отшельникъ-учитель народа—Филиппъ Ирапскій—Выводъ

Въ средѣ русскаго монашества, возсозданнаго преп. Сергіемъ, въ XV стол. развились два противоположныхъ направленія. Къ концу этого вѣка они вполнѣ опредѣлились. Сторонники ихъ рѣзко раздѣлились на двѣ партіи, потому что враждебно столкнулись между собою. Во главѣ каждой партіи тогда стояли крупные представители, даровитые, книжные, извѣстные подвижники. *Іосифляне*—партія *московская*, получившая имя отъ преп. Іосифа Волоколамскаго—представители практическаго монашества, сторонники общежительнаго монастыря. *Бѣлоозерскіе старцы—заволжская* партія, созданная Ниломъ Сорскимъ—представители созерцательнаго монашества, сторонники скитскаго образа. Иноческіе идеалы, взгляды на задачи монашества и на обязанности его къ міру у каждой партіи свои, особенные.

Ученикъ и постриженникъ Пафнутія Боровскаго, который имѣлъ своимъ учителемъ ученика преп. Сергія Никиту Высоцкаго, *преп. Іосифъ* († 1515) считалъ монашество общественной силой, передовымъ правящимъ классомъ въ церкви. Но общественное значеніе русскаго монастыря во

время Іосифа покоилось на земельномъ богатствѣ, на вотчинѣ и подвижникъ становится на ея защиту. Монастырскія вотчины привлекаютъ въ число братіи „честныхъ и благородныхъ“ людей, къ чорной работѣ не привыкшихъ, будущихъ іерарховъ, опору церкви, а потому должны онѣ существовать. Таковъ ходъ мыслей въ знаменитыхъ словахъ волоцкаго подвижника, сказанныхъ имъ на соборѣ 1503 г.: „аще у монастырей селъ не будетъ, како честному и благородному человѣку постричися?“ и дальнѣйшихъ. Защищая монастырскую вотчину и владѣнье крестьянами, преп. Іосифъ является проповѣдникомъ „стяжательности“, права монастыря на скопленіе богатствъ (но, разумѣется, не частной собственности монаха, которая съ точки зрѣнія устава нетерпима). И между разными доводами въ оправданіе монастырской стяжательности онъ приводилъ и такой: *монастырь обязанъ благотворить, но для благотворительности нужны средства, т. е. земельныя богатства. Поэтому онъ можетъ и долженъ владѣть вотчинами.*

Оттого Іосифъ Волоколамскій становится однимъ изъ энергичнѣйшихъ проповѣдниковъ—и въ теоріи и на практикѣ—монастырской благотворительности во всѣхъ ея главныхъ видахъ: страннолюбія, нищелюбія и ухода за больными. На томъ же соборѣ онъ говорилъ, что благочестивые ктиторы—епископы и князья давали своимъ монастырямъ села и другія доходныя статьи затѣмъ, чтобы налагать на нихъ благотворительныя задачи. Давали, „*праведно судивше и се* (правильно разсуждая такимъ образомъ): *да елици убожествомъ яти, или нищетою обстоими, или недуги дручими, монастыря обходяще, утѣху пріемлютъ милосердія ради и обилія стяжанію церкве сущія въ нихъ* (т. е. по милости монастырей, когда при церквахъ ихъ будутъ достаточныя имѣнія). Мниси же, отрекшіися міра и въ монастыря сія вшедше, здравіемъ укрѣпляеми суще, *съ постомъ своимъ и молитвами да и работы въ монастыри работаютъ, предстояще съ добрыми дѣтельми страннолюбію, егоже ради непщующе и тружатися* (—съ добрыми дѣлами упражняясь и въ страннолюбіи, считая нужнымъ для него и трудиться)“. Указавъ на земледѣльческій трудъ и скитскихъ отцовъ ради странныхъ, Іосифъ продолжалъ: „и сіи черноризци (ктиторскихъ общежительныхъ монастырей), изволяющіи такожде, въ смиреннѣ

мудрованіи *тружающеся странныхъ ради и болящихъ упокоенія.. не токмо не осужаются, но паче сея самыя ради вины велію мзду съ постничьствомъ своимъ воспріимутъ*“ [1]). Итакъ монастырю пріобрѣтать имущества для благотворительной дѣятельности совершенно дозволительно и желательно, иноку же трудиться ради „странныхъ и больныхъ упокоенія“ прямо спасительно. Такъ разсуждалъ о монастырской благотворительности преп. Іосифъ, являясь такимъ образомъ принципіальнымъ защитникомъ этой формы служенія иноковъ міру. Другія стороны этого служенія не затрогивались его воззрѣніями.

Преп. *Нилъ Сорскій* († 1508), постриженникъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря, путешествовавшій и на Аѳонъ, держался совершенно иного взгляда на монашество. Идеалъ его чисто созерцательный. Преп. Нилъ не считалъ монашество общественной силой и потому не возлагалъ на него миссіи руководительства церковной жизнью, что обязывало бы монаха принимать большое участіе въ мірской жизни, нарушать его „безпопеченіе“ (свободу отъ заботъ) и „безмолвіе“ (свободу отъ житейской суеты и людскихъ бесѣдъ). Онъ велъ монаха изъ міра въ пустыню, въ уединеніе, признавая великую опасность для его души отъ одного общенія съ мирскимъ чиномъ. Считая однако полное отшельничество удѣломъ совершенныхъ и святыхъ, а общежитіе неудобнымъ для безмолвія, Нилъ Сорскій вводитъ на Руси средній—скитскій образъ жизни, который называетъ „царскимъ путемъ“. Скитъ — это малочисленная монашеская община въ два-три человѣка, которые имѣютъ все общее—пищу, одѣяніе и трудъ и повинуются другъ другу [2]). „Притяжаніе селъ и содержаніе многихъ имѣній, т. е. вотчины и накопленіе богатствъ, вовлекающія монашество въ сношенія съ міромъ, подвижникъ-созерцатель считалъ вовсе не дозволенными монастырю. На соборѣ 1503 г. не иной кто, какъ преп. Нилъ, поднялъ вопросъ объ отобраніи вотчинъ у

---

[1]) *Житія преп. Іосифа и надгробное слово*, изданныя *К. И. Невоструевымъ*, Ч Об. Люб Д. Пр 1865, II, 117—118.

[2]) *Предисловіе на книгу блаж. отца Нила Сорскаго* (его ученика Иннокентія Охлѣбинина), см. Преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ, М. 1849, стр XXI.

монастырей. Онъ запрещалъ инокамъ принимать отъ мірянъ даже милостыню кромѣ крайней нужды; содержаться монаху предписывалъ трудами рукъ своихъ и скитская нищета стала преданіемъ въ его обители. Немудрено поэтому, что подвижникъ *не признавалъ матеріальную милостыню и благотворительность вообще монашеской обязанностью.* Безмолвіе и нестяжательность освобождали инока отъ этого. „Излишняя не подобаетъ намъ имѣти, пишетъ преп. Нилъ въ Преданіи. А еже просящимъ даяти и заемлющихъ не отвращати, сіе на лукавыхъ повелѣно есть, глаголетъ Василій Великій [1]). Не имѣяй бо излише нужныя потребы не долженъ есть таковый даяніе даяти и, аще речетъ: „не имамъ“, нѣсть солгалъ, глаголетъ Великій Варсануфій. *Явленъ бо есть инокъ онъ, иже не подлежитъ творити милостыню*, той бо откровеннымъ лицемъ можетъ рещи: *се мы оставихомъ вся и вслѣдъ Тебѣ идохомъ.* Пишетъ же св. Исаакъ: *нестяжаніе вышши есть таковыхъ подаяній; милостыня бо иноческая еже помощи брату словомъ во время нужды, и утѣшити ему скорбь разсужденіемъ духовнымъ*; но и сіе могущихъ. Новоначальныхъ же (милостыня)—еже претерпѣти скорбь обиду и укореніе отъ братіи. И сіе есть *душевная милостыня* и толико есть *вышши тѣлесныя*, елико душа вышши тѣла, глаголетъ св. Дороѳей. Аще ли страненъ кто пріидетъ, упокоити его, елико по силѣ нашей, и по сихъ, аще требуетъ, даяти ему благословеніе хлѣба и отпустити его“ [2]). Итакъ преп. Нилъ не признавалъ милостыню дѣломъ обязательнымъ для инока, разъ тотъ безъ лжи и смѣло глядя въ лицо можетъ сказать: *не имѣю;* ставилъ ее ниже подвига нестяжанія. Инокъ-нестяжатель легко могъ замѣнить милостыню другими подви-

---

[1]) То есть: „А что просящимъ давать и занимающимъ не отказывать, такъ эта заповѣдь, какъ говоритъ Василій В., дана для лукавыхъ“. Преп. Нилъ имѣетъ въ виду мысль преп Іосифа, что монастырь можетъ принимать и увеличивать свои богатства въ благотворительныхъ цѣляхъ, но вовсе не признаетъ грѣхомъ иноческую милостыню, см конецъ приводимаго текста Къ сожалѣнію мы не знаемъ, какое мѣсто изъ твореній Василія Вел имѣетъ въ виду преп. Нилъ, и не можемъ дать его объясненія въ контекстѣ у святого отца Знаемъ только, что подобныхъ словъ у св. Василія нѣтъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ иноческой нестяжательности,—и то еще, что онъ вполнѣ дозволялъ монастырскую благотворительность; *Творенія,* V т. 3-го изд. 241, 336 стр.

[2]) *Преданіе ученикомъ,* 14—15

гами, если онъ изъ числа опытныхъ—увѣщаніемъ и утѣшеніемъ брату въ скорби и нуждѣ, если новоначальный—безропотнымъ терпѣніемъ обидъ. Однако преп. Нилъ предписываетъ принимать странника, ищущаго пріюта, и снабжать его хлѣбомъ, предписываетъ страннолюбіе—простѣйшую форму благотворительности.

Точно повторяетъ иноческіе идеалы своего учителя старецъ *Артемій*, бывшій игуменъ Троицкій, защитникъ православія въ Литвѣ, ранѣе того осужденный въ Москвѣ какъ еретикъ. Жить помонашески значитъ—„умолкнуть отъ вѣхъ мірскихъ": „въ нищетѣ жить", проводить „безмолвное и безвещное житіе", „съ мірскими не связатися". Приложеніе монашескаго богатства, стяжаніе селъ и многихъ служебъ—окаянный обычай, дѣло свойственное царской, паче же мучительской власти. Общежитіе въ монастыряхъ, по сужденію старца, давно уже разрушилось; „похвальнѣе общаго особное житіе: со единѣмъ или много съ двѣма безмолвствовати". Это средній путь, скитскій образъ [1]). Объ иноческой милостынѣ нѣтъ упоминанія у этого заволжца.

Не безъ вліянія, кажется, созерцательной заволжской доктрины у еретика *Ѳеодосія Косого* появляется совершенное отрицаніе этой христіанской добродѣтели. „Велятъ же попы имѣнія приносити и нищимъ подаяти, *а нищіе псы, не подобаетъ имъ подаяти*". Но еретикъ проповѣдалъ общеніе имуществъ, отрицалъ всякую власть [2]), и едвали среди бѣлозерцевъ имѣлъ сторонниковъ своего крайняго ученія о милостынѣ. Напротивъ ученики преп. Нила не могли отрѣшиться отъ традиціонныхъ русскихъ сужденій о „спасенной милостынѣ" и быть послѣдовательными. *Вассіанъ Патрикѣевъ*, который описываетъ назначеніе монашества согласно съ своимъ старцемъ, а обязанность церковной благотворительности предоставляетъ епископамъ, однако пишетъ, что слова Христа: *аще хощеши совершенъ быти...* (Мѳ. XIX, 21), являютъ три всеобъемлющія главизны иноческаго житія: „нищету, *мило-*

---

[1]) *Посланія Артемія*, Р. И. Б. IV, 1258, 1262, 1259, 1261, 1236, 1260—1261 стб.

[2]) *Зиновія Отенскаго*, Посланіе многословное, Чт О И. и Др 1880, II, 144—145.

стыню и всяко братолюбіе и сострадание, къ симъ же и молитву непрестанную съ воздержаніемъ и бодростію“ [1]).

Таковы идеалы и взгляды двухъ монашескихъ партій XVI в. по вопросу о служеніи монашества міру. Партія іосифлянъ была болѣе многочисленна и вліятельна; притомъ же опиралась она на традиціи русскаго монашества, ссылалась постоянно на русскихъ чудотворцевъ. Партія заволжская жила наносными, принесенными съ Аѳона идеалами и воззрѣніями, свободнѣе относилась къ великимъ примѣрамъ и благочестивымъ преданіямъ родного монашества; она вредила себѣ еще и тѣмъ, что служила гнѣздомъ религіознаго вольнодумства. Принципіально послѣдовательные заволжцы считали себя даже свободными отъ служенія міру, но на дѣлѣ служили ему. Было отличіе только въ характерѣ этого служенія со стороны заволжцевъ и подвижниковъ—іосифлянъ.

Начнемъ съ іосифлянской партіи, съ ея „дѣда“ преп. Пафнутія Боровскаго.

Преп. Пафнутій Боровскій († 1477), въ обители котораго принялъ постриженіе Іосифъ Волоколамскій, „одинъ изъ любопытнѣйшихъ характеровъ въ древне-русскомъ монашествѣ“, по замѣчанію проф. Ключевскаго [2]). Ученикъ преп. Никиты Высоцкаго, который былъ ученикомъ и постриженникомъ преп. Сергія Радонежскаго, Пафнутій наслѣдовалъ отъ своего учителя одну черту—выдающуюся духовническую опытность, умѣнье употреблять милосердіе и строгость, гдѣ нужно то или другое. По словамъ Іосифа, преп. Никита прозиралъ хотящая быти и повѣдалъ тайные помыслы братіи. „Бяше же щедръ и милостивъ, егда подобаетъ, и жестокъ и напрасенъ, егда потреба“ [3]). Пафнутій былъ духовникомъ и братіи и мірянъ и извѣстенъ былъ своею опытностью въ наложеніи епитимій. „Прихождаху же ко блаженному не точію иноци, но и сущіи отъ міра исповѣдающеся на духовнѣ, занеже зѣло благоразсуденъ и добре могій разумѣти сокровенную премудрость во священныхъ правилѣхъ, еже

---

[1]) *Посланіе инока-князя Вассіана Патрикѣева*, Прав. Соб. 1863, Ш, 108 ср. 185 и 207.

[2]) Житія святыхъ, 207

[3]) Отвѣщаніе любозазорнымъ, В. Ч. М., 9 сент., 559 стб

комуждо подобно запрещеніе давати“ [1]). Бесѣда Пафнутія какъ къ инокамъ такъ и къ мірскимъ всегда была проста и чужда человѣкоугодія или превозношенія. Всегда онъ говорилъ по Божію закону и сказанное исполнялъ дѣломъ. „Не устыдѣся никогда же лица княжска или болярска, ни приносомъ богатыхъ умягчися когда, но сильнымъ крѣпко закону соблюденіе глаголаше и заповѣдемъ Божіимъ; простымъ же такоже бесѣдоваше, братію нарицающе“ [2]). Эту независимость и нелицепріятіе преп. Пафнутій проявлялъ въ отношеніи къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, какой бы высокій постъ они ни занимали. Юрій Васильевичъ, князь дмитровскій, братъ великаго князя Ивана III, былъ духовнымъ сыномъ боровскаго подвижника „и много время душею ко отцу приходяше“. Князь Юрій самъ разсказывалъ, въ какомъ настроеніи онъ шелъ обычно на исповѣдь: „коли поиду на исповѣдь ко отцу Пафнутію, и ноги у мене подгибаются“. Жизнеописатель добавляетъ: „толико же бысть добродѣтеленъ и богобоязнивъ князь“ [3]), а мы добавимъ: такъ безбоязненъ и строгъ къ духовнымъ дѣтямъ былъ преп. Пафнутій.

Благотворительность боровскій подвижникъ считалъ обязанностью монастыря. Во время голода онъ самъ пропиталъ множество народа—„всѣхъ окрестныхъ“, „яко до тысящи на всякъ день и множае собиратися“. Въ обители не осталось никакихъ запасовъ, но въ слѣдующее лѣто молитвами святого „и слезъ ради нищихъ умноженіе плодомъ Господь дарова“ [4]). Въ монастырѣ былъ обычай кормить и „учреждать“ гостей, въ томъ числѣ и мірскихъ посѣтителей [5]). Когда умиралъ подвижникъ, его ученикъ, оставившій превосходныя записки о послѣднихъ дняхъ учителя, проситъ повелѣніе написать *завѣщаніе о монастырскомъ строеніи*. И преподобный даетъ это завѣщаніе. Въ немъ онъ предписываетъ

---

[1]) *Житіе преп Пафнутія*, изд *Кадлубовскимъ*, Сборникъ истор филологич общества при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, II т. 1899, 141 стр.

[2]) *Записка Иннокентія* о послѣднихъ дняхъ преп. Пафнутія, изд *В. О. Ключевскимъ*, въ прилож. къ изслѣдованію, Житія святыхъ, стр. 445—446.

[3]) *Житіе*, 136

[4]) *Тамъ же*, 141.

[5]) *Тамъ же*, 140.

монастырю обязательную благотворительность и вмѣстѣ неизмѣнное соблюденіе монастырскаго устава и церковнаго правила. „Трапезы отъ любостранна (странника) не затворите, о милостыни попецѣтеся, просяща потребная тща не отпустите... Соборныя молитвы не отлучайтеся никакою нужею развѣе немощи, весь уставъ и правило церковное кротко и немятежно и молчаливо и, просто рещи, якоже мене видите творяща, и вы творите“ [1]). Ученикъ спрашиваетъ умирающаго учителя о мѣстѣ его погребенія. Назначивъ это мѣсто, преп. Пафнутій прибавилъ: „а гроба не купи дубова, на ту шесть денегъ колачей купи, да раздѣли нищимъ; а мене лубкомъ оберти да, подъ страну подкопавъ, положи“ [2]).

Школа Пафнутія Боровскаго замѣтно сказалась на его ученикѣ преп. *Іосифѣ Волоколамскомъ*. Іосифъ прежде всего выдающійся духовникъ. Поселившись въ волоколамскихъ предѣлахъ, онъ быстро прославился. Строгость жизни, доброгласіе въ церковной службѣ, широкая начитанность вмѣстѣ съ поразительной памятью и находчивостью („богодухновеннаго писанія все памятію на краи языка имый“), привлекательная наружность вмѣстѣ съ скромной, чисто монашеской осанкой и искусствомъ въ обхожденіи—все это привлекаетъ вниманіе мѣстной аристократіи къ подвижнику, который и самъ былъ родовитъ. „И мнози князи и бояре приходяще къ игумену Іосифу на покаяніе“ [3]), т. е. выбираютъ его себѣ въ духовные отцы. Изъ князей, бывшихъ духовными дѣтьми преп. Іосифа, извѣстны: Борисъ Волоцкій и Юрій Дмитровскій Васильевичи, братья великаго князя Ивана III, и Иванъ Борисовичъ Волоцкій. Нѣкоторые изъ волоколамскихъ бояръ, „иже отъ палаты княжа“, изъ воеводъ „и воиновъ честныхъ“ также просили Іосифа быть ихъ духовнымъ отцемъ [4]). На исповѣдь къ нему стремились и женщины. Хотя волоколамская обитель, какъ и боровская, была невходна женамъ, однако это не помѣшало княгинямъ и боярынямъ имѣть преп. Іосифа своимъ духовнымъ отцемъ. Между волоколамскимъ

---

[1]) *Записка*, 446—447.

[2]) *Тамъ же*, 451.

[3]) *Два житія преп. Іосифа и надгробное слово*, изд. К. И. Невоструевымъ въ Чт. О. Люб. Д. Просв. 1862, II, 22.

[4]) *Тамъ же*, 95, 141, 96, 97; *Собр. Госуд Грам и Догов.* I, № 132, стр. 343. Духовная кн. Ивана Борисовича.

игуменомъ и его духовными дочерьми установились своеобразныя сношенія: женщины исповѣдаютъ грѣхи свои письменно и съ радостью принимаютъ отвѣтъ преподобнаго, не умѣвшія писать сказывали грѣхи своимъ домовымъ священникамъ и посылали ихъ къ Іосифу [1]). Подвижникъ отвѣчалъ на письменныя или устныя просьбы своихъ духовныхъ чадъ обоего пола и писалъ имъ посланія. Памятникомъ письменныхъ сношеній преп. Іосифа съ духовными дѣтьми служатъ дошедшія до насъ *„посланія Іосифовы о епитиміяхъ къ вельможамъ, въ мирѣ живущимъ, дѣтемъ его духовнымъ“*. Они свидѣтельствуютъ, какъ строга была та покаяльная дисциплина, которой хорошіе духовники подвергали мірянъ, впавшихъ въ тяжкіе грѣхи, насколько была высока и непререкаема власть духовнаго отца [2]).

Преп. Іосифъ былъ выдающійся печаловникъ—„немощнымъ спострадателенъ“. Въ своихъ посланіяхъ и личныхъ бесѣдахъ съ знатными мірянами онъ заступается за холоповъ и за крѣпостныхъ. Онъ пишетъ вельможамъ, наставляя ихъ „восхищенное не по правдѣ отдати“; увѣщеваетъ „помиловать бѣдныхъ и убогихъ, иже пусти бѣша человѣческаго утѣшенія“; рабовъ, которые „гладомъ таютъ и наготою стражутъ“, довольствовать, „чтобы съ голоду и съ наготы не плакали“. При этомъ онъ проситъ господъ не забывать, что они одна плоть съ рабами, крещены однимъ крещеніемъ, искуплены одною кровію и вмѣстѣ станутъ на судищѣ Христовомъ [3]). Печалуясь предъ вотчинникомъ за крѣпостного человѣка, волоколамскій подвижникъ становится на точку зрѣнія ихъ обоюднаго матеріальнаго интереса. „Будьте добры къ пахатнымъ крестьянамъ своимъ. Чѣмъ болѣе станете вы понуждать земледѣльца къ работѣ на васъ и насильно отнимать его стяжаніе, тѣмъ скорѣе онъ придетъ въ убожество. Но, сдѣлавшись нищимъ, какъ онъ будетъ платить подать и дань, чѣмъ сокрушенный нищетой пропитается онъ съ домомъ своимъ? Обремененный оброкомъ онъ продастъ скотъ А разъ скотъ проданъ, кто бу-

---

[1]) *Житія*, 113—114.

[2]) См. нашъ очеркъ *Древнерусскій духовникъ*, 56—61; 106—115

[3]) *И. Хрущовъ*, Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, 90—94, 99; *С Смирновъ*, Др. русскій духовникъ, 114—115

детъ пахать? Гдѣ взять убогому и сѣмянъ? Запустѣлая, заросшая „цѣлизна“ процвѣтетъ ли какъ поле? А когда крестьянскія поля запустѣютъ, не понесетъ ли ущербъ самъ господинъ усадьбы за всю убыль, сдѣланную крестьянину, и притомъ въ такой степени, въ какой сдѣлано ему зло. Дающій же пахарю льготу воздѣлаетъ заросшія мѣста и распашетъ поля. Безъ господскаго насилія исполнивъ свои работы, крестьянинъ будетъ стараться для господина и, сытый самъ, безъ недоимки отдастъ оброкъ“. Владѣльцевъ подвижникъ наставлялъ „не злымъ быти на владомыя“. крестьянъ—не упускать господской работы, не лѣниться и воздавать имъ усердіемъ за заботы и льготы. Жизнеописатель увѣряетъ, что это несложное политико-экономическое разсужденіе волоколамскаго игумена отразилось на всей странѣ. „Вся же тогда волоцкая страна къ доброй жизни прелагашеся, тишины и покоя наслаждьшеся и вси веселящеся бѣаше, и поселяне же много послабленіе имуще отъ господей селъ ихъ поущеніемъ (внушеніемъ) его“. Послушавшіе наставленій преподобнаго „благословившася зѣло и обогатѣша паче“ „и мнози тяжаріе (земледѣльцы) стогы своя участиша и умножиша житъ себѣ“ [1]).

Но главная заслуга преп. Іосифа предъ волоцкой страной—помощь населенію въ неурожайные годы. Случилось, что хлѣбъ не родился нѣсколько лѣтъ подъ рядъ и наступилъ „гладъ крѣпокъ“. Хлѣбъ страшно вздорожалъ и народъ питался листьями, корой и сѣномъ—„съ скоты едина пища“. Коренья ужовника и истолченныя гнилушки дерева—„злѣйши скотьскыя пища“—особенно содѣйствовали развитію желудочныхъ заболѣваній. Голодный народъ покидалъ свои дома и расходился въ разныя стороны. Громадная толпа сошлась и къ воротамъ монастыря. Всѣхъ оказалось 7000 человѣкъ кромѣ малыхъ дѣтей. „Іосифъ же тогда житница своя разверзъ по патріарху древле тезоименитому“ (—подражая библейскому Іосифу). Онъ велѣлъ питать всѣхъ, а малыхъ дѣтей помѣстилъ въ страннопріимницу для прокормленія. Голодающихъ дѣтей оказалось болѣе 50 и нѣкоторыя изъ нихъ имѣли всего по два съ половиной года. Бѣдные крестьяне приводили „отрочатъ“ къ мона-

[1]) *Житія*, 98—100.

стырю и оставляли ихъ здѣсь. Когда преподобный распорядился призвать ихъ родителей, ни одинъ не явился, всѣ отказались отъ своихъ чадъ. Пришлось выстроить за монастыремъ домъ и питать дѣтей. „Сія чада, яже не породи, питаше (преподобный) милосердною утробою и печашеся о нихъ, акы самъ сія породи“ [1]). Теперь тихая обитель превратилась какъ-бы въ торжище. Каждый день множество нищихъ, убогихъ и голодныхъ крестьянъ получали въ ней печеный хлѣбъ. Кормилось ежедневно до 400—500 человѣкъ. Въ монастырѣ поднимается неудовольствіе. Келарь приходитъ къ игумену съ заявленіемъ, что не осталось ржи даже на пропитаніе братіи. Игуменъ зоветъ казначея и велитъ купить хлѣба на деньги. „Казначей же не сказа денегъ“. Тогда преподобный распоряжается, чтобы занимали денегъ, покупали рожь, но кормили голодающихъ. Скупому казначею и келарю онъ даетъ рѣшительное распоряженіе, чтобы никто не уходилъ изъ монастыря голоднымъ. Братія ропщетъ. „Како селико (столько) народа прекормити покупающе? Безразсудна сія милость. Насъ переморитъ, а ихъ не прекормитъ!“ Братія роптала изъ за калачей и медвянаго кваса, отъ которыхъ по случаю голода пришлось отказаться, и нѣкоторые прямо заявляли преп. Іосифу: „терпѣти немощно“. Іосифъ говоритъ недовольнымъ. „Зрите, толикъ народъ не различна брашна желаютъ, но единаго куса хлѣба, дабы малу утѣху отъ глада получити, и того ради оставиша домы своя и скитаються по чужимъ мѣстомъ и съ женами и съ дѣтьми. Мы же обѣщахомся всяку скорбь терпѣти царствія ради небеснаго и о семь нынѣ являемся нетерпѣливіи“... Братія образумилась. Но монастырь дѣйствительно быстро обѣднялъ: хлѣбъ, деньги, одежда, скотъ—все было роздано и ничего не осталось. Дѣло быстро измѣняется, когда вмѣшался „державный“, великій князь Василій Ивановичъ. Узнавъ, что монастырь питаетъ столько народа—покупаетъ, занимаетъ и голодаетъ самъ, великій князь „вне-

[1]) Вѣроятно къ этому времени относится происшествіе, какъ одинъ изъ волоколамской братіи Андрей Квашнинъ „пореклу Невѣжа“ оставилъ монастырь, смущенный присутствіемъ дѣтей близъ обители, по крайней мѣрѣ подъ этимъ предлогомъ: „дѣти вскрай обители живутъ, не мочно ми спастися“. Но съ нимъ случилась внезапная болѣзнь, которая вразумила и возвратила его въ обитель преп Іосифа. *Житія*, 70—72.

запу пріиде“ въ обитель, учредилъ братію привезенными припасами, а для голодающихъ отпустилъ 1000 четвертей ржи, столько же овса и 100 рублей денегъ; въ случаѣ же новой нужды разрѣшаетъ брать изъ своего села столько хлѣба, сколько потребуется. Примѣру великаго князя послѣдовали нѣкоторые владѣтельные, за ними бояре и зажиточные христолюбцы. Съ своей стороны подвижникъ убѣждаетъ владѣтельныхъ князей помогать голодающему народу [1]). Монастырь безъ труда теперь прокормилъ голодающихъ. Настала урожайная осень и голодные разошлись по домамъ. Ушли отъ обители и подобранныя дѣти, смутившія Андрея Квашнина. Такъ отворенныя житницы монастыря, домъ для отрочатъ за его стѣнами, да сочувствіе „державнаго“ разрѣшили въ этотъ голодъ для волоцкой страны продовольственный вопросъ.

Надо ли говорить, что преп. Іосифъ былъ нищелюбивъ и подавалъ нуждающимся безъ отказа? На Успеньевъ день, храмовой праздникъ монастыря, въ него сходилось болѣе тысячи нищихъ. Ихъ кормили и награждали каждаго „сребренницей“. Подвижникъ заповѣдалъ творить эту милостыню и послѣ своей смерти, чтобы не оскудѣлъ монастырь „до вѣка“ [2]). Преп. Іосифъ волоколамскій выдающійся благотворитель даже среди древне-русскихъ подвижниковъ.

При его обители былъ уходъ за больными мірянами. „Оставшая же на трапезѣ брашна, передается въ одномъ изъ житій преподобнаго его распоряженіе, не сохранятн въ келарницу, но въ *отлученный* (отдѣленный) *домъ убогимъ и больнымъ* отдаяти сія. Усмотрижеся (разсудилось же) ему и се: яко немощнующу человѣчьству и грубу (бѣдной черни) нужа подъяти (слѣдуетъ пособлять) и помогати“ [3]). „Отлученный домъ убогихъ и больныхъ“ нѣчто вродѣ больницы и богадѣльни. Его устроилъ преп. Іосифъ, сознавая неотложную нужду благотворительной помощи бѣдному люду. Гдѣ же находился этотъ домъ? Вѣроятно въ родовомъ селѣ Іосифа въ Спиридоновѣ, именно во Введенскомъ монастырѣ, кото-

---

[1]) Сохранилось посланіе преп. Іосифа къ дмитровскому князю Юрію Ивановичу. Подвижникъ убѣждаетъ князя питать народъ во время голода, уставить цѣну на хлѣбъ и наказывать тѣхъ, которые дорого его продаютъ (Доп. къ Акт Ист. I, № 216)

[2]) *Житія*, 49—52, 133—135, 174—175

[3]) *Тамъ же*, 144

рый преподобный тамъ устроилъ, какъ полагаютъ, по образцу Подольнаго Введенскаго монастыря при Троицкой лаврѣ. Кромѣ дома для больныхъ и убогихъ здѣсь былъ такъ называемый „Божій домъ“—глубокая общая могила, въ которой погребались умершіе безвѣстной смертью. Отъ главнаго монастыря Спиридоново находится въ двухъ поприщахъ,—около трехъ верстъ и Введенскій монастырь получалъ отъ Іосифова все необходимое для содержанія. Конечно онъ былъ очень небольшой, но устроенъ по всѣмъ правиламъ настоящаго монастыря. Здѣсь былъ свой игуменъ и число братіи доходило до 12. Игуменъ пользовался нѣкоторой самостоятельностью и предоставленнымъ ему правомъ принимать на исповѣдь мірянъ, вѣроятно менѣе знатныхъ. Спиридоновскіе иноки и несли, надо думать, благотворительныя обязанности—пріемъ странниковъ и нищихъ, уходъ за больными, погребеніе умершихъ „нужною смертью“ и поминовеніе ихъ [1]). Таковъ былъ,

---

[1]) Введенскій богадѣленный монастырь слѣдуетъ отличать отъ другого „*богоряднаго*“ или богадѣленнаго, стоявшаго ближе къ обители преп Іосифа и служившаго *богадѣльней для престарѣлыхъ и больныхъ иноковъ своей обители*. Въ одномъ изъ житій преп Іосифа среди предсмертныхъ распоряженій подвижника находимъ: „Еще же иже въ Спиридоновѣ обители его снабдѣти, яко и при немъ: то бо отъ наслѣдія отцовъ его бѣаше, ту и монастырь създа и потребу живущимъ тамо игумену и братіи отъ великаго монастыря подая. Въ вся же суботы и недѣля въ велицѣмъ монастыри семъ обѣдовати устрои“ Но свѣдѣнія объ интересующемъ насъ монастырѣ этимъ не исчерпываются Въ обиходникѣ Волоколамскаго монастыря (ркп. Синод Б—ки № 403—829, л. 136), составленномъ игуменомъ Евѳиміемъ (1573—1586), читается слѣдующее извѣстіе о Спиридоновскомъ или Спировскомъ монастырѣ. „есть же и другій монастырь (кромѣ богораднаго или богадѣльнаго при самой обители) вдале два поприща отъ великаго монастыря, въ немъ же храмъ Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Введенія, а поставленіе преподобнаго старца Іосифа: глаголютъ же нѣцыи, яко отчина бяше родителей его И тамо игуменъ и братіи прежь было 12“ Послѣ моровыхъ повѣтрій въ монастырѣ осталось братіи двое или одинъ Церковь была поставлена для поминовенія усопшихъ. „И повелѣ (преп. Іосифъ) отъ болшова монастыря давати потребная. сирѣчь хлѣбъ, рожь, ячмень и соль и обиліе и прочая вся по грамотѣ по указной прежь бывшихъ игуменовъ и соборныхъ старцовъ. А отъ мирскихъ людей, кои приходятъ къ той святѣй церкви, приношеніе всякое приносятъ, невозбранно пріимати и на духовнѣ къ нему (игумену) приходити. И самому тому игумену о духовныхъ дѣлехъ въ волость ѣздити“. Далѣе говорится, что вблизи этой церкви былъ молитвенный храмъ (часовня?) съ ископанною глубокою могилою, называемый „домъ Божій“,

устроенный преп. Іосифомъ и существовавшій послѣ его смерти, божедомскій монастырь съ отдѣльнымъ домомъ для убогихъ и больныхъ мірянъ.

Преп. *Корнилій Комельскій* († 1537), постриженникъ Кириллова монастыря, по направленію своихъ подвижническихъ идеаловъ однако близко сходится съ Іосифомъ волоколамскимъ, по крайней мѣрѣ его Уставъ очень сильно даже въ подробностяхъ напоминаетъ Духовную грамоту волоколамскаго подвижника. Благотворительная его дѣятельность, описанная подробно въ житіи, а также и хозяйственная въ значительной степени напомнятъ намъ дѣятельность преп. Іосифа. Устраивая свою пустынную обитель, Корнилій превращается въ земледѣльца и въ лѣсу распахиваетъ ниву: „начатъ тяжарь быти.. лѣсъ сѣкый и нивы насѣвая и приходящая пріемля и мимоходящая кормяше“ [1]). Онъ не оставилъ этой дѣятельности и устроивъ монастырь и тогда, когда получилъ для него села и починки со всякимъ угодьемъ и съ крестьянами. Подвижникъ вмѣстѣ съ братіей продолжаютъ сѣчи лѣсъ и сѣять нивы именно въ цѣляхъ благотворительности: „да не токмо сами свой хлѣбъ ядятъ, но да и неимущихъ питаютъ“ [2]). А обстраивая свой монастырь, онъ не забываетъ поставить и богадѣльню для мірянъ. „*Созда же*, говоритъ жизнеописатель, *и богадѣльню внѣ монастыря страннымъ и нищимъ на покой*“ [3]). Житіе отмѣчаетъ мелкую, но характерную подроб-

---

гдѣ съ благословенія настоятеля Іосифова монастыря погребали всѣхъ странныхъ, безвѣстною и нужною смертію скончавшихся, православныхъ христіанъ, Бога ради поминали ихъ и каждогодно во вселенскую субботу и въ другую мясопустную и въ седьмой четвертокъ по пасхѣ служили по нихъ обѣдни и панихиды На праздники влыдычни и богородичны, также на государскіе кормы и на митрополичьи и на владычни и на большіе кормы и по воскреснымъ днямъ игумену спиридоновскому или спировскому (такъ пишется онъ безразлично) велѣно было обѣдни служить и всякое церковное правило исправлять у себя въ монастырѣ безпереводно, а къ трапезѣ приходить съ братіею въ большой Іосифовъ монастырь. (*Житія преп. Іосифа*, 149 ср. прим. 493 на 149 — 150 стр. Ср Описаніе *Горскаго и Новоструева*, III, 1, 400—402). Въ статьѣ *П. С. Казанскаго*, Преп Іосифъ Волоколамскій (Приб. къ Тв св. От. V, 250) оба монастыря „богорадный“ или богадѣленный для монаховъ и „божедомскій“ съ богадѣльней для мірянъ смѣшиваются въ одинъ.

[1]) *Житіе преп Корнилія.* Ркп. Тр. Лавр. Б—ки, № 676, л 513 об.

[2]) *Тамъ же*, л. 530.

[3]) *Тамъ же*, л. 516.

ность, касающуюся краткаго пребыванія подвижника въ Москвѣ. Великій князь Василій Ивановичъ, большой почитатель преподобнаго, часто приглашалъ его къ столу, а иногда посылалъ кушанья съ своего стола на домъ. „Онъ же сія нищимъ и маломощнымъ подавая тай“ [1]). Благотворительность Корниліева монастыря была широкая и щедрая. На храмовые праздники обители многочисленнымъ нищимъ выдавалась милостыня по рукамъ,—каждому по деньгѣ, по просфорѣ и калачу Случилось, что въ монастырѣ къ одному празднику не было денегъ. Преп. Корнилій молился Господу, чтобъ онъ послалъ милость Свою „на братію Свою—на нищихъ“. И утромъ въ самый день праздника великій князь присылаетъ милостыню въ монастырь „двадесять рублевъ съ рублемъ“. Преподобный одѣлилъ княжеской милостыней нищихъ съ любовью, какбы посланнымъ для нихъ отъ Бога. Въ другой праздникъ преп. Корнилій раздавалъ обычную милостыню подходящимъ къ нему „не зрящу на лица, но токмо руку простершему даяше“. Пользуясь этимъ, нѣкоторые нищіе подходили за милостыней дважды, иные до пяти разъ. Приставники сказали объ этомъ подвижнику, а онъ отвѣтилъ: „не трогайте ихъ,—они за этимъ пришли“. Въ тотъ же день его посѣтило видѣніе. Святолѣпный старецъ преп. Антоній Великій, праздникъ котораго торжествовала обитель, вывелъ его на поле, показалъ ему на одной сторонѣ просфоры, на другой калачи и сказалъ: „вотъ твои просфоры и калачи, которые ты роздалъ нищимъ“. Старецъ повелѣлъ Корнилію подставить свою одежду и началъ класть просфоры и калачи; ихъ оказалось такъ много, что они посыпались на землю. Послѣ этого видѣнія преп. Корнилій даетъ братіи своей *заповѣдь творить неоскудную милостыню не только при жизни его, но и по смерти.* Въ вологодской землѣ случился голодъ. Хлѣбъ сильно вздорожалъ и купить его даже негдѣ было. Въ монастырь Корнилія стали приходить „отъ многихъ странъ... странніи и нищіи“, а изъ окрестностей мучимые голодомъ. Преподобный никому не отказывалъ, подавалъ щедрую милостыню ежедневно. Многіе приносили своихъ младенцевъ и оставляли подъ стѣнами монастыря. Подвижникъ принимаетъ ихъ всѣхъ, отсылаетъ въ особый домъ

[1]) *Тамъ же,* л 527 об

и тамъ ихъ питали и покоили. Въ это тяжелое время запасы обители не оскудѣвали [1]). Въ своемъ послѣднемъ по-

---

[1]) *О даяніи милостыни на праздники* Иногда же празднику пришедшу Антонія великаго память, обычаи же имяше старецъ Корнилій на праздники Введенія Пречистыя и преподобнаго Антонія нищимъ даяти милостыню по рукамъ коемуждо по деньзѣ, къ симъ же и по просфирѣ и хлѣбомъ одѣляше Богъ же хотяше искусити вѣру раба своего, оскудѣнію бывшу велію въ монастыри и приспѣвшу празднику Антонія Великаго, нищимъ же по обычаю собравшимся множеству въ навечеріе праздника, блаженному же не имущу милостыня, что дати имъ, и о семъ благодаря и моляше Господу Богу и Пречистой Его Матери и преподобному Антонію Великому не презрѣти моленія его, но послати милость свою на братію свою—на нищихъ Утру же бывшу, освитающу дню, пріиде отъ самодержавнаго государя великаго князя Василія Ивановича всея Руси посланникъ и подасть святому отъ государя повелѣнная молити Бога и Пречистую Его Матерь и великихъ чудотворцовъ о его здравіи и о его великой княгине Елене и миластыню вдасть двадесять рублевъ съ рублемъ Блаженный же сія пріемъ и благодаряше Бога и Пречистую Его Матерь и преподобнаго Антонія Великаго, не презрящу моленіе его, и молебная сотвори за государя и милостынею нищихъ обдѣли съ любовію, яко отъ Бога посланная ихъ ради Мы же сіе видѣхомъ скорое Божіе посѣщеніе и неуклонную святого вѣру и прославихомъ Бога и сіе писанію предахомъ

О гладу Некогда же гладу превелику належащу на Вологде и въ предѣлехъ вологоцкихъ, толма дорого цѣниша рожь по рублю четверть и свыше, но и тою великою цѣною едва обрѣтаху купити. И въ то гладное время мнози прихожаху отъ многихъ странъ въ домъ Пречистыя странніи и нищіи и окрестъ ту живущіи удручимыи отъ глада того превеликаго Отець же нашъ Корнилие всѣмъ подаваше безъ скудѣнія нищу и милостыню по вся дни; и мнози приношаху младенца своя и помѣтаху подъ стѣнами монастыря Святый же всѣхъ пріемля и отсылаше къ дѣтемъ на дворець и тамо учрежаху ихъ покоемъ всякимъ И въ то нужное время Пречистыя обитель не оскудѣваше, наипаче множашеся потребныхъ въ монастыри молитвами Пречистыя Богородица и преподобнаго Антонія и отца нашего Корнилія.

О видѣніи святого. Память творящу блаженному Корнилію преподобнаго Антонія Великаго, нищихъ множество собравшихся и по обычаю ему дѣлящу ихъ милостынею своею рукою по просфире и по денезе, къ симъ же хлѣбъ и колачи, нѣціи же отъ нищихъ не единою, но и вторицею взимаху, инъ же и до пяти кратъ взятъ. Святому же Корнилію не зрящу на лица, но токмо руку простершему даяше; приставници же, видѣвше взявшихъ множае, повѣдаша блаженому. Онъ же глаголаше: „не дѣйте ихъ, того бо ради пришли“ Дню же къ вечеру преклонившуся и по соборномъ пѣніи въ вечеръ глубокъ стоящу святому на обычномъ своемъ правилѣ, и сѣдѣ на лавицы мало ногамъ опочинути и сведенъ бысть въ сонъ тонокъ и зритъ пришедша къ нему старца святолѣпна, сѣди-

ученіи братіи преп. Корнилій распоряжается, чтобы въ день его памяти кормили нищихъ остатками отъ братской трапезы: „да егда творите память мою, и оставшая останцы братскія трапезы сія подавайте братіи Христовѣ—нищимъ“[1]).

Уставъ этого подвижника предполагаетъ благотворительность монастыря, какъ его обязательное дѣло. Запрещая самовольную милостыню каждому частному иноку, чтобы подъ этимъ предлогомъ не нарушалась строгость общежитія, преп. Корнилій предписываетъ трудящимся все сработанное сносить въ казну,—„ниже въ милостыню даютъ“, „*милостыня бо въ монастырѣ и нищелюбство обща суть*“ [2]).

Преп. Данилъ Переславскій († 1540), постриженникъ боровской обители, также усердный благотворитель. Онъ былъ духовнымъ отцемъ мірянъ и успѣшно дѣйствовалъ снисходительнымъ обращеніемъ съ грѣшниками, „благимъ и мило-

---

нами украшена, во образѣ Антонія Великаго и емеше его за руку и рече: „Корн(ил)іе, гряди ко мнѣ!“ и изведе его на нѣкое поле равно и показа ему на единой странѣ поля просфиры, а на друзѣй колачи и рече ему. „се твои просфиры и колачи, ихже далъ еси нищимъ; простри одѣянія своя“ Ему же простершу и нача класти въ приполъ просфиры и колачи, дондеже начаша пресыпатися отъ преисполненія Онъ же возбнувъ и въ себѣ быхъ и дивляхся чудному видѣнію И заповѣда намъ, говоритъ жизнеописатель современникъ святого, нетокмо при своемъ животѣ творити милостыню неоскудно нищимъ, но и по своемъ преставленіи Мы же написахомъ сія памяти ради, аще будетъ Богу угодно житіе старца Корнилія, да и сія незабвена буди“. (*Житіе*, ркп Тр. Лавр. Б—ки № 676, л 520 об.—522 об)

[1]) *Тамъ же*, л. 537. Жизнеописатель приводитъ стереотипную характеристику подвижника какъ благотворителя „бяше же нагимъ одежда, печальнымъ утѣшеніе, бѣднымъ помогая“ и т д,—ту характеристику, которую мы видѣли уже въ житіяхъ Димитрія Прилуцкаго, Евѳимія Суздальскаго, и Григорія Пельшемскаго Въ похвальномъ словѣ преп Корнилію читаемъ: „Радуйся милостивый, страннолюбивый Корнилие, малыми убо брашны во время гладное многъ народъ во своей обители препиталъ еси, а брашна наипаче множахуся молитвами твоими“.

[2]) *Тамъ же*, л. 558. Ист Росс. Іерарх IV, 683, гл. 5. Новопоступившему въ монастырь дается такое предписаніе: „а въ монастыри живущимъ братямъ никому ничего въ любовь не даетъ, ниже мірскимъ, ни въ милостыню страннымъ, ниже покупаетъ кому что“, стр. 702—703, гл. 14. Въ главѣ 12 преподобный запрещаетъ каждому иноку въ частности принимать отъ мірянъ милостыню: „ниже милостыню кому себѣ, или ино что отъ кого пріимати *или самъмъ творити* (т. е милостыню), но вся обща бываютъ“, стр 697.

стивымъ разсужденіемъ увѣщевая“ [1]). Далѣе въ житіи говорится: „Странніи же, приходящіи въ монастырь той, покой у него въ келіи пріимаху. Умершихъ же различными бѣдами и поверженныхъ звѣремъ на снѣденіе и сихъ на рамѣ своемъ взимаше и въ божедомской гробницѣ полагаше съ подобающимъ пѣніемъ и божественную литургію служаше за оныхъ“ [2]). Погребеніе умершихъ безвѣстною смертью было главнымъ видомъ благотворительныхъ заботъ переславскаго подвижника. На мѣстѣ „божедомской гробницы“ для поминовенія усопшихъ онъ поставилъ сначала церковь, а потомъ открылъ здѣсь и свой монастырь. Второй его подвигъ— это уходъ за больными. „Нѣкогда же видѣ внѣ монастыря три мужи клосны (увѣчные) и болѣзнены вельми у ограды повержены, ихже повелѣ взяти въ монастырь и покоити ихъ. Мнози же вѣдуще нищелюбіе, и приношаху *нужныхъ (несчастныхъ) человѣкъ и болѣзненныхъ и отъ звѣрей уязвляемыхъ, убожествіи же ради неимущихъ, чимъ питати ихъ ни врачевати, и сихъ повержаху у монастыря. Онъ же съ радостію взимаше ихъ въ монастырь препитая, и врачевати веляше*“ [3]). Такимъ образомъ не будетъ большою неточностью сказать, что монастырь преп. Даніила превратился въ больницу и богадѣльню. Случился голодъ въ переславскихъ предѣлахъ. Хлѣба стало мало даже на торгу. Въ обители преп. Даніила было тогда немало братіи „и мірянъ довольно“ и потому монастырскіе запасы быстро истощились. Преподобному донесли, что муки мало, не хватитъ на недѣлю, а до новаго хлѣба оставалось еще около восьми мѣсяцевъ. Подвижникъ „самъ пріиде къ житницѣ и видѣ муки мало, вящше тріехъ оковъ [4]). И тогда пріиде къ нему вдовица убога и хотяше умрети отъ глада и съ чады своими. Святый же наполни мѣшецъ муки

---

[1]) Къ нему же мнози прихождаху не токмо иноци но и мирстіи, вельможи же и простіи, мужіе и жены, вси отъ него душевныя ползы требующе получити, мнози же и грѣхи своя исповѣдающе ему. Онъ же благимъ и милостивымъ разсужденіемъ отъ грѣха престати увѣщавая и покаяніемъ исправляя и къ Божіи любви присвояя. И вси послушаху его въ сладость. *Сборникъ XVIII в* Поморскаго письма, принадлежащій *проф. В. О. Ключевскому*, л. 276 об.—277.

[2]) *Тамъ же*, л. 277.

[3]) *Тамъ же*, л 281 и об.

[4]) Оковъ, мѣра сыпучихъ тѣлъ—четвертая часть бочки или кади.

и отпусти ю. И повелѣ келарю останкомъ муки тоя приходящихъ ту алчныхъ и жадныхъ насыщати. И бысть тако: питахужеся въ монастыри и въ селѣ ихъ людіе останкомъ тѣмъ и до новаго хлѣба неоскудно благодатію Божіею и молитвами преподобнаго Даніила“ [1]).

Итакъ подвижники іосифлянскаго направленія служили современному русскому міру главнымъ образомъ внѣшней благотворительностью, потомъ духовничествомъ, которое у нихъ сводилось часто къ покаяльной дисциплинѣ, къ епитиміи, рѣже печалованіемъ (Іосифъ), еще рѣже обличеніемъ неправды (отчасти Пафнутій). Заволжскіе подвижники или бѣлоозерскіе старцы неизвѣстны своей благотворительной дѣятельностью. И понятно: въ ихъ пустынныхъ скитахъ и отдѣльныхъ лѣсныхъ кельяхъ не было средствъ для этого; среди нихъ, какъ исключеніе едвали не единичное, былъ богатый инокъ—князь Вассіанъ Патрикѣевъ. За то они превосходили іосифлянъ въ сферѣ духовнаго, нравственно-учительнаго служенія міру. Преп. Пафнутій отличался безусловной прямотой въ обращеніи съ властями; Іосифъ уже близокъ къ великому князю и опирается на помощь державнаго въ своемъ извѣстномъ столкновеніи съ мѣстнымъ княземъ, а потомъ и съ своимъ епархіальнымъ новгородскимъ владыкой; а его преемникъ по игуменству Даніилъ человѣкоугодничаетъ, будучи митрополитомъ онъ дозволяетъ Василію III разводъ съ безплодной женой и новый бракъ. Изъ заволжскихъ пустынь вышелъ протестъ противъ этого беззаконія. Митр. Даніила справедливо упрекали за то, что онъ „ни о комъ не печалуется“. Епископы времени неистовствъ Грознаго, принадлежавшіе къ іосифлянамъ, судившіе св. Филиппа, очевидно уже не считали печалованіе своею нравственной обязанностью и не пользовались этимъ опаснымъ правомъ. Но конечно это не подвижники. Между тѣмъ заволжская партія выставила цѣлый рядъ обличителей—печаловниковъ. Преп. Мартиніанъ, небоязненно обличавшій своего духовнаго сына Василія Темнаго, печалуясь за опальнаго боярина, былъ бѣлоозерецъ, ученикъ преп. Кирилла. Бѣлоозерскіе старцы ходатайствуютъ за жидовствующихъ, по крайней мѣрѣ за принесшихъ покаяніе.

---

[1]) *Тамъ же*, л. 280 и об

„И старецъ князь Васьянъ (Патрикѣевъ) повѣрилъ имъ и учалъ за нихъ печаловатися великому князю (Ивану III), а съ нимъ и отъ владыкъ и отъ старцовъ начаша печаловатися“ [1]). Игуменъ Порфирій, заволжскій пустынникъ, насильно поставленный Василіемъ III въ троицкіе игумены, печалуется предъ нимъ за вѣроломно схваченнаго Новгородъ — Сѣверскаго князя Василія Шемячича, послѣдняго удѣльнаго князя на Руси, умершаго въ Московской темницѣ. Великій князь не послушалъ смѣлаго обличителя — печаловника, прогнѣвался и лишилъ Порфирія игуменства. А тотъ, отрясши прахъ отъ ногъ своихъ, въ бѣдной одеждѣ и пѣшкомъ отправился изъ великой лавры въ свою вожделѣнную пустыню за Волгу [2]). Ѳеодоритъ, постриженникъ соловецкій, одно время подвизавшійся въ Кирилловѣ монастырѣ и въ Порфиріевой пустыни, печаловался передъ Грознымъ за бѣжавшаго въ Литву князя Курбскаго — своего духовнаго сына, но, разумѣется, безъ успѣха [3]). Изъ заволж-

---

[1]) *„Письмо о нелюбкахъ“ А. В Горскаго*, Отношенія иноковъ Кириллова Бѣлоозерскаго и Іосифова Волоколамскаго монастырей, въ XVI в Прибл. къ Твор., X, 506.

[2]) *Курбскій*, Сказанія, изд. 2-ое 127—128. Ср *Соловьевъ*, Исторія, 1 изд Общ. Пользы, I, кн 1648—1650.

[3]) *Курбскій*, 126—127; 140—141. Курбскій не знаетъ, какъ умеръ его заступникъ духовный отецъ: отъ однихъ онъ слышалъ, что Грозный велѣлъ его утопить въ рѣкѣ, другіе говорили, что преподобный почилъ „тихою и спокойною смертію о Господѣ“.

О печалованіи можно читать въ изслѣдованіи *Янковскаго*, Печалованіе духовенства за опальныхъ, Ч. О. И и Др. 1876, I; въ Курсѣ церковнаго права *А. С. Павлова*, 501—502; особенно обстоятельно въ диссертаціи *В. Малинина*, Старецъ Филоѳей и его посланія, гл. VIII, 682 слѣд. Этотъ *старецъ Филоѳей*, постриженникъ общежительнаго монастыря Евфросина Псковскаго, былъ отшельникъ или затворникъ по роду подвижничества— „неисходенъ бѣ изъ монастыря“. Но по своимъ извѣстнымъ религіозно-политическимъ возрѣніямъ онъ былъ сторонникомъ Москвы; однако, кажется, стоялъ внѣ спора тогдашнихъ монашескихъ партій. При его жизни случилось паденіе Псковской вольности Московскіе намѣстники, управляя Псковомъ, много проявили неправды и насилованія. Нѣкоторые псковичи просятъ старца печаловаться за родной городъ предъ великимъ княземъ Василіемъ. „Филоѳей добродѣтельнаго ради житія и премудрости словесъ знаемъ бѣ великому князю и вельможамъ“. Сначала изъ смиренія старецъ отказывается. „Но послѣди много показа дерзновенія къ государю и моленія о людехъ, такоже и боляромъ и намѣстникомъ псковскимъ *и обличи ихъ о многой неправдѣ и насилованіи, не убояся смерти.* Великій

скихъ пустынь выходили миссіонеры, какъ сейчасъ названный Ѳеодоритъ, просвѣтитель лопарей, защитники православія, какъ осужденный старецъ Артемій, боровшійся въ Литвѣ вмѣстѣ съ Курбскимъ съ протестанствомъ. Но не слѣдуетъ забывать, что здѣсь же, въ заволжскихъ пустыняхъ, развивалось религіозное вольномыслие и ереси находили сочувствіе. Въ половинѣ XVI в. господствовавшая въ церкви монашеская партія, считавшая въ своихъ рядахъ большинство русскихъ архіереевъ, искоренила бѣлоозерцевъ, какъ партію еретическую, разрушила такъ сказать ихъ пустынныя заволжскія гнѣзда. Въ 1585 въ Рождество Христово за праздничнымъ столомъ у царя Ѳедора произошла ссора двухъ владыкъ. Евѳимій ростовскій не далъ ѣсть съ своего блюда рязанскому Леониду и „конечно позоровалъ“ его, называлъ его партію: „не осифляны но жидовляны“. Эти „навѣтныя и напрасныя слова“, кажется, заволжскаго постриженника, да челобитная обиженнаго іосифлянина—послѣдній откликъ сложной и горячей борьбы двухъ монашескихъ партій [1]).

Въ заключеніе приведемъ примѣръ отшельника-учителя народа, иноческіе идеалы котораго совпадаютъ съ идеалами Нила Сорскаго, если только не идутъ дальше ихъ. Это преп. *Филиппъ Ирапскій* († 1537 г.), постриженникъ Корнелія Комельскаго. Онъ ушелъ изъ монастыря, чтобы „безмолвствовати единственно“, вырылъ въ рѣчномъ берегу „вертепецъ“ для жилья и поставилъ часовню для молитвы „и ту нача жительствовати и молитвы Господу приносити о спасеніи своемъ“. Въ строгомъ уединеніи—„единъ единственно“ подвижникъ провелъ 15 годовъ и только за пять лѣтъ до смерти ради тѣлесныхъ недуговъ своихъ принялъ къ себѣ сожителя. Народъ скоро узналъ мѣсто его подвиговъ и собирался толпами для поученій и молитвы. Часовня превратилась въ храмъ, вмѣсто вертепца выстроилась келья. Святой поучаетъ мірянъ и излагаетъ ихъ мірскія добродѣтели.

же князь и вельможи вѣдуще его дерзость и беспопеченіе о семъ вѣцѣ, не смѣша ничтоже ему зла сотворити“ (Тамже, Прилож. стр. 25) Намѣстники во Псковѣ были смѣщены (ср *П. С. Р. Л.* IV, 287—289).

[1]) *Акты Истор.* I, № 216, стр. 410—411. Челобитная царю рязанскаго еп. Леонида на ростовскаго архіеп Евѳимія.

Осуждая семейные раздоры, онъ проповѣдуетъ миролюбіе,— любовь родителей къ дѣтямъ, почтеніе дѣтей къ родителямъ. Порицая жестокосердіе, предписываетъ расположеніе къ нищимъ и убогимъ, — „самъ Господь Богъ, изволивый нищелюбіе взыскати и любити е“. Вѣроятно предъ мірянами же и особенно предъ посѣтителями иноками излагалъ отшельникъ свои монашескіе идеалы. Иночество выше царства, иноку предлежитъ ангельская слава. „Но жестоко и прискорбно иго иноческаго житія“ и немногіе несутъ его. Три главныхъ добродѣтели преп. Филиппъ считалъ обязательными для инока: „нестяжаніе и еже поститися зѣло и бдѣти много“, т. е. нищету, постъ и молитву. Сильно порицаетъ пустынникъ стяжательное и омірщившееся монашество своего времени. „Погубили мы ангельское житіе; много ясти и пити или одѣятися можемъ, поститися же не можемъ и смиренно мудрствовати“. „Отцы наши искаху пустыни и скорби, мы же ищемъ градовъ и покоя и пищи многія“. „Днесь въ насъ есть любоиманіе и презорство (стяжательность и гордость). Отцы наши лица своя рѣдко умываху, мы же бани и покоя взыскуемъ“. „Монастырь—постникъ, а не купецъ“. „Бѣжимъ, братіе, матери всѣхъ злыхъ—сребролюбія и мірскія клеветы и зависти“. Другая опасность для монаха отъ міра и нисколько не меньшая — женщина. „Соль отъ воды есть: аще прикоснется водѣ, растаетъ и невидима бываетъ. Такожде и мнихъ отъ жены есть: аще прикоснется женѣ, растлится и въ небытіе бываетъ, сирѣчь умираетъ душею и погибаетъ яко прахъ“ [1]).

Этимъ примѣромъ полнаго отшельничества, дальше котораго едвали простиралось древне-русское анахоретство—„молчащихъ чинъ“ и „неисходное жительство“, мы и заканчиваемъ свою историческую справку. Читатель видитъ, что ее мы не довели до новой исторіи, до конца XVII в. а вмѣстѣ и до конца древней Руси; да и на пространствѣ отъ XI в. до пол. XVI пропустили много святыхъ именъ, не обозрѣли цѣ-

---

[1]) *Житіе преп. Филиппа Ирапскаго*, изд. *В. О Ключевскимъ* въ Памят. Др. П., особ 27—31, 40—44, 47, 57; 58. Пользовались мы и только что напечатанной статьей *Н. Успенскаго*, Отшельникъ—учитель народа XVI в. *Христ. Чт.* 1903 г февраль и мартъ.

лый рядъ житій. Это конечно правда: авторъ сдѣлалъ только что успѣлъ. Но онъ собралъ и изложилъ здѣсь *главное*. Половиной XVI в. собственно кончается исторія древне-русскаго монашества. Слѣдующіе полтора вѣка прибавили рядъ подвижническихъ именъ, но не дали новыхъ общихъ явленій. А на пространствѣ взятаго періода авторъ останавливался на главныхъ моментахъ въ исторіи русскаго монашества: не пропустилъ ни Ѳеодосія Печерскаго, ни Сергія Радонежскаго, ни Іосифа Волоколамскаго, не умолчалъ и о Нилѣ Сорскомъ.

На какихъ же сторонахъ своей жизни древне-русскій міръ видѣлъ помощь изъ святыхъ обителей, отъ преподобныхъ, просіявшихъ въ Русской землѣ? Да на всѣхъ рѣшительно. На религіозно-нравственной—въ молитвѣ, учительствѣ, духовничествѣ и миссіонерствѣ подвижниковъ, на соціальной и политической — въ печалованіи за осужденныхъ, въ обличеніи насильниковъ и миротворчествѣ враждующихъ князей; на экономической — въ монастырской благотворительности разныхъ видовъ. Общежители, или пустынножители — русскіе подвижники всѣ несли службу міру, кто какую могъ, то учительнымъ словомъ къ темному народу, то всенароднымъ обличеніемъ московскаго самодержца, то кускомъ хлѣба умирающему ребенку, оставленному подъ монастырской стѣной своими голодными родителями, то прокормленіемъ цѣлыхъ тысячъ голодающаго народа, то уходомъ за больными и увѣчными бѣдняками и устройствомъ для нихъ богадѣленъ при монастыряхъ.

Теперь намъ остается изъ своей исторической справки сдѣлать только выводы въ примѣненіи къ современной полемикѣ о монашествѣ.

IV.

Сужденія *г. Круглова* о службѣ монашества міру—Въ общемъ они оправдываются исторіей.—Воззрѣнія на монашество *архимандрита Никона.*—*Разборъ ихъ:* постановка вопроса и рѣшеніе его съ *принципіальной* точки зрѣнія—изъ понятія о спасеніи.—Двѣ заповѣди о любви.—Кто ближній монаха?—Оцѣнка воззрѣній арх. Никона съ *исторической* точки зрѣнія—*Взглядъ его на монашескую благотворительность*—односторонній и ошибочный—Нищелюбіе древней Руси.—Христосъ въ образѣ нищаго.—Благотворительность, какъ *обязанность общежительнаго и стяжательнаго монастыря.—Основанія этого:* примѣръ древнихъ отцовъ монашества—Связь благотворительности съ общежитіемъ—Благотворительность, какъ показатель твердости монастырскаго устава и высоты монашеской жизни.—Благотворительность, какъ *самостоятельная задача православнаго монастыря* (примѣръ Іосифа Волоколамскаго).—Неудачное примѣненіе термина „*подъяліе*".—„Лукавый планъ адскаго хитреца".—Идеалъ подвижника въ древней Руси и въ статьяхъ арх. Никона.—Въ защиту термина „альтруизмъ".

Теперь обращаемся къ самой полемикѣ, вызвавшей нашу справку, и возьмемъ только двухъ первыхъ и типичныхъ представителей спорящихъ сторонъ: г. Круглова и архимандрита Никона.

Г. Кругловъ призываетъ наше современное монашество на службу міру, но на такую службу, которая „*не противорѣчитъ прямой задачѣ*", которая „*не исключается молитвеннымъ подвигомъ*", составляющимъ прямую задачу монашества [1]). Эту службу онъ видитъ: а) въ самомъ дѣятельномъ участіи иноковъ въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія, b) въ благотворительности нашему голодающему народу, c) въ духовномъ просвѣщеніи его посредствомъ школъ. Осуществленіе

---

[1]) Статья или замѣтка *г. Круглова* „На службѣ міру—на службѣ Богу", содержаніе которой мы передаемъ, такъ мала, что считаемъ совершенно лишнимъ указывать страницы ея. Она напечатана въ *Душеполезномъ Чтеніи* 1902, октябрь (186—193 стр.).

первой формы иноческой службы міру г. Кругловъ указываетъ на примѣрѣ великой княгини Александры Петровны—инокини Анастасіи, основательницы Покровской Общины въ Кіевѣ. Къ участію въ духовномъ просвѣщеніи наше монашество призывалъ голосъ извѣстнаго народолюбца С. А. Рачинскаго. Примѣровъ благотворительной дѣятельности современныхъ монастырей авторъ не указываетъ, напротивъ заявляетъ: „во время эпидемій и голода монастыри не проявили большой активной дѣятельности". Перечисленныя формы служенія міру особенно посредствомъ больницъ и школъ авторъ называетъ „новымъ дѣломъ, которое въ сущности старое, монастырямъ давно извѣстное, но какбы оставленное и забытое", „новостарымъ путемъ", къ которому настойчиво призываетъ ихъ жизнь.

Примѣненіе указанныхъ задачъ служенія міру по мнѣнію г. Круглова должно произвести въ нашемъ современномъ монашествѣ, говоря ученымъ слогомъ, нѣкоторую дифференціацію. Меньшинство, тѣ рѣдкіе люди, которымъ доступны высшія ступени созерцательной жизни, должны быть освобождены отъ этого служенія, „хотя уходъ за больными, прибавляетъ авторъ, не мѣшалъ спасенію древнихъ подвижниковъ",—должны быть освобождены по крайней мѣрѣ во избѣжаніе упрековъ. „Но другіе, большинство, найдутъ въ новомъ служеніи полное удовлетвореніе и этимъ избавятъ себя отъ нежелательныхъ, невольныхъ уклоненій въ отрицательную сторону". Описавъ нравственно-воспитательное вліяніе на самихъ иноковъ и все величіе подвига ухода за больными, авторъ заключаетъ: „здѣсь служеніе міру—поистинѣ служеніе Богу". Мы не знаемъ, о чемъ говоритъ авторъ: если о насильственномъ, административномъ раздѣленіи иноковъ на два разряда, то это ошибка и большая; если же о свободномъ разграниченіи ихъ на созерцателей и такъ сказать практиковъ, дѣятелей, то онъ правъ, потому что христіанское монашество всегда дѣлилось такимъ образомъ.

„Напрасно думаютъ, что такая служба противорѣчитъ уставу"... Историческія данныя успокоиваютъ автора на этотъ счетъ. Древніе русскіе монастыри служили міру, помогали родинѣ и противъ внѣшнихъ враговъ. Теперь враги у народа: голодъ, эпидеміи, невѣжество или образованіе безъ вѣры. Монастыри не могутъ остаться глухи къ этому голосу

жизни. Авторъ предвидитъ возраженіе, что школа и больница помѣшаютъ прямому дѣлу спасенія, но онъ убѣжденъ, что эти послушанія совершенно совмѣстимы съ иночествомъ, гораздо болѣе совмѣстимы, чѣмъ сидѣніе въ монастырской лавкѣ или завѣдываніе монастырскими гостинницами. Повторивъ о заслугахъ русскому міру со стороны Рачинскаго и великой княгини-инокини, авторъ пишетъ: „*отвергать ихъ, остаться глухимъ на призывъ можно только при невѣрномъ взглядѣ на отношенія къ міру иночества и обратно*“.

Наша справка во многомъ оправдываетъ приведенныя сужденія г. Круглова. Подвижники древней Руси не считали служеніе міру дѣломъ, противорѣчащимъ прямой задачѣ монашества. Въ большинствѣ они не думали, что молитвенный подвигъ — прямая задача и главное занятіе инока— исключаетъ службу мірскимъ людямъ, ихъ духовнымъ и тѣлеснымъ нуждамъ. Недаромъ величайшіе подвижники древней Руси были въ тоже время самыми усердными благотворителями: достаточно вспомнить преп. Ѳеодосія и преп. Сергія. Наши древніе подвижники строили при своихъ обителяхъ странноприимницы, богадѣльни для калѣкъ и больныхъ, гдѣ вѣроятно ихъ и лечили какъ тогда умѣли. Въ голода, посѣщавшіе русскую землю и въ древности такъ же часто какъ теперь, не жалѣя монастырскихъ запасовъ, иногда скудныхъ, подвижники питали сотни даже тысячи народа. Поэтому г. Кругловъ совершенно справедливо называетъ благотворительное дѣло старымъ, давно извѣстнымъ, только забытымъ въ современныхъ русскихъ монастыряхъ. Онъ пишетъ не проэктъ переустройства нашихъ монастырей: онъ проситъ ихъ только откликнуться на свой призывъ. И они откликнулись...

Противникомъ г. Круглова является издатель Троицкихъ Листковъ, казначей Троицкой лавры *архимандритъ Никонъ*, напечатавшій уже нѣсколько статей по вопросу о монашествѣ [1]). Вотъ пока вкратцѣ тѣ положенія, которыя прово-

---

[1]) „Православный идеалъ монашества“, *Душеполезное Чтеніе*, (октябрь, 194—209) противъ г. Круглова, „Еще объ идеалѣ монашества“, въ отвѣтъ петербургскому иноку (январь, 1903 г. 107—120), „Дѣланіе иноческое и дѣло Божіе“, въ отвѣтъ арх. Евдокиму (февраль, 330—355), „Неожиданный союзникъ“, по поводу фельетона г. Розанова (мартъ, 543—545).

дятся въ этихъ статьяхъ. Монастырь—духовная врачебница, въ которой инокъ получаетъ исцѣленіе отъ страстей. Монахъ долженъ заботиться исключительно о своемъ личномъ спасеніи, а непремѣнное условіе для этого — удаленіе отъ міра, уединеніе, смерть для міра, полное одиночество (мы такъ понимаемъ: полная свобода отъ обязанностей служенія міру). Пусть называютъ осуществленіе такого идеала „эгоизмомъ спасенія"—это *святой эгоизмъ* [1]). Для инока главнымъ дѣломъ, единымъ на потребу, остается молитва; всякое внѣшнее добродѣланіе есть только *подъліе* [2]). Единственная форма служенія міру со стороны монаха—примѣръ его жизни, личнаго подвига: спасая себя, онъ тѣмъ самымъ спасетъ и другихъ. Инокъ не можетъ служить міру даже словомъ. Правда, дѣло милосердія духовнаго — религіозно-нравственное учительство возможно монаху, возможны и другіе виды общественнаго служенія, но не какъ плодъ его свободнаго стремленія и самодѣятельности, а какъ слѣдствіе особаго Божественнаго призванія. Лишь въ этомъ случаѣ монахъ не можетъ отказываться отъ служенія обществу [3]).

Обсудимъ эти положенія сначала съ принципіальной стороны. Спѣшимъ оговориться. Направляя свои возраженія противъ изложенныхъ сужденій арх. Никона, казначея Троицкой лавры, мы не будемъ имѣть въ виду его монастыря. Дѣйствительная жизнь лавры преп. Сергія построена совсѣмъ не по идеаламъ арх. Никона и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ даже выше этихъ идеаловъ: при лаврѣ есть странноприимницы, школы, на ея средства содержится богадѣльня. Отнюдь не желаемъ мы касаться и самого арх. Никона какъ личности, мы имѣемъ дѣло исключительно съ его воззрѣніями, высказанными въ перечисленныхъ статьяхъ.

Что монастырь духовная врачебница или мѣсто борьбы со страстями, этого никто не отрицаетъ и отрицать не станетъ. Всякій согласится и съ тѣмъ, что первая, и, если хотите, единственная забота монаха — личное спасеніе, и съ тѣмъ

---

[1]) Эти положенія развиваются въ первой статьѣ арх Никона (октябрь 197—199).

[2]) Октябрь, 201 и 209; февраль, 337.

[3]) Февраль, 342—343; ср. октябрь, 207.

наконецъ, что неизбѣжное условіе для этого — удаленіе его изъ міра. Но слѣдуетъ ли непремѣнно понимать дѣло спасенія такъ, какъ понимаетъ его арх. Никонъ?—вотъ вопросъ, на которомъ слѣдуетъ прежде всего остановиться. Пусть читатель представитъ себѣ такой рядъ мыслей въ сужденіи о спасеніи, — по вопросу о томъ, какъ относится служеніе общественному благу къ заботѣ о спасеніи души. *Нѣтъ спасенія безъ участія въ общественномъ благѣ.* Раздроблять эти двѣ цѣли жизни значитъ или спасеніе или общественное благо понимать неправильно, не по разуму Божественнаго откровенія. Понятіе о спасеніи въ данномъ случаѣ *узко.* Самое содержаніе его составляетъ любовь къ ближнимъ (на ряду съ любовью къ Богу), а забота объ общественномъ благѣ и является требованіемъ этой любви. Истинное православное христіанство *осуждаетъ всякій эгоизмъ;* первое и необходимое условіе слѣдованія за Христомъ — *„отвергнись самого себя“*, всякой привязанности къ своему *я.* Поэтому спасеніе слѣдуетъ понимать, какъ начало, *исключающее* всякій эгоизмъ, въ томъ числѣ и *эгоизмъ религіозный* („святой эгоизмъ“ по терминологіи арх. Никона) [1]. Приведенныя мысли взяты нами изъ статьи очень извѣстнаго современ-

---

[1]) Моисей молился Господу послѣ того, какъ евреи поклонились золотому тельцу „прости имъ грѣхъ ихъ; а если нѣтъ, то и меня изгладь изъ книги Твоей, въ которую Ты вписалъ“ (Исх. XXXII, 32) И Ап. Павелъ пишетъ къ Римлянамъ (IX, 3—4): „я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, т. е. израильтянъ“. Возможна ли при „эгоизмѣ спасенія“ эта высшая степень самоотреченія, понятно ли подобное настроеніе нашимъ „святымъ эгоистамъ?“ Не думаемъ, потому что и великій пророкъ израильскій и великій апостолъ язычниковъ понимали спасеніе, какъ нѣчто заключающее въ себѣ наивысшую степень самоотверженія и потому исключающее эгоизмъ во всѣхъ его видахъ А между тѣмъ истинные подвижники раздѣляли это настроеніе пророка и апостола. Преп Варсануфій Великій говорилъ своему ученику: „повѣрь мнѣ, братъ, что духъ мой усердствуетъ сказать моему Владыкѣ, Который радуется о прошеніи рабовъ Своихъ: Владыко, или вмѣстѣ со мною введи чадъ моихъ (духовныхъ дѣтей, учениковъ) въ царство Свое, или изгладь и меня изъ книги Твоей Но немощь моя и нерадѣніе препятствуютъ мнѣ имѣть такое дерзновеніе; впрочемъ, милосердіе Его велико“. *Преп. Варсануфія Вел. и Іоанна,* Руководство къ духовной жизни, отвѣтъ 110, по изд. М. 1892 г. стр 77—78

наго русскаго іерарха—богослова [1]). Любознательный читатель найдетъ здѣсь мѣткую характеристику религіознаго эгоизма и религіозныхъ эгоистовъ, къ лику которыхъ причисляетъ себя и авторъ разбираемыхъ статей. Итакъ пониманіе вопроса о спасеніи арх. Никономъ *по меньшей мѣрѣ спорно.* И на своемъ спорномъ пониманіи этого основного вопроса, можетъ быть на пониманіи одностороннемъ и узкомъ, онъ строитъ всѣ свои воззрѣнія на монашество, на его идеалы, задачи и отношенія къ міру.

Двѣ *равно великія* заповѣди въ законѣ: любить Бога всѣмъ сердцемъ и ближняго какъ самого себя. Если инокамъ изъ этихъ двухъ заповѣдей по арх. Никону можно ослабить исполненіе второй (любви къ ближнему) для того, чтобы больше оставалось времени и силъ для молитвы Богу, т. е. для исполненія первой, то простая справедливость требуетъ того, чтобы для мірянъ, которымъ не послабляется исполненіе заповѣди о любви къ ближнему, было какъ можно болѣе ослаблено исполненіе другой молитвы къ Богу—выраженія любви къ Нему. Инокъ будетъ тогда молиться, не заботясь о милосердіи къ бѣднымъ, мірянинъ помогать ближнимъ, не заботясь о молитвѣ. Такъ бы по простой справедливости и естественной послѣдовательности долженъ былъ разсуждать арх. Никонъ. Того же требовало бы и уваженіе его къ иноческому званію. Вѣдь въ противномъ случаѣ мірянинъ, исполняя обѣ заповѣди, будетъ святѣе монаха и мірское состояніе выше монашескаго, о чемъ, думаемъ, и слышать не захочетъ почтенный о. архимандритъ, торжественно называющій монашество, забывая объ іерархіи, „передовымъ отрядомъ Христовой воинствующей церкви“. Но подобное раздѣленіе труда въ дѣлѣ спасенія было бы совершенно неумѣстно. Всѣмъ христіанамъ сказано апостоломъ: *непрестанно молитеся* (Θессал. V, 17), безъ изъятія для мірянъ. Ко всѣмъ, въ томъ числѣ и къ инокамъ, относятся слова другого апостола: „*чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцемъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбяхъ и хранить себя неоскверненнымъ отъ міра... Если братъ или сестра*

---

[1]) *Епископъ Антоній* (Волынскій) Полное собраніе сочиненій, III „*Какъ относится служеніе общественному благу къ заботѣ о спасеніи своей собственной души*“[2] стр, 342 и слѣд.

наги и не имѣютъ дневного пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла: что пользы? такъ и вѣра, если не имѣетъ дѣлъ, мертва сама по себѣ (Іакова, I, 27; II, 15—17) [1]). И самая мысль о томъ, что можно отдѣльно исполнять эти заповѣди, совершенно невѣрна. По ученію апостола любви весь законъ христіанской жизни заключается „въ любви къ ближнему и въ любви къ Богу черезъ любовь къ ближенму“ [2]).

Вопросъ теперь въ томъ, кто ближній монаха, старый вопросъ законника: „*и кто есть ближній мой*“? По притчѣ Христовой ближній для іудея презрѣнный самарянинъ. И мы полагаемъ, ни одинъ инокъ, даже самый святой эгоистъ, не скажетъ такой нелѣпости, будто ближній для монаха только монахъ, что мірянинъ для инока существо болѣе презрѣнное, чѣмъ самарянинъ для іудея, что монастырская ограда служитъ той границей, до которой только доходитъ и за которой уже кончается святое служеніе инока ближнему. Однако можетъ быть онъ заявитъ, что монаху въ большей степени ближній монахъ, чѣмъ мірянинъ. Но и это неосновательно: для такого дѣленія ближнихъ на два разряда нѣтъ основанія ни въ Св. Писаніи, ни въ примѣрахъ древнерусскихъ подвижниковъ. Преп. Сергій *всѣхъ равно* любилъ и *всѣмъ равно* творилъ добро; преп. Евфросинъ *всѣхъ равно* упокоивалъ, какъ посланныхъ отъ Бога. Значитъ монашеское званіе совершенно совмѣстимо съ служеніемъ мірскимъ ближнимъ. Что же касается превозношенія монаховъ надъ мірянами, то оно строго осуждалось лучшими иноками древней Руси. „Тѣмъ же, о возлюбленніи, говоритъ

---

[1]) Обходя это *ясное* мѣсто изъ Апостола наши провозвѣстники православнаго монашескаго идеала часто ссылаются на Іоан. XII, 8: „Ибо нищихъ всегда имѣете съ собою, а Меня не всегда“. Но слова Господа относились только къ Его ученикамъ и только къ моменту прощанія Его съ ними. Относить ихъ къ монашеству и на всѣ времена значитъ допускать произвольный аллегоризмъ въ толкованіи. Другое мѣсто Евангелія: „Марѳа, Марѳа! ты заботишься и суетишься“ и т. д. въ нашемъ вопросѣ совсѣмъ не идетъ къ дѣлу, развѣ только тоже въ аллегорическомъ смыслѣ.

[2]) *Прот. П. Я. Свѣтловъ*, Идея царства Божія. Б. В. 1903, апрѣль стр. 628.

одно наставленіе монахамъ, да будите вси обѣтъ свой храняще,—въ терпѣньи и въ послушаньи, не манатья (мантіи) кажуще и глаголюще: *„се иноци есмы, имѣемъ образъ ангельскій, покланяйтеся намъ!“* Образъ бо вы не спасеть, аще дѣлы ангельски не украситеся“. *„Облекосте бо ся въ манатіа смиренія и въ куколь беззлобія, паче стяжите любовь, яже есть соузъ совершенія“* [1])...

Перейдемъ къ оцѣнкѣ воззрѣній арх. Никона съ точки зрѣнія исторіи.

Изъ нашего историческаго очерка читатель видѣлъ, что монашескіе идеалы древней Руси до пол. XV в. отличались большимъ однообразіемъ. До этого времени русское монашество было въ общемъ дѣятельнымъ, практическимъ. Только въ XV стол. оно рѣзко дѣлится сначала на два направленія, потомъ на двѣ партіи. Яркими выразителями туземнаго монашества являются іосифляне, которые еще болѣе развили практическій идеалъ древнѣйшихъ русскихъ подвижниковъ. Другая партія—заволжская развила свои воззрѣнія подъ сильнымъ вліяніемъ Аѳона. Бѣлоозерскіе старцы выступаютъ рѣшительными противниками дѣятельнаго идеала и проповѣдниками монашества строго созерцательнаго. Церковное большинство было однако не на сторонѣ заволжскихъ созерцателей. Новому направленію не суждено было не только одержать побѣды надъ противниками, но и отстоять право на собственное существованіе. Но все же созерцательное направленіе существовало въ древней Руси и имѣло на своей сторонѣ авторитетныхъ представителей.

Въ разбираемыхъ статьяхъ арх. Никонъ достаточно подробно и ясно изложилъ свои монашескіе идеалы, воззрѣнія на задачи монашества и на служеніе его міру. Вотъ мы и посмотримъ теперь, имѣютъ ли его идеалы и воззрѣнія оправданіе въ исторіи русскаго монашества той или другой партіи. Сначала сравнимъ ихъ съ завѣтами и практикой того коренного направленія, которое проходитъ чрезъ всю исторію русскаго монашества, начиная съ XI в., а потомъ сопоставимъ ихъ съ идеалами бѣлоозерскихъ старцевъ.

Прежде всего обсудимъ *взглядъ* арх. Никона *на благотво-*

---

[1]) *Иноческія поученія*, Матеріалы для исторіи р. церкви I, 124 и 144.

рительность вообще. Разсуждаетъ онъ такъ. Цѣль монашеской жизни чужда всякихъ утилитарныхъ элементовъ. Покаяніе, плачъ о грѣхахъ и возможно продолжительная богослужебная и келейная молитва—вотъ его прямая задача. Для ея осуществленія монаху нужна свобода отъ заботъ и полное одиночество. Это идеалъ, это монашеское дѣло. Однако, удержаться на высотѣ этого идеала невозможно для смертнаго. У монаха есть физическія потребности, для удовлетворенія которыхъ онъ долженъ отрывать часть времени у молитвы. Ему нужно обѣдать, топить печь, выметать соръ изъ кельи, чинить свое платье. Это монашеское „подѣліе". Разумѣется, чѣмъ меньше подѣліе вредитъ дѣлу, тѣмъ лучше. Благотворительность въ какой бы то ни было формѣ. есть тоже не дѣло, а подѣлье монаха. Отсюда „всякое внѣшнее добродѣланіе есть только цвѣтъ: плодъ же есть внутреннее духовное дѣланіе молитвы Іисусовой... Вотъ почему всякое внѣшнее дѣло для монаха есть только подѣліе, а главное дѣланіе есть молитва. Вотъ въ чемъ суть монашескаго дѣланія въ отличіе отъ простой мірской добродѣтели" [1]).

Этотъ принципіальный взглядъ арх. Никона на дѣло благотворительности иноковъ на основаніи исторической справки своей мы считаемъ одностороннимъ и ошибочнымъ.

Нищелюбива была древняя Русь. Не могла она говорить такъ пренебрежительно о дѣлахъ христіанскаго милосердія. Она воспиталась на твореніяхъ Златоуста, этого вселенскаго проповѣдника милосердія, словами котораго „о милостыни" (или словами съ его именемъ) наполнены наши древніе сборники. „Милостыня—царица добродѣтелей" по Златоусту; „Богъ не такъ скоро услышитъ праведныхъ, какъ бѣдныхъ", говоритъ проповѣдникъ милосердія. На Руси усвоили и повторяли эту проповѣдь. „Милостыни бо есть всего луче и вышьше, възводящи до самого небеси предъ Богомъ", говоритъ древнѣйшій лѣтописецъ [2]). Она есть лучшее выраженіе той любви, которой люди живы, которая спасетъ міръ. „Спаситеся богатіи милостынею, говоритъ древнерусскій проповѣдникъ, спаситеся убозіи терпѣніемъ, спасися весь міръ лю-

---

[1]) Октябрь, 209

[2]) *Ипат. лѣт.*, 91.

бовію“ [1]). Нищаго у насъ почитали. Грѣхомъ считалось отказать ему въ подаяніи: „грѣхъ есть не давши нищему, а имѣюще что дати: епитиміи 15 дній, поклонъ 100 на день“,— такъ читается въ древнемъ епитимейникѣ. Предписывалась трогательная заботливость и предупредительность къ бѣдному человѣку. „Согрѣшихъ отче (каялись въ древней Руси), нищему не далъ воды пить, или отъ собаки не проводилъ“ [2]).

Нѣкоторое объясненіе такой заботливости слѣдуетъ искать въ томъ вѣрованіи, что въ образѣ нищаго по грѣшной землѣ ходитъ Самъ Христосъ, что нищая братія — братія Христова. Андрей Боголюбскій подавалъ безъ отказа каждому нищему чего бы тотъ ни попросилъ и объяснялъ при этомъ: „ѣда се есть Христосъ (можетъ быть это Христосъ) пришедъ испытать мене“ [3]). Кіевскій митр. Іоаннъ IV поучалъ Новгородскаго владыку Илію при поставленіи: „чадо, прилѣжи милостыни; зри Христа у нищаго въ рубѣхъ (въ лохмотьяхъ) сѣдяща и къ тебѣ руку простирающа“ [4]). И подвижники, эти лучшіе люди древней Руси, раздѣляли сами и проповѣдывали другимъ описанныя воззрѣнія. Оно слышится въ предсмертныхъ словахъ преп. Никона Радонежскаго, ясно выражено въ приведенныхъ статьяхъ устава преп. Евфросина Псковскаго. И тѣ и другія наглядно показываютъ, насколько жива была вѣра, что въ образѣ нищихъ къ вратамъ нашихъ обителей являются неземные гости. Ходитъ въ образѣ нищаго по обителямъ святой Руси Христосъ, но не вездѣ радушно и ласково принимаютъ Небеснаго Странника. Въ одномъ патерикѣ содержится интересное слово о „нѣкоемъ игумени“. Этотъ игуменъ общежительнаго монастыря сначала былъ нищелюбивъ, но потомъ, когда вошелъ въ славу, началъ дружить съ боярами и богачами, „а сиротъ небреже“. Въ монастырь къ нему пришелъ Самъ Христосъ въ образѣ убогаго сироты черноризца и просилъ привратника передать игумену, что пришелъ

---

[1]) *Н. К Никольскій*, О литературныхъ трудахъ митр. Климента Смолятича, 221.

[2]) *А. Алмазовъ*, Тайная исповѣдь, III, 281, 199.

[3]) *Ипат. лѣт.*, 397.

[4]) Журн. Мин. Нар. Пр., Ч. 271, стр. 297.

Онъ къ нему со многимъ трудомъ, издалека. Привратникъ засталъ настоятеля за бесѣдой съ богатыми, доложилъ ему о приходѣ Странника, не зная и не сказавъ, что это Самъ Христосъ. Тотъ накричалъ на привратника, прервавшаго игуменскую бесѣду съ честными мужами, выбранилъ и за то, что пустилъ къ монастырю нищаго, и отсылая сказалъ привратнику, чтобы онъ не обращалъ на Пришельца никакого вниманія Долготерпѣливый Господь пребывалъ внѣ монастыря ожидая. Но вотъ ѣдетъ въ монастырь городской богачъ; игуменъ спѣшно бѣжитъ навстрѣчу къ монастырскимъ воротамъ. И Господь подошелъ къ нему и сказалъ съ мольбой: „отче, у меня есть къ тебѣ слово“. Зазнавшійся монахъ только посмотрѣлъ и, ничего не отвѣтивъ Господу, пошелъ съ своими гостями обѣдать Когда кончился обѣдъ, игуменъ опять подходилъ къ воротамъ уже провожать своихъ гостей, снова Господь пытался говорить съ нимъ и снова не былъ выслушанъ. До самого захода солнца игуменъ не имѣлъ досуга принять Странника. Уходя отъ монастырскихъ воротъ, Господь говоритъ игумену чрезъ привратника: „ты ищешь человѣческой славы! Ради прежней добродѣтельной жизни твоей Я пришелъ дать благословеніе тебѣ, но ты не захотѣлъ. И вотъ нынѣ со всѣхъ четырехъ краевъ земли пошлю къ тебѣ богатыхъ: вѣдь ты ищешь славы и чести отъ людей! Но ради богатыхъ ты лишенъ будешь Моего царства и чуждъ общенія святыхъ“. „Тако познася вседержитель Господь, во образѣ нищаго пришедый, и взятся на небо“ [1]). Похоже ли, читатель, это трогательное мистическое уваженіе древней Руси къ братіи Христовой: ея писателей, какъ авторъ изложенной повѣсти, и подвижниковъ, какъ перечисленные выше, похоже ли оно на то отношеніе, въ которое ставитъ инока къ нищей братіи арх. Никонъ? Совсѣмъ не похоже. Онъ неоднократно повторяетъ слова Господа: „нищихъ всегда имѣете съ собою“ [2]) и сколько не евангельскихъ чувствъ влагаетъ въ эти евангельскія слова!..

Законодатели русскаго монашества считали *благотворительность обязанностью монаха нисколько не меньшей, чѣмъ молитва.*

---

[1]) Протоколы Харьк. Универ. 1867 г. № 7. стр. 636 — 637. Отчетъ *П. Лукьянова.*

[2]) Февраль, 338—339

Арх. Никонъ судитъ по другому, возвышая молитву и унижая предъ ней благотворительность. „Единое на потребу для инока остается молитва“, говоритъ онъ. Но безспорно, что и древніе подвижники наши не отставали въ молитвѣ отъ теперешнихъ и молились „за весь міръ безпрестани“. Въ любомъ житіи вы встрѣтите, что такой то святой непрестанно умъ свой имѣлъ къ Господу и сердце пригвождалъ въ молитвахъ день и ночь, никогда не измѣнялъ правилу молитвенному, не отлучался чина церковнаго и келейнаго правила, что въ молитвѣ проводилъ онъ свои ночи, мало сна вкушая, или сонъ бдѣніемъ изгоняя, не лежа на ребрахъ,— что ноги его были „яко столпіе“. Но сказать, что молитва преподобныхъ исключала (или даже ограничивала) для нихъ дѣла человѣколюбія въ отношеніи къ нуждающимся міянамъ, чтобы одна молитва вмѣстѣ съ вспомогательными аскетическими подвигами считалась ими достаточной или почти достаточной для спасенія, сказать такъ значило бы совершенно забыть ихъ житія. Напротивъ они подвизались по житійному выраженію, *„смѣшая постъ съ милостынею“*, т. е. соединяя подвиги личнаго аскетизма съ дѣлами служенія ближнему. *И милостыня занимала здѣсь отнюдь не второстепенное, служебное положеніе: она равна молитвѣ.* „Сотвори умъ твой (слова Діонисія Глушицкаго) со всѣмъ тщаніемъ единаго Бога искати и *прилежати въ молитвѣ. И паче подвигнемся помогать нищимъ и сиротамъ и вдовицамъ*“. Тотъ же подвижникъ поучалъ братію, что на страшномъ судѣ всѣхъ насъ Господь будетъ судить по дѣламъ человѣколюбія. Корнилію Комельскому открыто въ видѣніи, что тѣ калачи и хлѣбы, которые онъ роздалъ нищимъ, послужатъ къ его наградѣ за гробомъ. Преп. Зосима говорилъ въ предсмертномъ поученіи соловецкой братіи: *„и милостыни съ тщаніемъ прилежите, безъ нея же никто же узритъ Господа“* [1]). Черноризцы, *„труждающеся странныхъ ради и болящихъ упокоенія*, заявлялъ Іосифъ Волоколамскій, *не токмо не осуждаются, но паче сея самыя ради вины велію мзду съ постничествомъ своимъ воспріимутъ“*. Но еще выразительнѣе нравственную цѣнность милостыни для инока защищаетъ преп. Ѳеодосій Печерскій въ приведенномъ выше поученіи.

---

[1]) *Житіе преп. Зосимы.* Ркп. Вол. Б—ки № 659, л. 266 об.

Монаховъ, хотѣвшихъ спастись только подвигами аскетизма—постами, бдѣніемъ и молитвой, и роптавшихъ на нищелюбиваго игумена, онъ сравниваетъ съ неразумными дѣвами Христовой притчи, которыя остались внѣ брачнаго чертога потому, что въ свѣтильникахъ ихъ душъ не нашлось масла, т. е. милостыни. Сравниваетъ далѣе съ израильтянами, роптавшими на Моисея въ пустыни. „Да не уподобимся онѣмъ роптивымъ, иже чрева ради падоша въ пустыни, ни помышляемъ бѣсовскихъ помышленій, иже всѣваютъ въ сердца наша неподобная". Такъ порицалъ преп. Ѳеодосій печерскихъ ропотниковъ, древнѣйшихъ русскихъ проповѣдниковъ „святого эгоизма". Сильно опасаемся, не обидѣли бы кого и теперь эти суровыя рѣчи никогда не гнѣвавшагося подвижника, отца русскаго монашества.

Признавая христіанскую благотворительность столь же необходимой для спасенія инока, какъ и молитву, древнерусскіе подвижники узаконяли ее *для монастыря въ цѣломъ*. Преп. Ѳеодосій Печерскій тратилъ на содержаніе двора для пріема нищихъ и больныхъ десятину монастырскихъ доходовъ. Преп. Сергій, организуя общежитіе въ Радонежской обители, вводитъ въ ней, какъ необходимую составную принадлежность новаго строя, благотворительность въ трехъ главныхъ видахъ—страннолюбія, нищелюбія и ухода за больными; отправленіе этихъ обязанностей возлагаетъ на служебныхъ чиновъ монастыря и даетъ свое предписаніе имъ въ видѣ непререкаемой заповѣди. Подобнымъ образомъ поступаетъ Евфросинъ Псковскій, который благотворилъ самъ „и братіи своей заповѣда ничтоже звати своимъ, но все монастырскимъ, подобяся гласу Спасову: *„милостивыхъ домы не оскудѣютъ"*, т. е. очевидно ставя благотворительность въ неразрывную связь съ общежительнымъ уставомъ, требующимъ, чтобы у монаховъ все было общее и чтобы монастырскіе излишки шли бѣднымъ. А Корнилій Комельскій такую милостыню признаетъ единственно возможной въ устроенномъ общежительномъ монастырѣ („милостыня въ монастырехъ и нищелюбство обща суть") и запрещаетъ иноку подавать милостыню лично, хотя бы и изъ монастырскихъ средствъ, опасаясь того, чтобы частная милостыня не послужила предлогомъ для развитія частной собственности среди монаховъ, не содѣйствовала нарушенію общежитель-

наго устава. Средства для благотворительности монастырь получаетъ изъ двухъ источниковъ: изъ приносовъ отъ мірянъ и отъ трудовъ братіи. Подвижники предписывали инокамъ даже трудиться съ этою цѣлью: дабы о нищихъ любовь показать (Павелъ Обнорскій), „тружаться странныхъ ради и болящихъ упокоенія“ (Іосифъ Волоколамскій), „да не токмо сами свой хлѣбъ ядятъ, но да и неимущихъ питаютъ“ (Корнилій Комельскій). Отходя изъ этого міра, подвижники повторяли братіи то, чему примѣромъ и словомъ учили ее при жизни—не забывать страннолюбія, прилежать милостыни. И замѣчательно: рядомъ съ этими наставленіями подвижники предписываютъ и неопустительное соблюденіе молитвеннаго устава. „Трапезы отъ любострання не затворите, о милостынѣ попецѣтеся, просяща потребная тща не отпустите. Соборныя молитвы не отлучайтеся никакою нужею“... Такъ завѣщевалъ о монастырскомъ строеніи преп. Пафнутій, разсуждая, что монастырь можетъ соединить и щедрую благотворительность и неопустительную церковную молитву. Можно ли послѣ того утверждать, что благотворительность отвлечетъ инока отъ молитвы?

Вводя благотворительность въ кругъ обязанностей монастыря, подвижники древней Руси *опирались на примѣры восточныхъ законодателей христіанскаго монашества*, старались слѣдовать имъ. Евфросинъ Псковскій, предписывая страннолюбіе и милостыню своей обители, по словамъ жизнеописателя поступалъ, ревнуя Ѳеодосію Киновіарху и Евѳимію Великому и „подражая житію ихъ во всемъ“. Преп. Сергія въ его благотворительныхъ заботахъ также одушевляли житія отцовъ христіанскаго монашества, какъ отшельника Антонія, такъ и общежителей: Пахомія, Евѳимія, Саввы и Ѳеодосія. Не знаемъ, какъ думаетъ арх. Никонъ, а мы увѣрены, что названные подвижники нисколько не обманывались, когда, предписывая своимъ обителямъ благотворительность какъ обязательное дѣло, хотѣли строго слѣдовать завѣтамъ древняго восточнаго монашества.

Имѣя для своихъ благотворительныхъ плановъ твердую точку опоры въ прошедшемъ, они искали ее и въ будущемъ. Слѣдуетъ здѣсь припомнить, что *древнерусскіе монастыри* (исключая заволжскихъ скитовъ) *были стяжательными*, хотя это выходило нерѣдко и вопреки желаніямъ ихъ свя-

тыхъ основателей. И вотъ заповѣдь о благотворительности они сопровождали обычно предостережительнымъ обѣщаніемъ: „аще сію мою заповѣдь сохраните безъ роптанія... обитель моя зѣло распространится и въ многи лѣта неразрушима постоитъ“ (преп. Сергій); „а нищихъ пойте и кормите довольно и милостыню давайте, да не оскудѣетъ мѣсто сіе святое“ (преп. Антоній Сійскій † 1556 г.). Приведенныя слова подвижниковъ имѣютъ важное значеніе и глубокій смыслъ.

Арх. Никонъ видитъ въ организованной благотворительности монастыря нѣкоторый внѣшній придатокъ къ монастырскому строю и порядку, какъ бы пристройку, которую только терпятъ, хотя бы она и портила общій видъ зданія. Древніе же подвижники не прилагали ее къ монастырской организаціи въ качествѣ чего-либо сверхдолжнаго или междудѣльнаго, они считали ее неразрывной частью монастырскаго строя, однимъ изъ краеугольныхъ камней, которымъ держится порядокъ въ обители и сохраняется общежительный уставъ и именно потому они связывали судьбу своихъ обителей съ исполненіемъ своей заповѣди о благотворительности. И воззрѣніе ихъ совершенно правильно. Прежде всего: путемъ милостыни нуждающимся мірянамъ монастырь возвращалъ міру то или часть того, что приносили ему тоже въ видѣ милостыни христолюбцы міряне, болѣе состоятельные. Это несомнѣнно поднимало нравственное значеніе древнерусскаго монастыря какъ благотворителя, пособника бѣднымъ, и содѣйствовало между прочимъ самому накопленію его богатствъ, процвѣтанію его. Далѣе. Благотворя монастырь только отдавалъ свой долгъ предъ міромъ, исполнялъ элементарную обязанность благодарности. „Накормите кормящихъ вы, говорилъ однажды преп. Сергій братіи, напитайте питающихъ вы и учредите и почтите, достойни бо суть учрежденія и почтенія“ [1]). Неужели современный русскій монастырь, не отказывающійся отъ мірскихъ приношеній, откажется кормить кормящихъ его? Это несомнѣнно уронитъ и давно роняетъ его нравственное значеніе, содѣйствуетъ тому и духовному и матеріальному обѣдненію и захирѣнію, которому подверглись многія древнія обители,

[1]) *Житіе*, 88.

забывшія предостережительныя обѣщанія своихъ преподобныхъ основателей. Наконецъ: излишки, остающіеся въ монастыряхъ и не употребляемые по тому единственно законному назначенію—на благотворительность, скопляются здѣсь въ видѣ богатства. Но богатство безусловно вредно для монастыря, потому что представляетъ прямое нарушеніе общежительнаго устава со стороны цѣлаго монастыря (ибо раздавать излишки нищимъ и запрещеніе скоплять богатство—прямое требованіе устава) и влечетъ обычно за собой обогащеніе монастырскихъ властей, появленіе частной собственности, т. е. содѣйствуетъ дѣленію братіи по имущественному состоянію, разрушенію общежитія и развитію всякихъ пороковъ [1]). А арх. Никонъ и боится того, что ради благотворительности современные монастыри наши забудутъ свой уставъ, разрушатъ строй!

Исторія древнихъ монастырей нашихъ приводитъ къ тому заключенію, что *степень благотворительности въ той или иной обители есть точный показатель степени твердости въ ней общежительнаго устава*, что съ другой стороны забвеніе или небреженіе ея есть вѣрный признакъ ослабленія или паденія общеобязательнаго киновіотскаго устава и забвенія частной заповѣди святого основателя монастыря. Съ двухъ сторонъ подтверждается отмѣченная зависимость обоихъ явленій—соблюденія общежительнаго устава и посильной благотворительности. Съ положительной мы это уже видѣли на примѣрахъ древнихъ подвижниковъ, при которыхъ благотворительная дѣятельность обителей была самая широкая и уставъ строго соблюдался. Съ отрицательной стороны сейчасъ увидимъ. Беремъ яркій историческій примѣръ — *рядъ чудесъ преп. Варлаама Хутынскаго*, записанныхъ въ XVI в. и достаточно характеризующихъ жизнь его монастыря въ то время. Заповѣдь, полученная отъ основателя Хутынской обители, стоящей на берегу прежде оживленнаго Волхова, была слѣдующая: „странныхъ съ пути покоити, поити

[1]) Мѣтко выразилъ эту послѣднюю опасность Иванъ Грозный въ своемъ посланіи къ св Гурію Казанскому. „Еже не добро монастыри богатѣти чрезъ потребу и велики отчины давати, они бо симъ болѣе пустуютъ, пьянствуютъ и лѣнятся, а праздность на всяко зло влечетъ; а коли убоги, то болѣ трудятся, како бы достати хлѣбъ и одежду, а другое въ голову ему не пойдетъ“. Исторія росс іерархіи, VI, 530.

и кормити, пріѣзжихъ на конѣхъ покоити всякимъ покоемъ и милостыни нищимъ творить". Преподобный предписывалъ: „страннолюбія не забывати, то благодатію Христовою обитель моя и по смерти не оскудѣетъ". Таковъ былъ и монастырскій обычай. Въ день кончины подвижника—6-го ноября нищимъ раздавалась милостыня хлѣбомъ и деньгами. Хутынская обитель отворяла для народа свои полныя житницы въ случаяхъ голодовъ, часто посѣщавшихъ землю вольнаго города [1]). Но въ XVI в. общежитіе на Хутыни было въ разстройствѣ. „Бяху братія отъ болярска рода люди сильные. Иные братія соборные изъ давнихъ лѣтъ обогатѣли отъ лихоиманія собранія монастырскаго. И бяху ядуще и піюще безъ воздержанія и питіе у себѣ по келіямъ имуще въ погребѣхъ; и трапезы особныя койждо во своихъ кельяхъ имуще". Такъ мѣсто общежитія заступаетъ особножитіе. Монастырскія власти грабятъ и проживаютъ на себя достояніе обители,—тѣ излишки, которые должны были идти на милостыню нищимъ. Отъ того то и падаетъ благотворительность обители во всѣхъ ея видахъ. Одинъ хутынскій строитель дѣлаетъ такое распоряженіе: „не давати нищимъ хлѣба милостыни, ни кормити ихъ въ трапезѣ". „Чашникъ", завѣдующій монастырскимъ погребомъ, „самолюбивый", не боясь Бога и презирая отеческую монастырскую заповѣдь и неравнодушный къ тому, чѣмъ завѣдывалъ, не даетъ меда болящимъ мірянамъ: „Господа Бога прогнѣвалъ: бѣднымъ и недужнымъ и болящимъ не подавалъ" [2]). Случился голодъ. Новгородскій народъ, привыкшій въ неурожайные годы питаться изъ хутынскихъ житницъ, валитъ въ монастырь: „много множество гладныхъ людей—мужей съ женами и дѣтей истаеми гладомъ изнемогше кричаще и вопіюще и моляся игумену и всей братіи, чтобы напитали ихъ алчныхъ и жадныхъ напоили, отъ глада велика изнемогающихъ". Что же игуменъ? Игуменъ Никифоръ (1517—1524 г.г.) „повелѣ тѣхъ всѣхъ гладныхъ людей и съ женами и съ дѣтьми выслати вонъ изъ монастыря, не да имъ милостыни ничтоже, ни поивъ, ни кормивъ. И повелѣ отъ нихъ врата монастырскія затворити и заключити". Наступила ночь и во снѣ

---

[1]) *Житіе преп. Варлаама*, Изд Общ. Люб. Др. П. 79, 87—88, 90—92.

[2]) *Тамъ же*, 89, 77, 94.

чудотворецъ явился игумену [1])... Обычно къ немилосердным властямъ обители онъ является съ гнѣвными очами—„ярымъ окомъ“, говоритъ къ нимъ „съ великимъ запрещеніемъ“, напоминая свой личный примѣръ и свою предсмертную заповѣдь. Въ его рукахъ неизмѣнно игуменскій жезлъ, который и пускается въ дѣло на провинившихся, причиняя имъ болѣзни, параличи и даже смерть.

Ужъ изъ этого примѣра видно, что паденіе благотворительности знакъ печальнаго состоянія монашества. Но читатель вѣроятно замѣтилъ и то, что благотворительная дѣятельность основателей и устроителей монастырей почти всегда сопровождалась неудовольствіемъ братіи—тайнымъ или открытымъ ропотомъ. И это не случайность. Это ясный показатель того, что *благотворительная обязанность* для монастыря *не такое простое и легкое дѣло*, какъ можетъ то казаться. Провести ее въ сознаніе братіи и закрѣпить въ строѣ созданной обители на долгое время удавалось очень и очень немногимъ изъ древнихъ подвижниковъ. Умиралъ подвижникъ; его ученики, которые не понимали благотворительной ревности своего преподобнаго игумена, исполняли его заповѣдь только за страхъ, а ученики учениковъ уже совсѣмъ не исполняли. Но случалось вѣроятно часто, что и непосредственные ученики не соблюдали завѣтовъ своего святого наставника [2]). Такимъ образомъ оживленіе благотворительности въ нашихъ древнихъ обителяхъ совпадало съ лучшимъ ихъ временемъ, временемъ управленія ими преподобныхъ основателей; ослабленіе ея и забвеніе благотворительныхъ обязанностей, кото-

---

[1]) *Тамъ же*, 87.

[2]) Преп. Корнилій Комельскій, извѣстный своею широкой благотворительностью, въ концѣ своего устава пишетъ. „Слышахъ бо азъ самъ иже отъ мене постригшихся многихъ глаголющихъ. нынѣ намъ Корнилій возбраняетъ и не даетъ по своей воли пожити; а егда умретъ, и мы прейдемъ въ свой монастырь (т. е. въ обитель преп. Корнилія, откуда были удалены подвижникомъ) и по воли нашей поживемъ, якоже хощемъ“ (Ист Росс Іер IV, 703). А въ житіи подвижника, правда довольно глухо, передается о покушеніи на его жизнь двоихъ его учениковъ, за что то странно ненавидѣвшихъ святого (Ркп. Тр. Лавры № 676, л. 519). Можно ли ожидать, чтобы при такихъ условіяхъ послѣ преп Корнилія въ его монастырѣ долго продержалось общежитіе, содержался уставъ преподобнаго и свято сохранялись его благотворительныя заповѣди?!

рое и мы наблюдаемъ нынѣ, совпадаетъ съ худшими временами, свидѣтельствуетъ о печальномъ положеніи самого монашества. Таковъ *историческій урокъ современному монашеству* и его защитникамъ.

Итакъ мы видѣли, что благотворительность въ стяжательномъ монастырѣ есть вспомогательное средство сохраненія устава и порядка. Но *можно разсуждать о благотворительности, какъ совершенно самостоятельной общественной задачѣ православнаго монастыря.* Преп. Іосифъ Волоцкій говорилъ въ Москвѣ на соборѣ 1503 г., что благочестивые ктиторы—князья и епископы давали своимъ монастырямъ села и другія доходныя статьи, возлагая на монастырь благотворительныя задачи: „*праведно судивше и се· да елицы убожествомъ яти или ницетою обстоими, или недуги дручими, монастыря обходяще, утѣху пріемлютъ*“. По воззрѣніямъ преп. Іосифа монастырь долженъ скоплять богатства, чтобы благотворить. Но онъ долженъ благотворить и не будучи богатымъ, ибо монастырь по его воззрѣнію учрежденіе благотворительное. Это выходило ужъ не изъ словъ подвижника, а изъ его дѣятельности, которая описана въ своемъ мѣстѣ нашего очерка. Преп. Іосифъ открываетъ свою богадѣльню для мірянъ—зачѣмъ? а затѣмъ, что „немощнующу человѣчеству и грубу нужа подъяти (бѣдной черни слѣдуетъ пособлять) и помогать“, т. е. затѣмъ, что монастырь обязанъ придти на помощь болящей бѣдности, темному простонародью. Во время голода подвижникъ какъ библейскій Іосифъ открылъ для народа монастырскія житницы, а когда въ нихъ ничего не осталось, началъ покупать, потомъ занимать хлѣбъ на сторонѣ, заставлялъ не доѣдать ропщущую братію—и зачѣмъ? а затѣмъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не ушолъ голоднымъ отъ воротъ его обители, затѣмъ, что монастырь по его мысли во всякомъ случаѣ, богатъ онъ или нѣтъ, долженъ взять на себя дѣло прокормленія голодающаго края, не отказываясь отъ этого ни въ какомъ случаѣ. Отсюда выходило и то, что кормя народъ самъ, преп. Іосифъ убѣждаетъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ края—владѣтельныхъ князей, которые кромѣ помощи населенію хлѣбомъ могли помочь ему и регулированіемъ цѣнъ на хлѣбъ. Волоцкій подвижникъ поставилъ себя и свой монастырь во главѣ продовольственнаго дѣла въ цѣ-

ломъ краѣ. Недовольная братія толковала: „какъ прокормить столько народа покупнымъ хлѣбомъ? Безразсудна сія милость!“ Но безразсудны были эти толки. Преп. Іосифъ, неустанно работая для пропитанія тысячъ народа, очевидно предполагалъ, что „рука дающаго не оскудѣетъ“. И онъ не ошибся. Великій князь даетъ его монастырю хлѣба для прокормленія голодающихъ и денегъ, дѣлаетъ монастырь органомъ продовольственныхъ операцій правительства. И это единственный извѣстный намъ примѣръ въ такомъ родѣ (во всѣхъ остальныхъ случаяхъ питающій голодныхъ монастырь выступаетъ предъ нами не больше какъ частный благотворитель).

Примѣръ преп. Іосифа чрезвычайно важенъ въ настоящей полемикѣ. На немъ мы видимъ тотъ *предѣлъ, до котораго можетъ дойти дѣятельное монашество, не переставая быть православнымъ*. Современные авторы, стоящіе за активное служеніе его міру — г. Кругловъ и его сторонники — развѣ они требуютъ отъ нашего монастыря службы міру больше той, чѣмъ какую налагалъ на него волоцкій подвижникъ? Нисколько. Они высказываются не болѣе рѣшительно, чѣмъ какъ говорилъ въ свое время на московскомъ соборѣ преп. Іосифъ. И вотъ арх. Никонъ съ своими сторонниками въ одномъ призывѣ монахамъ къ благотворительной дѣятельности усмотрѣлъ подмѣну восточно - православнаго идеала монашества западнымъ католическимъ, навязываніемъ новыхъ задачъ монастырю и неизвѣстныхъ прежде послушаній монаху. Что же выходитъ съ этой точки зрѣнія? Выходитъ, что Іосифъ Волоцкій не православный подвижникъ, а скорѣе католическій монахъ, его многочисленная партія—благотворительный орденъ вродѣ францисканскаго, монастырь его нѣчто похожее на конгрегацію. А мы въ правѣ сдѣлать отсюда такой выводъ: воззрѣнія на монашество арх. Никона и его стороны такъ узки и односторонни, что въ ихъ рамки невозможно втиснуть господствующую съ конца XV в. школу русскаго монашества, да трудно помѣстить и монашество преп. Ѳеодосія и преп. Сергія. Существуютъ и теперь въ Россіи монастыри съ благотворительными задачами: упомянутая выше Покровская обитель въ Кіевѣ, Лѣснянскій и Вировскій монастыри въ западномъ краѣ,—всѣ женскіе. Но арх. Никонъ даже отказываетъ имъ

въ имени монастыря и предлагаетъ оффиціально называть ихъ общинами [1]).

Арх. Никону очень понравился одинъ терминъ, почему то называемый имъ монашескимъ; онъ имъ обозначаетъ то самое отношеніе, въ которомъ стоитъ инокъ къ дѣлу служенія ближнимъ. Терминъ этотъ — „*подъліе*“. „Уходъ за больными“, „всякое внѣшнее дѣло“ или „внѣшнее добродѣланіе“, даже „служеніе ближнему“ внѣшнимъ трудомъ своимъ есть ничто иное, какъ „*подъліе*“, другими словами: „одно изъ текущихъ дѣлъ“, то, чѣмъ наполняется время инока, свободное отъ молитвы и необходимаго келейнаго занятія (значитъ, нѣчто не необходимое?), равное заботамъ житейскаго монашескаго обихода, „не самостоятельное послушаніе“, не цѣль само въ себѣ, а только „средство къ стяжанію единаго на потребу“ — молитвы [2]). Однако древніе подвижники никогда не называли „подѣліемъ“ великія дѣла христіанской любви, никогда не приравнивали ихъ этимъ названіемъ къ починкѣ платья, топкѣ кельи, приготовленію обѣда. При помощи лучшихъ пособій мы наводимъ точную справку относительно употребленія слова „*подъліе—πάρεργον*“ въ классической, древнехристианской, византійской, церковнославянской и древнерусской литературѣ, наконецъ въ живомъ русскомъ говорѣ и что же мы видимъ? Видимъ, что *въ такомъ примѣненіи „подъліе“ не употребляется нигдѣ, ни одного раза* [3]). Мы конечно не ручаемся, что пособія наши

---

[1]) О Лѣснянскомъ и Вировскомъ монастыряхъ см *Бог. Вѣстн.* 1902, ноябрь, 321—331 Ср. *Душеп. Чт*, февр. 352.

[2]) Октябрь, 201 и 209; февраль, 337 (дважды).

[3]) Терминъ *πάρεργον* чаще всего встрѣчается въ классическомъ языкѣ и обозначаетъ предметъ побочный, маловажный, посторонній, второстепенный, добавочный, сверхъ-сметный, нѣчто не возбуждающее вниманія; значитъ далѣе. пристройка или вставка, прибавка, приложеніе, отступленіе отъ предмета, бездѣліе (*Henricus Stephanus, Θεσαυρὸς τῆς ἑλλινικῆς γλώσσης*, vol VI, col 491 — 492, verb. *πάρεργος*. Ср. Nouveau dictionaire grec-francais *par A Chassang*, pp. 728—729. Тамъ обильно приводятся соотвѣтствующіе тексты изъ классическихъ авторовъ). — Въ принятомъ у насъ греческомъ *текстѣ Библіи* слово „*πάρεργον*“ не встрѣчается ни разу. Только однажды употребляется прилагательное *πάρεργος* въ смыслѣ—малый—2 Мак. XV, 19. Въ *древнехристіанской и византійской* литературѣ оказывается мало случаевъ употребленія любимаго термина арх Никона. Въ словаряхъ Свицера, Дю-Канжа и Софоклиса даже нѣтъ этого слова. Такъ

совершенно полны. Можетъ быть арх. Никонъ гдѣ-нибудь и нашелъ, что царица добродѣтелей—милостыня, а также и уходъ за больными во исполненіе словъ Христовыхъ, называются мелкимъ дѣломъ, не необходимымъ, даже ненужнымъ. Если такъ употребляютъ любимое слово арх. Никона

какъ данныя изъ древнехристіанской и византійской письменности извѣстны намъ въ *древнеславянскихъ* переводахъ, то такъ мы ихъ и приводимъ I. *Аѳанасій Александрійскій* „Ничесоже подѣлію не творять“ (*πάρεργον—лишнее,ненужное*—переводъ *Горскаго и Невоструева*, Опис рук Синодальн. Б—ки, II, 2, 40) II. *Григорій Богословъ*: „Акы Саулъ, иже осьлятъ отечь ища, царство обрѣте, болѣ дѣла подѣлокъ пріобрѣтъ“. *Тамъ же*· „подѣльници (*πάρεργα*) мужа“. III *Златоустъ*· „О разбойниче, цѣсарствію исповѣдниче, учителю мученикомъ, иже словомь маломь небеса отвръзе и дивною пѣснью дивное съкровиште обрѣтъ и подѣлье крьстьное (*πάρεργον σταυροῦ*) небо створь“ (малый крестъ сдѣлалъ себѣ небомъ). *В Capitar*, Glagolita clozianus, p. 18, 700—705. IV *Прологъ*, *Іюня 24*: „Свѣтъ сей яко подѣліе имяше (св Іоаннъ Предтеча), не живяше бо въ домѣхъ многослужебныхъ . но въ пустынѣ единожительнѣ“ V. *Четь-Минеи*, *Апр 22*: „Болѣ же дѣла подѣліе обрѣтъ“ VI *Никонъ Черногорецъ*: „Отъ шестого (часа) опочиваю до девятаго, по девятомь пекуся о пищи¦ и еже имать келья подѣлье“. VII *Константинъ Болг*: „Въ подѣліе имъ бѣша тѣлесная“ (*Горскій и Невоструевъ*, II, 2, 423). См *Востокова*, Словарь ц. слав. яз II, 131, *Миклошича*, Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum, Vind. 1862—65, 603; *Срезневскаго*, Матеріалы для слов. др рус. языка, II, 3, 1075—1076.

Въ древнерусской письменности „подѣліе“ встрѣтилось намъ всего три раза, причемъ примѣняется оно совершенно въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ древнехристіанской литературѣ. I. *Посланіе игумену Печерскому Василію* „земную печаль (житейскія заботы), аки подѣліе имѣй, а о небесней жизни всегда печися по правилу твоего обѣта (Приб къ Твор св. От X, 351) II *Житіе преп Сергія* (стр 24) вспомянувъ, какъ Саулъ, посланный отъ отца за ослицами, былъ помазанъ на царство „и выше дѣла подѣліе пріобрѣте“, Епифаній продолжаетъ рѣчь уже объ отрокѣ Варѳоломеѣ: „Сице и блаженый отрокъ выше дѣла подѣліе обрѣте; посланъ бо бысть отцомъ своимъ Кирилломъ на взысканіе скота обрѣте етера черноризца старца свята“ и т. д III *Преп Нилъ Сорскій*: „И отъ сна убо возставъ, прежде прослави Бога (усты твоими), таже исповѣжься Ему, а потомъ сія дѣланія: молитва, пѣніе, чтеніе, рукодѣліе и, аще есть, подѣліе кое“ (Уставъ, 4 слово, по изд. М 1849, стр. 63) — Въ *живомъ русскомъ языкѣ* „подѣліе“ значитъ—посторонняя, неважная обязанность, исполняемая послѣ главнаго дѣла, междудѣлье; дѣло или работа не главная, межидѣлье; *мѣстное* значеніе „подѣлія“ (вологодское)—рукодѣлье, рукомесло (Словарь ц. слав и русскаго яз , изд. Ак. Н III т. Спб. 1847, 285; *Даля*, Толковый словарь живого великорусскаго яз. III, М. 1865).

новые писатели-аскеты, то они это дѣлаютъ вопреки древнимъ христіанскимъ писателямъ, отцамъ Церкви и подвижникамъ. Сдается намъ однако, что это примѣненіе сдѣлалъ самъ арх. Никонъ и притомъ *совершенно неудачно*. Неудачность же его заключается въ томъ, что слово „подѣліе“ имѣетъ *пренебрежительный оттѣнокъ* въ своемъ значеніи: маловажный, посторонній, ненужный предметъ, отступленіе отъ предмета, прямо бездѣлье. Послѣдуемъ теперь за арх. Никономъ и примѣнимъ терминъ „подѣліе“ такъ, какъ его примѣняетъ онъ. Тогда мы получимъ слѣдующее. Преп. Ѳеодосій обязываетъ иноковъ непремѣнно творить милостыню. Подѣльщикъ! Онъ возводитъ въ обязательное для монаха такое маловажное дѣло, заставляетъ инока отступать отъ главнаго предмета своей жизни и дѣятельности. Преп. Сергій даетъ заповѣдь творить неоскудную милостыню и ходить за больными. Подвижникъ должно быть не догадывался, когда такъ непроизводительно, на такія мелочи онъ предписывалъ расходывать драгоцѣнное время инока. Тоже подѣльщикъ, не больше! Всѣ тѣ преподобные и богоносные отцы, имена которыхъ читатель встрѣтилъ на предшествующихъ страницахъ,—страннолюбцы, нищелюбцы, посѣтители больныхъ, — что такое они, строго слѣдуя примѣненному арх. Никономъ термину? Монахи ли ужь это? Все это какіе-то утилитаристы, гуманисты, альтруисты, словомъ ничтожные подѣльщики. Да и было ли ужъ у насъ на Руси настоящее монашество до арх. Никона?!..

Что здѣсь мы нисколько не навязываемъ арх. Никону своихъ сужденій, что благотворительность для инока по его мнѣнію дѣйствительно есть „подѣлье“ въ смыслѣ уклоненія отъ главнаго предмета, его жизнедѣятельности, или отступленіе отъ настоящаго дѣла, этого не скрываетъ онъ и самъ, заявляетъ прямо, рѣшительно, не останавливаясь предъ крайностями. Въ печати не разъ было высказано скромное пожеланіе, чтобы наши монастыри занимались тѣлесной благотворительностью. Съ подобнаго пожеланія началась и вся настоящая полемика. Арх. Никонъ усмотрѣлъ здѣсь опастность для существованія монашества; мало того— для самой Христовой вѣры на святой Руси. По его мнѣнію то, что высказалъ г. Кругловъ, „идеалъ—суррогатъ попроще, поближе къ нашей обыденной жизни и дѣятель-

ности, — конечно изъ области „добрыхъ дѣлъ“, служенія ближнему и т. п. Да, *это болѣзнь нашего времени!*“ [1]) Эти люди указываютъ нашимъ обителямъ „чисто утилитарныя цѣли“ [2]). Глумясь надъ призывомъ нашихъ иноковъ къ благотворительной дѣятельности въ пользу темнаго, голодающаго и зараженнаго народа, глумясь надъ призывомъ со стороны людей, которымъ монашество дорого не менѣе, чѣмъ самому арх. Никону, и конечно для вящаго убѣжденія простодушнаго читателя, онъ указываетъ въ этомъ призывѣ *„содѣйствіе лукавымъ планамъ адскаго хитреца“*, осуществленіе его грандіозной программы погубленія святой Руси. Почтенный о. архимандритъ знакомитъ читателей Душеполезнаго Чтенія съ однимъ „пунктикомъ“ этой программы, полученнымъ вѣроятно отъ собственнаго корреспондента и гласящимъ буквально слѣдующее. „Зададимъ побольше такъ называемыхъ добрыхъ дѣлъ монахамъ въ духѣ гуманизма, альтруизма и самаго благонамѣреннаго утилитаризма; заставимъ ихъ понемногу сократить свои несносныя долгія службы; почаще будемъ указывать имъ на западныхъ монаховъ, на ихъ „полезную“ дѣятельность, вдохновляемую побужденіями тщеславія, честолюбія и корысти (—какъ будто чистое созерцаніе въ большей степени предохраняетъ инока отъ тщеславія и честолюбія?!); поставимъ въ невозможность заниматься келейною и умною молитвою; дадимъ всѣ возможные способы къ самооправданію; удалимъ отъ нихъ возможность всякаго уединенія и вниманія къ себѣ; пусть они постепенно забудутъ вовсе свой идеалъ; а затѣмъ мы и совсѣмъ обмірщимъ ихъ и побѣдимъ этотъ передовой отрядъ Христовой воинствующей церкви!.. Только бы пошли они на эту удочку“ [3])... Этотъ „пунктикъ“ изъ статьи арх. Никона характеризуетъ его полемическіе пріемы. Ни г. Кругловъ, ни писавшіе за нимъ и за него люди, никто рѣшительно не говорилъ объ отвлеченіи иноковъ отъ молитвы, никто не желалъ, чтобы въ иноческомъ добродѣланіи былъ элементъ языческой безбожной благотворительности— этого намъ полемистъ не докажетъ точными выдержками.

---

[1]) Октябрь, 195

[2]) Январь, 109.

[3]) Февраль, 355.

Все это ему только „послышалось“ въ статьяхъ противниковъ и вмѣсто того, чтобы себя провѣрить, онъ возвелъ на нихъ такое обвиненіе!.. Они говорили только, что инокъ можетъ совмѣстить благотворительную дѣятельность съ заботами о спасеніи своей души, они призывали монашество только къ такому служенію, которое по ихъ мнѣнію совмѣстимо съ его задачами и не исключается молитвеннымъ подвигомъ, какъ это ясно и точно заявилъ г. Кругловъ. Гдѣ же тутъ содѣйствіе адскому плану? Однако можетъ быть они содѣйствуютъ духу злобы безсознательно и невольно? Но страннымъ было бы не только говорить печатно, но и думать келейно объ этомъ. Адскій хитрецъ съ своимъ лукавымъ планомъ на нашъ взглядъ очень глупое и невѣжественное существо. Еслибы собираясь погубить святую Русь чрезъ побѣду надъ „передовымъ отрядомъ церкви“—монашествомъ (почему же однако не надъ іерархіей, которая безспорно выше монашества?), онъ заглянулъ въ его исторію, то увидалъ бы ясно, что внѣшнее добродѣланіе не погубляло, а вело на небо истинныхъ подвижниковъ, которые спасались „смѣшая постъ съ милостынею“, а братіи предписывали со тщаніемъ прилежать милостынѣ. Рѣшительно ничего больше того не сказали и современные публицисты, съ которыми воюетъ арх. Никонъ. Пусть же послѣ этого онъ самъ сдѣлаетъ по отношенію къ древнерусскимъ подвижникамъ тѣ выводы, которые неизбѣжно слѣдуютъ изъ его диковиннаго пунктика!..

Арх. Никонъ изображаетъ намъ идеальнаго православнаго инока *святымъ эгоистомъ*. Западный монахъ по его представленію и въ своихъ идеалахъ, и въ гуманитарной дѣятельности *грѣшный альтруистъ*. А наше сужденіе такое. Истинный *христіанскій подвижникъ*, будь онъ православный или католикъ (въ данномъ случаѣ это безразлично), *долженъ быть святымъ альтруистомъ*. „Рачитель милостыни, кормитель нищихъ, нагимъ одежда, страннымъ и безкровнымъ тихое пристанище, сиротамъ и вдовицамъ теплый заступникъ, болящимъ въ мнозѣхъ недузѣхъ врачъ и скорый посѣтитель, печальнымъ утѣшеніе, плачущимъ радость, обидимымъ пособникъ, безпомощнымъ помощникъ, должнымъ искупитель и рабомъ свободитель“—вотъ тотъ *истинный идеалъ инока*, который намъ завѣщала благочестивая русская древность.

Именно эти стороны въ личности святыхъ и описываются въ нашихъ древнихъ житіяхъ болѣе подробно, живо и жизненно, тогда какъ подвиги ихъ личнаго аскетизма отмѣчаются кратко и обычно шаблонной житійной фразой. Переведите его, этотъ идеалъ сердобольнаго святого на современный научный языкъ, обобщивъ въ одномъ терминѣ, и вы получите: *христіанскій подвижникъ — альтруистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.* О людяхъ же, слѣдующихъ древнерусскимъ подвижническимъ идеаламъ, арх. Никонъ выражается такъ: „увлекаются утилитарными, гуманитарными, *альтруистическими* идеалами нашего времени“ [1]); заподозриваетъ ихъ православіе, приравнивая къ католикамъ, чуть не обзываетъ слугами сатаны!

Небольшое и притомъ нелишнее отступленіе... Нашъ читатель, если онъ знакомъ съ „Душеполезнымъ Чтеніемъ“ и нѣкоторыми изданіями, родственными ему по духу и по плоти, можетъ усомниться въ самой умѣстности употребленнаго нами термина—„альтруистъ“. Но пусть отложитъ онъ свои сомнѣнія. Вѣдь слово „альтруизмъ“ давнымъ давно вошло въ семинарскіе учебники, одобренные Св. Синодомъ [2]). Изгонять его изъ употребленія, о чемъ такъ хлопочетъ Душеполезное Чтеніе и родныя ему охранительныя газеты, не значитъ ли быть православнѣе самого Святѣйшаго Синода, или же въ неудержимомъ стремленіи назадъ, отставать даже отъ старыхъ семинарскихъ учебниковъ! Философски настроенный умъ, „умъ высокій“ можетъ усмотрѣть въ нашей ссылкѣ на примѣръ благотворителей—подвижниковъ призывъ къ служенію „человѣко-богу“, вмѣсто служенія „Бого-человѣку“ и найдетъ „тонкую подмѣну православно-русскаго идеала монашества идеаломъ западнымъ“.

---

[1]) Мартъ, 543

[2]) *Священника Маркова.* Обзоръ философскихъ ученій. *Одобрено въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій* Изд 2-е Москва 1881 года. Опредѣливъ въ текстѣ значеніе термина *альтруизмъ,* а также и противоположнаго ему „эгоизмъ“, подъ строкою составитель дѣлаетъ такое примѣчаніе въ защиту интересующаго насъ термина: *„этотъ терминъ* впервые введенъ въ употребленіе Огюстомъ Контомъ и *долженъ быть удержанъ,* какъ точно соотвѣтствующій противоположному термину—„эгоизмъ“, стр 200. Ср *Преосв Антонія Волынскаго,* Полное собраніе сочиненій, Ш, 357—358, примѣчаніе.

А не проще ли будетъ видѣть на этомъ, для нашего монашества обязательномъ, примѣрѣ прямое исполненіе словъ Христовыхъ: „*взалкахся и дасте Ми ясти, возжадахся и напоисте Мя: страненъ бѣхъ и введосте Мене... боленъ и посѣтисте Мене*“? Странно въ самомъ дѣлѣ, даже болѣе чѣмъ странно говорить, что точное исполненіе тѣхъ словъ, съ которыми обратится Господь въ день судный къ „сущимъ одесную“, т. е. къ святымъ, что исполненіе этихъ то самыхъ словъ и можетъ помѣшать чьему либо спасенію?!.. Говорить такъ не значитъ ли изъ христіанскаго учрежденія, каково монашество, дѣлать нѣчто совершенно чуждое и даже противное Евангелію?..

V.

Виды монашеской благотворительности. — Помощь *голодающимъ.* — Уходъ за *больными* мірянами — Монастырскія богадѣльни въ древней Руси. — *Богадѣльни-монастыри* (монастыри не настоящіе и приписные). — *Монастыри-богадѣльни* (Переславскій Даниловъ монастырь) — *Призрѣніе* покинутыхъ *дѣтей.* — Помощь народу во время *эпидемій* — Оправданіе уставами ухода иноковъ за больными — *Школы* при монастыряхъ — Запрещенія иноку учить дѣтей — *Религіозно-нравственное учительство.* — *Духовничество* монаховъ (древнее и теперешнее) — *Миссіонерство* иноковъ и *миссіонерскіе монастыри.* — Печалованіе и обличеніе — Иноческій *досугъ* — *Созерцательное монашество* — *Безмолвіе* (сужденіе о немъ св. Исаака Сирина и воззрѣнія арх. Никона). — *Нестяжательность.* — Споръ о ней въ древней Руси. — Арх. Никонъ о монашеской „нестяжательности": частная собственность монаха, житейскія нужды — *Стяжательность монастырей* — Украшеніе монастырскихъ храмовъ — *Монастырская торговля* — Къ какому же монашескому направленію отнести воззрѣнія арх. Никона? — *Частныя замѣчанія* — Высшее призваніе инока. — „Неожиданный союзникъ" арх. Никона. — Сочувственныя письма. — О нападкахъ на монашество — Объ основаніяхъ для воззрѣній арх. Никона. — Арх. Никонъ и заповѣдь преп. Сергія. — *Заключеніе:* безобидныя назиданія.

Свойство принципіальной точки зрѣнія арх. Никона на благотворительность иноковъ таково, что удержаться на ней до конца, не сдѣлавъ никакихъ уступокъ, не допустивъ компромиссовъ, невозможно, ибо результатомъ такой послѣдовательности были бы выводы явно безнравственные и безчеловѣчные. Послѣдовательныхъ приверженцевъ чисто созерцательнаго идеала знаетъ исторія. Удалившись въ пустыню для молитвы, они не хотѣли пускать къ себѣ даже заблудившихся и умиравшихъ отъ голода странниковъ. Они были послѣдовательны и съ своей точки зрѣнія правы, потому что присутствіе посторонняго человѣка въ ихъ кельѣ мѣшало ихъ главному занятію—молитвѣ, однако святые подвижники также созерцательнаго направленія осуждали по-

добную жестокость и безчувственность. Компромиссъ необходимъ. Не избѣжалъ его и арх. Никонъ. Онъ неоднократно утверждаетъ, что и внѣшняя благотворительность монастырей „въ возможной мѣрѣ не отрицается имъ“. Такъ самъ собою возникаетъ *вопросъ о видахъ благотворительности*, допустимыхъ для инока.

Около вопроса о видахъ иноческой благотворительности вращается вся полемика о монашествѣ Послѣ соображеній, которыя были высказаны арх. Никону его первыми противниками, онъ долженъ былъ взять назадъ или ограничить свое первое заявленіе, что всякое добродѣланіе не дѣло монаха. Есть такіе виды благотворительности, осуществленіе которыхъ никоимъ образомъ не могутъ мѣшать современному иноку молиться. Сюда относится напримѣръ ручная милостыня. Идетъ монахъ на обѣдъ, ему встрѣчается голодная старуха, просящая подаянія. Ну, долго ли сунуть ей въ руку мѣдный пятакъ? Обязательность для иноковъ этого вида благотворительности арх. Никонъ конечно не откажется признать. Вопросъ такимъ образомъ только въ томъ, извѣстны ли исторіи такіе виды монашеской благотворительности міру, которые бы по необходимости лишали иноковъ досуга и заставляли нарушать монашеское правило о молитвѣ?

Въ нашемъ историческомъ очеркѣ читатель встрѣчалъ уже такіе виды благотворительности древнерусскихъ подвижниковъ и монастырей. Намъ остается только сгруппировать разсѣянныя черты въ примѣненіи къ современному монашеству.

У г. Круглова есть жестокія слова противъ современныхъ русскихъ монастырей: „*во время* эпидемій и *голода* монастыри не проявили большой активной дѣятельности“. Можно было ожидать, что апологетъ монашества—арх. Никонъ въ своей статьѣ, сопровождавшей замѣтку г. Круглова, внимательно остановится на этомъ сильномъ упрекѣ, брошенномъ нашему монашеству, что онъ разскажетъ намъ, какъ въ голодъ 1891—92 гг., посѣтившій 20 русскихъ губерній, монастыри отворили свои житницы, тратили послѣднія крохи, кормили народъ, призрѣвали дѣтей; назоветъ новаго Іосифа, который бы направлялъ правительственную власть противъ жестокосердыхъ скупщиковъ хлѣба, а свое обличительное

слово противъ тѣхъ „охранителей устоевъ“ и „друзей народа“, которые замалчивали голодъ, писали, что его нѣтъ, что голодъ выдумали неблагонадежные люди, что мужикъ (лѣнтяй, пьяница и попрошайка) только притворяется, что ему нечего ѣсть, что въ деревнѣ неспокойно, однимъ словомъ противъ тѣхъ людей, которые сознательно или безсознательно, но такъ радикально повредили дѣлу народнаго продовольствія въ тяжелую зиму 1901—1902 года. Почему арх. Никонъ не написалъ ничего подобнаго? Отчего онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ словъ г. Круглова о голодѣ, хотя тотъ говоритъ о немъ дважды? А потому, мы думаемъ, что г. Кругловъ совершенно правъ въ своемъ упрекѣ, потому что современный русскій монастырь доказалъ событіями голоднаго года, что онъ стоитъ не на той высотѣ, на какой стоялъ подъ руководствомъ древнихъ подвижниковъ и на которой долженъ бы стоять всегда. Изъ пѣсни слова не выкинешь! Въ голодный годъ, когда милліоны русскаго крестьянства обращали къ имущимъ свое нищенское „Христа ради“, кто услышалъ и отозвался на него? Кто пошелъ въ голодную и зараженную деревню открывать столовыя, ясли для дѣтей, ухаживать за больными—развѣ монахи? Нѣтъ, не они. Если скажутъ, что монаху нельзя оставлять монастырь, то мы попросимъ назвать намъ тѣ обители голодавшихъ губерній, которыя бы поступили такъ, какъ поступали въ свое время монастыри преподобныхъ игуменовъ—Кирилла Бѣлоозерскаго, Пафнутія Боровскаго, Іосифа Волоцкаго, Корнилія Комельскаго, Даніила Переславскаго? Скажутъ: самъ голодающій народъ не шелъ къ монастырямъ, какъ ходилъ въ древнее время, а мы спросимъ, почему онъ забылъ объ этомъ, отвыкъ отъ того и почему его не позвали, не напомнили? Боимся ошибиться, но кажется все участіе нашихъ монастырей въ помощи народу выразилось тогда въ денежной жертвѣ, притомъ незначительной не сравнительно съ грандіознымъ бѣдствіемъ, а со средствами монастырей. Формы помощи голодающимъ — выдача муки или печенаго хлѣба, кормленіе народа или столовыя, призрѣніе дѣтей или ясли очень стары; онѣ извѣстны уже Іосифу Волоколамскому. Но кто теперь оказалъ народу помощь въ этихъ формахъ? Люди нецерковные; среди нихъ были не только далекіе, но и враждебные церкви и монаше-

ству. Они то и услышали имя Христово и пошли помогать безпомощному народу, все выносящему въ своей „покорной угнетенности и безнадежной скорби“. Пусть обзоветъ арх. Никонъ этихъ благодѣтелей презрительными именами альтруистовъ, благотворителей-язычниковъ! Ихъ извѣстныя имена навсегда останутся въ исторіи голоднаго года рядомъ съ упрекомъ современному монашеству. И напрасно почтенный о. архимандритъ употребляетъ здѣсь пріемъ, который въ старой риторикѣ назывался „фигурой умолчанія“. Это пріемъ, невыгодный для полемики...

Впрочемъ есть у монастырей средство поправить дѣло, отвести отъ себя тяжелый упрекъ свѣтскаго публициста, полагаемъ единственное и самое вѣрное средство: подражая примѣру древнихъ русскихъ подвижниковъ и монастырей, взять на себя дѣло помощи народу во время голодовокъ, признать своею святою обязанностью помогать въ нуждѣ тому, на гроши котораго живутъ сами, только накормить кормящихъ ихъ. Вѣдь крестьянское хозяйство у насъ находится въ такомъ состояніи, что можно ждать повторенія голодовокъ со всѣми ихъ ужасами—тифомъ, цынгою и куриною слѣпотою. Много могли бы сдѣлать монастыри для народа въ грядущіе тяжелые годы. Намъ возразятъ: гдѣ же монастырямъ взять средствъ для борьбы съ необъятнымъ бѣдствіемъ? напомнятъ, что древнерусскій монастырь, на примѣръ котораго мы ссылаемся, былъ крупный землевладѣлецъ и богатый хозяинъ; житницы его были полны. Положимъ это правда, но только отчасти. Часто древнерусскій монастырь кормилъ голодающихъ еще въ то время, когда у самого то было очень мало запасовъ, на первыхъ порахъ своего возникновенія — „малыми брашны препиташе людіе мнози“, при жизни своего святого основателя, рука котораго, „яко рѣка многоводна и тиха струями“, была обращена къ нуждающимся. И развѣ отказъ помогать голодному можно оправдать тѣмъ, что не въ состояніи накормить его досыта? Вѣдь это значило бы повторить безразсудныя слова волоколамской братіи противъ преп. Іосифа: „Како селико (столько) народа прекормити покупающе? Безразсудна сія милость“. При томъ же отъ монастыря мы требуемъ въ этомъ случаѣ сдѣлать не больше того, чѣмъ сколько онъ можетъ сдѣлать. Наконецъ требуемъ и не одной матеріальной помощи, а той

общей нравственной пользы, какую онъ долженъ, если впрочемъ можетъ при настоящемъ состояніи, внести въ это дѣло. Въ извѣстной книгѣ *Короленко* „Въ голодный годъ“ описана печальной извѣстности „Лукаяновская исторія“, которая только не въ такихъ рѣзкихъ формахъ повторялась вѣроятно во многихъ голодавшихъ уѣздахъ: это неумѣнье взяться за дѣло помощи, безплодная борьба между разными вѣдомствами, поставленными къ этому дѣлу (особенно со стороны администраціи), политика замалчиванія бѣдствія, какъ голода, такъ и эпидеміи тифа (!), все то, что прикрывало позорное равнодушіе къ бѣдствію,—въ то самое время, когда растерянный народъ не зналъ, кто же ему долженъ помогать. Какой превосходный моментъ для людей, отрекшихся отъ міра, его связей и политики, похристіански посмотрѣть на дѣло, небоязненно сказать обличительное слово тѣмъ, кому слѣдовало, попечаловаться за народъ предъ имущими власть и помочь ему сколько можно изъ своихъ средствъ, какъ обличали, печаловались и помогали подвижники древней Руси и какъ не дѣлаютъ этого теперешніе монахи. Мы не хотимъ сказать, что монастырь долженъ стать непремѣнно органомъ продовольственнаго дѣла, не желаемъ, чтобы его эксплоатировало въ этихъ цѣляхъ правительство. Но мы рѣшительно утверждаемъ, что въ голодные годы монастыри не могутъ отказываться отъ частной благотворительности и иноки должны работать на пользу бѣдствующаго народа, если для нихъ имѣютъ значеніе примѣры древнихъ подвижниковъ и ихъ завѣты, если они помнятъ съ боязнью осудительное слово Господа сущимъ ошую: *„взалкахся и не дасте Ми ясти, возжадахся и не напоисте Мене... боленъ и не посѣтисте Мене“*.

Великія опасности для иноческаго дѣланія усматриваетъ арх. Никонъ въ открытіи *монастырскихъ больницъ для мірянъ*. То онъ съ ужасомъ сообщаетъ о проэктѣ г. Круглова превратить монастыри въ больницы, хотя почтенному публицисту и на умъ не приходило этого [1]); то утверждаетъ, что заводить благотворительныя монастырскія учрежденія значитъ ломать иноческіе уставы и извращать монашескіе

---

[1]) Октябрь, 200.

идеалы [1]); то пророчествуетъ, что въ такомъ случаѣ не видать намъ ни Серафимовъ Саровскихъ, ни Амвросіевъ Оптинскихъ—„ибо погаснетъ въ обителяхъ тотъ духъ, который одинъ только можетъ воспитать ихъ“ [2]); то не признаетъ ухода за больными въ числѣ обязанностей инока, который не можетъ отдаться весь внѣшнему служенію хотя бы и болящему ближнему [3]). Больница для мірянъ должна испортить монастырь: она будетъ „уголкомъ міра въ монастырѣ“ [4]), она превратитъ монастырскую братію въ братьевъ милосердія [5]). Насмѣшливо сообщаетъ арх. Никонъ о томъ описаніи гибели дѣтей и вымираніи болѣющаго нашего народа, которое онъ прочиталъ въ статьяхъ арх. Евдокима, говоря, что тотъ такъ трогательно изображаетъ человѣческія бѣдствія, какъ будто желаетъ вызвать иноковъ изъ стѣнъ монастыря за ворота, чтобы тамъ всецѣло отдать себя служенію ближнему, стать „какими то странствующими братьями милосердія“ [6]). И послѣ всего этого по логикѣ, для насъ непостижимой, арх. Никонъ заявляетъ, что онъ не противъ больницъ при монастырѣ, только бы онѣ не содѣйствовали нарушенію молитвеннаго правила иноковъ [7]). Не такъ судили по данному вопросу лучшіе иноки древней Руси, поученія которыхъ служатъ откликомъ словъ Евангелія. „Чадо! наставляетъ старецъ ученика: алчущаго накорми, жаждущаго напой, нага одежи и *больного посѣти* и донеси имъ потребная и къ темницѣ дойди и виждь бѣду ихъ“ [8]). Въ иноче-

---

[1]) „Если иноки будутъ слѣдовать своему идеалу такъ, какъ подобаетъ, то для нихъ не примѣнимо будетъ учрежденіе больницъ... Оно только еще далѣе отодвинетъ ихъ отъ идеала“ (январь, 119).

[2]) Октябрь, 206.

[3]) „Не внѣшнимъ служеніемъ, хотя бы и больнымъ... нѣтъ, а личнымъ нашимъ подвигомъ мы, иноки, обязаны послужить спасенію ближнихъ“ (февраль, 342). „У монаха есть свое дѣло неотмѣнное, а больница требуетъ всего себя отдать; вѣдь отъ больного нельзя уйти цѣлыми сутками“ (январь, 111).

[4]) Январь, 113.

[5]) „Тогда (при существованіи больницъ) намъ пришлось бы совсѣмъ забыть идеалъ монашества, превратиться въ разнаго вида братьевъ милосердія“ (февраль, 339).

[6]) Февраль, 350.

[7]) Январь, 112.

[8]) *Ркп Соловецкаго м-ря*, № 56, л. 203 об.

скомъ поученіи братіи общежительнаго монастыря даются наставленія: „учити ненаказанныя, утѣшати печальныя и тщивыя (малодушныхъ) и *служити больнымъ* и ноги святыхъ умывати и страннымъ братомъ печаловати“ [1]).

Ар. Никону извѣстны историческіе примѣры при монастыряхъ больницъ, но ихъ онъ считаетъ исключеніемъ, котораго нельзя возводить въ общее правило (—такова больница при Кіево-Печерской обители) или же дѣломъ прямой неотложной необходимости, какъ больница для богомольцевъ на Соловецкомъ островѣ [2]). Но очевидно арх. Никонъ мало знаетъ исторію отечественнаго монашества, если говоритъ такъ. Примѣръ Печерскаго двора для нищихъ и больныхъ не исключеніе. Вѣдь Печерскій монастырь старѣйшій въ Руси, всѣ древніе монастыри отъ него переняли уставъ и строй жизни. А примѣръ Троицкой лавры, которая выстроила на Подолѣ богадѣлью для лежней и посылала служить больнымъ своихъ монаховъ? Можетъ быть и этотъ фактъ, по отношеніи къ которому арх. Никонъ считаетъ „удобѣе молчаніе“,—исключеніе, нисколько не обязательное для другихъ обителей?.. Корнилій Комельскій строитъ богадѣльню внѣ монастыря на покой нищимъ и страннымъ, преп. Іосифъ Волоколамскій—малый монастырь съ богадѣльней вблизи своего главнаго монастыря. Здѣсь сами иноки ходили за больными, умѣя соединить подвижничество съ дѣломъ милосердія [3]). Преп. Даніилъ Переславскій подбиралъ больныхъ за монастыремъ и лечилъ ихъ въ своей кельѣ. Въ самый монастырь онъ принималъ тѣхъ бѣдныхъ больныхъ, которыхъ навезли ему изъ окрестностей.

Какъ чумы, арх. Никонъ боится превращенія монастырей въ благотворительныя учрежденія, а между тѣмъ онъ долженъ знать, что въ древней Руси *не было строгой границы между монастыремъ и богадѣльней.* При приходскихъ церквахъ селъ и городовъ поселялись слободкой нищіе, значи

---

[1]) *К. И. Невоструева,* Иноческія поученія Матеріалы для исторіи р. церкви, I, 141.

[2]) Октябрь, 200—201; февраль, 337.

[3]) Была еще при монастырѣ Макарія Калязинскаго „странноприимница“, въ которомъ жилъ убогій, увѣчный, получившій чудесное исцѣленіе (*Житіе преп. Макарія,* Ркп. Вол. Б—ки, № 632, л 157). Это тоже нѣчто вродѣ богадѣльни.

тельную часть которыхъ составляли больные, старые, увѣчные, вообще, „богадѣльные люди“; кормились они, ходя по міру, увѣчные и больные—приносимымъ подаяніемъ мірянъ. Нѣкоторые изъ нихъ принимали постриженіе. Такая слободка, стоящая обычно на церковной землѣ, близъ храма, называлась *монастыремъ*. И такихъ монастырей на святой Руси было гораздо больше, чѣмъ монастырей въ собственномъ смыслѣ, о которыхъ знаетъ исторія. Цѣлыми гнѣздами выростали они при крупныхъ монастыряхъ, въ которые стекалось много нищелюбивыхъ богомольцевъ и изъ которыхъ они получали милостыню. Сама Троицкая лавра окружена была монастырьками-богадѣльнями [1]). Настоящая богадѣльня Троицкой Лавры при Введенской церкви называется „*богадѣльнымъ монастыремъ*“, или *монастыремъ богадѣльней*. Но возможно ли по мнѣнію арх. Никона даже самое объединеніе понятій „*монастырь*“ и „*богадѣльня*“?! Такъ богадѣльня въ древней Руси превращалась въ монастырь. Но возьмемъ снова „божедомскую обитель“ преп. Даніила, которая не была филіальной или подчиненной какому нибудь — большому монастырю, а представляла совершенно самостоятельный монастырь. Что она такое: монастырь или богадѣльня? Арх. Никонъ долженъ сказать, что это уже монастырь, превращенный въ богадѣльню съ забвеніемъ прямого иноческаго назначенія, съ извращеніемъ монашескаго идеала, съ ломкою устава, съ обращеніемъ монастырской братіи „въ какихъ то“ тамъ братьевъ милосердія, съ угашеніемъ истиннаго духа христіанскаго подвижничества и т. д., и т. д.

---

[1]) Въ Кормовой книгѣ 1592 г. сказано, что когда по князѣ Юріѣ Ивановичѣ Дмитровскомъ бываетъ кормъ на Троицкую братію, тогда „раздаютъ пять рублевъ нищимъ-старицамъ и старцамъ вкругъ монастыря милостыни: къ Покрову на Хотково, да къ Пречистой подъ Сосну (въ Подсосенье), да Клементьевскимъ старицамъ, да Благовѣщенскимъ старицамъ, да Зубачевскимъ старицамъ, да Дерюзинскимъ старицамъ, да Шараповскимъ старицамъ“. Здѣсь очевидно смѣшаны старицы—черноризицы со старицами—нищими, жившими милостынею при подмонастырскихъ сельскихъ церквахъ, замѣчаетъ іером. Арсеній. Оказывается изъ другихъ источниковъ, что рѣчь здѣсь о старицахъ описанныхъ богадѣленныхъ монастырьковъ: въ Благовѣщеньи упомянуто „пять келей, въ нихъ живутъ нищіе, питаются о церкви Божіи“, тоже и въ Шараповѣ; въ Дерюзинѣ „одиннатцать келей, а въ нихъ живутъ нищіе“. *Іером. Арсеній*, село Клементьево Ч. О. И. и Др. 1887, кн II, стр. 13, прим.

Пусть онъ это скажетъ о преп. Даніилѣ Переславскомъ! Больницу можетъ построить только тотъ монастырь, который стоитъ на необитаемомъ островѣ, разсуждаетъ арх. Никонъ. Но стольный Кіевъ XI в., Троицкая Лавра XV—XVII стол. или Переславль-Залѣсскій при жизни преп. Даніила, развѣ это похоже на Соловки?

Въ исторіи голода, описаннаго въ житіяхъ преп. Іосифа, есть характерная подробность — *призрѣніе покинутыхъ дѣтей.* Подвижникъ подбираетъ отрочатъ, которыхъ оставили голодающіе родители, помѣщаетъ ихъ въ страннопріимницѣ, потомъ строитъ для нихъ даже особый домъ при монастырѣ и какъ родной отецъ „питаше сія чада, яже не породи". Подобные случаи извѣстны также изъ житій Кирилла Бѣлозерскаго и Корнилія Комельскаго. И въ этомъ ничего нѣтъ неожиданнаго: сиротъ дѣтей монастыри призирали еще въ IV в. Вопросъ о призрѣніи при монастыряхъ дѣтей, которыхъ также покидаютъ родители и которые гибнутъ въ воспитательныхъ домахъ, былъ поднятъ въ настоящей полемикѣ. Арх. Евдокимъ пишетъ, что много гибнетъ такихъ дѣтей (какъ много же вымираетъ у насъ народа отъ необезпеченности, невѣжества и всякой безпомощности) и заканчиваетъ свою рѣчь словами: „не убійцы ли мы ихъ отчасти?" Арх. Никонъ смѣется. „Странное обвиненіе, не правда ли? Вотъ до чего можно договориться, сойдя съ почвы, на которой единственно и возможно было разсуждать" [1]). Да, читатель, вотъ до чего можно договориться и надъ чѣмъ насмѣяться, разсуждая отъ собственнаго разума, забывая или даже не зная, что призрѣніе при монастыряхъ покинутыхъ дѣтей, которымъ грозитъ смерть, освящено примѣрами истинныхъ подвижниковъ Христовыхъ и ихъ уставами.

„Охраненіе народнаго здравія... Но развѣ появилась чума, холера или черная смерть? О, конечно, тогда пусть всѣ иноки обратятся въ братьевъ милосердія, всѣ монастыри въ больницы и пристанища несчастнымъ. Но слава Богу: пока этого нѣтъ. О чемъ же рѣчь?" [2]) Такъ отвѣчалъ арх. Никонъ г. Круглову на призывъ иноковъ *помогать народу*

---

[1]) Февраль, 338.

[2]) Октябрь, 196.

во время эпидемій. Неожиданныя рѣчи! Арх. Никонъ не чувствуетъ, что написавъ эти строки совершенно разрушилъ то, что съ такимъ трудомъ и усиліемъ сооружалъ, и согласился на все то, что отрицалъ съ такимъ азартомъ. Когда случится эпидемія, всѣхъ иноковъ по его мнѣнію должно обратить въ братьевъ милосердія, всѣ монастыри въ больницы. Прекрасно. Ну а если рѣчь зайдетъ о такихъ заразныхъ болѣзняхъ, какъ напр. сифилисъ или чахотка, отъ которыхъ страдаетъ наша Русь? Почему же для борьбы съ ними не соглашается арх. Никонъ сдѣлать братьевъ милосердія изъ иноковъ и больницы изъ монастырей? Вѣдь смерть для больного таже смерть, что отъ холеры и чумы, что отъ сифилиса и чахотки, а страданій при послѣднихъ вѣроятно больше, такъ какъ самыя болѣзни продолжительнѣе. Вѣдь и со стороны интересовъ цѣлаго государства неизвѣстно еще, что тяжелѣе, убыточнѣе, — пронесшаяся ли ураганомъ одинъ разъ въ четверть вѣка эпидемія и уложившая сразу милліонъ, или хроническія заразныя болѣзни, ежегодно вырывающія сотни тысячъ и грозящія со временемъ стать еще губительнѣе, потому что онѣ безпрепятственно распространяются и въ нашей деревнѣ и среди городского пролетаріата. „О чемъ же рѣчь?“ спросимъ мы арх. Никона. Никакихъ нѣтъ препятствій, если быть только послѣдовательнымъ, превратить иноковъ въ братьевъ милосердія и монастыри въ больницы и сейчасъ. Но дѣло въ томъ, что арх. Никонъ самъ оказался непослѣдовательнымъ. Съ точки зрѣнія его идеала, который онъ называетъ возвышеннѣйшимъ, гораздо послѣдовательнѣе было бы обратное разсужденіе: монастыри не обязаны никогда помогать болящимъ мірянамъ. И пусть проститъ насъ почтенный о. архимандритъ, но его торжественное обѣщаніе за все русское монашество и за всѣ русскіе монастыри мы не можемъ принять серьезно. Оно нисколько не соотвѣтствуетъ всему тому, что самъ же онъ писалъ объ уходѣ иноковъ за больными, не соотвѣтствуетъ и тому, какъ отнеслись наши монастыри къ народному бѣдствію недавняго холернаго года.

Читатель можетъ подумать, что мы хотимъ превратить монастыри въ богадѣльни и въ воспитательные дома, навязать инокамъ „новыя послушанія“, не предписанныя православнымъ уставомъ, измѣнить самые монашескіе обѣты и,

заразившись духомъ „гнилого запада“, угасить духъ православнаго иночества. Но пусть не подумаетъ этого нашъ читатель. Мы только утверждаемъ, что можно соединить съ иночествомъ безъ малѣйшаго для него ущерба подвигъ ухода за больными мірянами и за беззащитными дѣтьми, что высочайшее дѣло христіанскаго милосердія никоимъ образомъ не можетъ разрушать строй христіанскаго монастыря; утверждаемъ наконецъ, что говорить противное значитъ извращать идеалы Евангелія, а вслѣдъ за нимъ и идеалы монашества. Оправданіе своихъ положеній можемъ мы найти и въ древнихъ монашескихъ уставахъ и въ житіяхъ восточныхъ подвижниковъ [1]). Небезъинтересная черта, характеризующая полемическіе пріемы арх. Никона. Онъ увѣряетъ: „И почему эти „новыя“ послушанія (между прочимъ уходъ за больными) *не вошли въ уставы*, въ основные такъ сказать кодексы монастырской жизни до сего времени“? [2]) Провѣримъ. Обращаемся къ *уставу Василія Великаго*. Вопросъ 155 Правилъ Краткихъ гласитъ: „поелику мы, которые *прислуживаемъ больнымъ въ страннопріимномъ домѣ*, научены прислуживать имъ съ такимъ расположеніемъ, какъ бы служили братіямъ Господнимъ; то, если принимающій отъ насъ услуги, будетъ не таковъ, — какъ должны мы къ нему относиться?“ Если это не убѣдительно, найдемъ въ Правилахъ Пространныхъ отвѣтъ 7, гдѣ говорится, какъ о *заповѣди общежительнаго монастыря*, „о посѣщеніи больного“ [3]). Страннопріимный домъ, гдѣ ходятъ иноки за больными, развѣ это не тоже, что монастырская больница для мірянъ? Заповѣдь братству монастыря—развѣ это не послушаніе? И вотъ, несомнѣнно зная уставъ законоположника христіанскаго монашества, почтенный архимандритъ увѣряетъ читателей... Вѣдь его читатели и почитатели вѣрятъ ему на слово, не справляясь вѣроятно въ уставахъ. Мало этого. Они читаютъ и зачитываются его статьями, приходятъ въ наивный восторгъ отъ такой „защиты“ православнаго идеала монашества и въ ре-

---

[1]) См. статью *священника Н. П Добронравова*, печатающуюся въ Моск Церк. Вѣдомостяхъ „Уходъ за больными въ древнемъ христіанствѣ“. Здѣсь собрано достаточно фактовъ ухода за больными мірянами и со стороны древнихъ подвижниковъ востока

[2]) **Январь**, 108.

[3]) *Твореній* V, 262, 105

дакцію Душеполезнаго Чтенія шлютъ свои простодушно-сочувственныя письма. Бѣдные, довѣрчивые читатели и почитатели „душеполезнаго“ журнала!

Допустимо ли *участіе иноковъ въ народномъ образованіи*, въ религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа *посредствомъ школы?* Конечно допустимо. Мы видѣли, что благотворительность есть непремѣнная обязанность нашихъ монастырей. А просвѣщеніе народа и есть именно особая форма благотворительности, притомъ несомнѣнно самая плодотворная форма ея. Потому и бѣденъ нашъ народъ, что онъ темный, безграмотный,—таковъ результатъ, къ которому пришли въ большинствѣ своемъ мѣстные комитеты, недавно совѣщавшіеся о нуждахъ нашей деревни, таковъ голосъ русской земли о своей большой нуждѣ. И если у монастырей есть средства и люди для поддержанія школъ, онѣ должны стоять при монастыряхъ. Того требуетъ наше время, когда великій русскій народъ пріобщается просвѣщенію, какъ выражался, кажется, покойный Рачинскій. Средства у монастырей несомнѣнно теперь есть, а люди скоро будутъ, разъ будетъ сознана задача. Намъ кажется, школа поможетъ повышенію уровня образованія и среди самихъ иноковъ. Въ древней Руси обители были очагами если не просвѣщенія, то книжности. А въ настоящее время, когда грамота идетъ и въ глухую деревню, похвально ли содѣйствовать тому, чтобы монастыри превратились въ очаги невѣжества?

Къ оправданію школъ при монастырѣ слѣдовало бы придти даже и въ томъ случаѣ, если бы не было никакихъ историческихъ прецедентовъ. Но прецеденты есть. Уставъ Василія Великаго предписываетъ принимать дѣтей сиротъ, а также и по волѣ родителей, помѣщать ихъ въ особомъ домѣ за монастыремъ, учить грамотѣ и воспитывать подъ руководствомъ инока „учителя мірскихъ дѣтей“ и надежнаго надзирателя также изъ иноковъ [1]). Но эти дѣти принимались не для общаго воспитанія, а для приготовленія къ монашеству. Однако указанный фактъ не единственный. „Изъ житія Пахомія видно, читаемъ мы у *преосв. Θеофана* въ его книгѣ *„Древніе иноческіе уставы“*, что дѣти воспитывались при монастыряхъ.

---

[1]) Прав. простр 15 вопр. Твор. V, 119—121. Прав. кратк 53 вопр V, 182—183; вопр. 292, стр. 330—331.

Цѣль воспитанія ихъ была не единственно та, чтобы они потомъ были монахами, хотя и это могло быть; но чтобы воспитать ихъ въ страхѣ Божіемъ и истинномъ благочестіи, научивъ ихъ притомъ грамотѣ, письму и рукодѣльямъ. Это видно изъ обстоятельствъ жизни преп. Пахомія, гдѣ поминается о дѣтяхъ“ [1]). При монастырѣ преп. Ѳеодора Студита было училище, потому что въ его „Монашескихъ эпитиміяхъ“ упомянутъ „учитель дѣтей“, очевидно инокъ [2]). Русское монашество, устроенное по студійскому уставу, не могло въ принципѣ отрицать возможности учрежденія школъ при монастыряхъ. Извѣстны случаи, когда въ древнерусскихъ монастыряхъ и у иноковъ обучались дѣти. Преп. Евфросинія Полоцкая беретъ въ монастырь свою сестру Городиславу, „да научится грамотѣ“. Родители отпускаютъ ее только затѣмъ, но подвижница противъ ихъ воли постригаетъ свою сестру въ монашество [3]). Очевидно обычай обучать дѣтей по крайней мѣрѣ въ женскихъ монастыряхъ былъ въ древней Руси. Встрѣчаются подобные факты и относительно мужскихъ монастырей. О преп. Іосифѣ Волоцкомъ извѣстно: „егда бысть сей отрокъ седми лѣтъ, родителіе его даша на обученіе грамотѣ во обитель Воздвиженія честнаго креста Господня старцу честному именемъ Арсенію, пореклу Леженкѣ“ [4]). При миссіонерскихъ монастыряхъ (о которыхъ рѣчь ниже) устраивались и цѣлыя школы для обученія дѣтей новокрещеннаго края.

Однако намъ укажутъ на *прямыя запрещенія допускать дѣтей* въ монастыри для обученія грамотѣ, вызванныя въ древней Руси распространеніемъ противоестественныхъ пороковъ въ темной монашеской массѣ. Запрещенія эти намъ извѣстны. „Внимай себѣ, говоритъ иноческое поученіе глубокой русской древности, съ дѣтищемъ не дружися, не сѣди съ нимь, ни стой, паче же единъ... ни книгамъ ихъ

---

[1]) Названной книги стр. 144.

[2]) *Migne*, P Gr. XCIX, col. 1745, прав. 96: „*περὶ τοῦ διδασκάλου τῶν παίδων*“.

[3]) *Житіе преп. Евфросинги*, Пам. стар. р. литер. IV, 175.

[4]) *Житія*, 4—5. Въ Исторіи *Татищева* есть рядъ извѣстій объ училищахъ при древнихъ монастыряхъ. Но *Е. Е. Голубинскій* опровергаетъ эти извѣстія самымъ рѣшительнымъ образомъ Исторія I, 1, 870—880.

не учи“ [1]). Преп. Евфросинъ Псковскій въ своемъ Уставѣ предписываетъ: „дѣтей малыхъ не пріимати во обитель, еже учити ихъ книгамъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ запрещаетъ допускать въ число монастырскаго братства „голоусовъ“, т. е. молодыхъ, безбородыхъ [2]). Іосифъ Волоколамскій безусловно воспрещалъ пускать отрочатъ въ монастырь за какимъ бы то ни было дѣломъ, напр. нищихъ за полученіемъ подаянія, разносчиковъ для торговли. Согласно съ воззрѣніемъ одного древняго патерика, подвижникъ убѣжденъ: „злѣйши бо суть женъ отрочата на инокы“ [3]). Однако говоритъ ли это рѣшительно противъ самого принципа служенія иноковъ народу участіемъ въ его просвѣщеніи, противъ желательности и возможности школъ при монастыряхъ? Нѣтъ, это ограничиваетъ только примѣненіе принципа къ жизни, не больше.

Рѣшительныя указанія арх. Никона на опасности, происходящія отъ дѣтей-школьниковъ для монастырей, странны въ виду того, что на дѣлѣ въ современныхъ обителяхъ дѣти и отроки допускаются, хотя и въ иныхъ цѣляхъ. „Голоусовъ“ мы видимъ во множествѣ среди послушниковъ. Дѣти служатъ монастырю въ его хорахъ, въ мастерскихъ и типографіяхъ, которыми завѣдуютъ монахи. Неужели это соприкосновеніе съ дѣтьми и голоусами сопровождается теперь въ монастыряхъ тѣми послѣдствіями, которыхъ боится арх. Никонъ отъ наличности школы при монастырѣ?!.. Если же нѣтъ, то непонятно, почему соприкосновеніе монаха съ дѣтьми въ мастерской нисколько не вредитъ нравственности монаха, а занятія съ нимъ въ школѣ представляетъ чрезвычайную опасность. На нашъ взглядъ отмѣченная опасность ужъ не такъ велика и не настолько неустранима. Вѣдь Василій Великій, этотъ законодатель православнаго монашества, рекомендовалъ же монастырямъ принимать дѣтей-сиротъ и держать до такого возраста, когда они будутъ въ состояніи сознательно принять постриженіе. Воспитатель и

---

[1]) Матеріалы для исторіи рус. церкви, I, 159—160.

[2]) Ркп. Вол. Б-ки, № 632, л. 446.

[3]) *Духовное Завѣщаніе*, сл 9 Вел. Ч.-Минеи, 9 сент., 544—546 стб. Припомнимъ кстати настойчивое запрещеніе Стоглава держать „голоусыхъ робятъ“ по кельямъ..

учитель къ этимъ дѣтямъ выбирались изъ братіи, разумѣется, послѣ испытанія. Если скажутъ, что эти дѣти готовились къ иноческому званію, то вѣдь опасность отъ присутствія дѣтей вблизи монастыря зависитъ вовсе не отъ того, къ чему они готовятся... Тоже слѣдуетъ сказать и о дѣтяхъ въ Тавенскомъ монастырѣ Пахомія и въ обители Ѳеодора Студита. Но для лучшихъ иноковъ обращеніе съ дѣтьми не могло бы доставить ничего иного, кромѣ высокаго нравственнаго наслажденія. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что Авраамій Смоленскій и Даніилъ Переславскій принимали на исповѣдь и дѣтей, состояли ихъ духовными отцами. А духовничество по понятіямъ древней Руси — только особая форма религіозно-нравственнаго учительства. Въ нашемъ посадѣ живетъ преданіе, что преп. Сергій очень любилъ дѣтей. Дѣти собирались къ нему и подвижникъ ласкалъ ихъ, дарилъ игрушки, которыя самъ же вырѣзывалъ изъ дерева. Такъ и возникъ по преданію въ Сергіевскомъ посадѣ игрушечный промыселъ. Вотъ желательныя отношенія хорошаго инока къ дѣтямъ. А тотъ монахъ, котораго смутятъ отрочата, какъ смутили они въ свое время волоколамскаго инока Андрея Квашнина „пореклу Невѣжа“,—пусть уходитъ отъ соблазна въ такую обитель, которая не захочетъ имѣть школы за своими стѣнами. Мы склонны думать, что монастыри востока и древней Руси страдали болѣе отъ противоестественныхъ пороковъ, чѣмъ настоящіе, и что правила, которыя приводились выше, вызванныя условіями времени, потому самому и не соблюдаются въ настоящее время. Почтенный о. архимандритъ полагаетъ, что опасность эта не миновала и теперь у насъ. Не смѣемъ оспаривать его въ этомъ: ему лучше насъ извѣстны нравы современнаго монашества. Но если монахи не могутъ служить дѣлу народнаго образованія своими людьми, пусть служатъ ему своими средствами съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы средства эти не только не были отчуждаемы у церкви, но и у самого монастыря. Наконецъ, монахини? Онѣ лишены физической возможности впадать въ грѣхи, предусмотрѣнные правилами о недопущеніи дѣтей въ монастыри. Почему же не учреждать женскихъ школъ при женскихъ обителяхъ? А вѣдь монахинь у насъ больше, чѣмъ монаховъ. Остается сказать, что школы

отняли бы у монаховъ досугъ, необходимый для молитвы, но объ этомъ поговоримъ ниже [1]).

Церковная школа есть одинъ изъ видовъ *религіозно-нравственнаго учительства*. Отрицая желательность ея при монастырѣ, какъ же смотритъ арх. Никонъ на другія его формы? Онъ считаетъ инока свободнымъ отъ религіозно-нравственнаго учительства среди мірянъ въ той же мѣрѣ, какъ и отъ благотворительныхъ заботъ о нихъ. Онъ пишетъ: „да, мы должны благовѣствовать законы Христовы, говорить о Христѣ Спасителѣ день и ночь, но *не словомъ*, а дѣломъ, примѣромъ, личнымъ подвигомъ“ [2]). Но эти слова идутъ совершенно вразрѣзъ съ воззрѣніями преп. Ѳеодосія, отца русскаго монашества, и со всей исторіей послѣдняго. Преп. Ѳеодосій говорилъ князю Святославу: „Се намъ (инокамъ) подобаетъ обличати и *глаголати* вамъ (мірянамъ), еже *на спасеніе души*, вамъ же лѣпо бы послушати того“. И эти слова можно считать программой для нашего древняго монашества. Великій подвижникъ заботился не только о душахъ порученнаго ему стада черноризцевъ, но и о спасеніи мірскихъ людей, особенно же о дѣтяхъ своихъ духовныхъ. Часто ходилъ онъ въ ихъ домы для бесѣды, еще чаще принималъ у себя, не жалѣя тратилъ свои подвижническіе досуги. Многіе послѣдующіе подвижники состояли духовниками у мірскихъ людей, принимали на исповѣдь дѣтей, общеніе съ которыми запрещалось въ древней Руси, и женщинъ, не боясь того, что отъ жены „мнихъ растлится и въ небытіе бываетъ, сирѣчь умираетъ душею и погибаетъ яко прахъ“, по выраженію древнерусскаго отшельника. *Духовничество* было едвали не самой распространенной формой учительности среди мірянъ со стороны древнерусскаго монашества. И это понятно: то была его историческая привиллегія. Духовничество и вообще дисциплина тайной исповѣди развились въмонастырѣ пу-

---

[1]) Статьи арх. Никона вынуждали бы насъ говорить здѣсь объ „ученомъ монашествѣ“ (см. февраль, 344—346). Но мы обойдемъ этотъ вопросъ, такъ какъ наша справка изъ исторіи древне-русскаго монашества не даетъ никакихъ основаній для сужденій объ этомъ новомъ сравнительно у насъ явленіи Да притомъ же среди литературныхъ противниковъ арх. Никона есть лица, которыхъ гораздо ближе, чѣмъ насъ, касается указанный вопросъ

[2]) Февраль, 342.

темъ явленій, которыя едвали совмѣстимы съ воззрѣніями арх. Никона на монашество. Онъ повидимому проповѣдуетъ полный индивидуализмъ спасенія: пусть каждый спасается самъ по себѣ въ полномъ одиночествѣ. Но такое пониманіе спасенія (если только такъ понимаетъ его арх. Никонъ) осуждается самыми основами монашеской жизни. Извѣстно, что съ самаго древняго времени въ монашествѣ возникъ институтъ старчества, который существуетъ и теперь, искони лежалъ и долженъ лежать въ основѣ всего монастырскаго строя. Но старчество несоединимо съ такими воззрѣніями на дѣло иноческаго спасенія. Отношенія старца и ученика внѣшнимъ образомъ выражаются сожитіемъ въ одной кельѣ, что нарушаетъ полное одиночество подвижника. Внутреннимъ образомъ ихъ отношенія характеризуются неразрывнымъ союзомъ душъ, совершеннымъ подчиненіемъ ученика старцу, какъ раба господину, и полной отвѣтственностью старца за грѣхи послушника, принятіемъ его души на свою душу и его грѣховнаго бремени на свою выю. Здѣсь мы видимъ совершенно пастырское душепопеченіе, *самоотверженное служеніе* спасенію своего ближняго, несовмѣстимое ни съ индивидуализмомъ, ни съ эгоизмомъ спасенія. Тоже самое положеніе, что старецъ въ отношеніи къ ученикамъ, занимаетъ въ общежительномъ монастырѣ игуменъ или настоятель къ братіи. Самъ арх. Никонъ пишетъ, что „монастырское начальствованіе есть служеніе ближнему *до полнаго самоотверженія*“ [1]). Мы бы не съумѣли примирить этого съ „эгоизмомъ спасенія“.

Пастырское попеченіе и о душѣ мірского ближняго, служеніе ему до самоотверженія тоже дѣло обычное для монаха. Съ IV стол., т. е. съ самаго начала монашества, можно прослѣдить развитіе учительства монастырскихъ старцевъ среди мірянъ, пастырское душепопеченіе ихъ. Оно выражается въ назидательныхъ бесѣдахъ старцевъ съ мірскими посѣтителями или въ исповѣди ихъ. Со временемъ изъ этой старческой исповѣди мірянъ выростаетъ на востокѣ духовничество монаховъ. Приблизительно около иконоборческой эпохи иноки (какъ общежительные такъ и отшельники) совершенно

---

[1]) Февраль, 349

завладѣли исповѣдью въ церкви. И бѣлое духовенство вовсе не исповѣдывало своихъ пасомыхъ и не совершало таинства покаянія. Это фактъ, твердо засвидѣтельствованный. Вплоть до XII стол. продолжалось такое положеніе дѣла; только въ это время канонисты (главнымъ образомъ Вальсамонъ) выяснили, что и бѣлые священники имѣютъ полное право быть духовниками. Но и въ настоящее время въ Греціи большая часть духовниковъ монахи. Что можетъ означать съ точки зрѣнія арх. Никона этотъ крупный историческій фактъ, повидимому неизвѣстный однако ему, мы не знаемъ. Но нашему читателю онъ долженъ уяснить то, почему русскіе иноки такъ охотно принимали на исповѣдь мірянъ; они подражали въ этомъ православному востоку.

Намъ возразятъ, что и современные монахи охотно принимаютъ мірянъ на исповѣдь, что духовничество, какъ служба міру, извѣстна и теперь нашему монастырю. Да, но во-первыхъ это явленіе уже не имѣетъ оправданія съ точки зрѣнія разбираемыхъ воззрѣній, а во-вторыхъ современное духовничество нашихъ монаховъ и духовничество древнерусскихъ подвижниковъ явленія далеко несхожія. Чаще всего оно ограничивается нынѣ получасовой, а то и 10-ти - минутной встрѣчей съ міряниномъ на исповѣди,— случайная встрѣча двухъ людей, которые были незнакомы до исповѣди и послѣ нея совсѣмъ забудутъ другъ о другѣ. Монастырскій духовникъ работаетъ теперь въ пользу мірянъ только во время говѣній—постовъ преимущественно въ великій постъ. Въ древности на востокѣ и у насъ на Руси вѣрующій выбиралъ себѣ извѣстнаго инока (или бѣлаго священника) „во отечьство“, тотъ принималъ его и нарекалъ чадомъ духовнымъ. Духовный отецъ былъ несмѣняемъ и вѣрующій своимъ свободнымъ выборомъ связывалъ себя по смерть духовника. Онъ былъ безусловнымъ и неограниченнымъ нравственнымъ руководителемъ духовныхъ дѣтей подобно игумену или старцу въ монастырѣ. На его душѣ лежало—быть имъ вождемъ „въ вышній Іерусалимъ“, открыть Божіе царство, привести къ престолу Божію и сказать: „се азъ и дѣти, яже ми еси далъ“. Разумѣется, исповѣдь была самымъ важнымъ моментомъ, въ которомъ проявлялось нравственное вліяніе духовнаго отца на дѣтей, но моментомъ далеко не единственнымъ. И вотъ мы видимъ,

что древнерусскіе духовники ходятъ къ духовнымъ дѣтямъ для бесѣдъ или призываютъ ихъ къ себѣ, руководятъ ими рѣшительно въ каждомъ шагѣ ихъ религіозно-нравственной жизни, устраиваютъ и дисциплинируютъ семейную и домашнюю жизнь ихъ. А вѣрующіе ничего не предпинимаютъ важнаго безъ совѣта съ духовнымъ отцемъ. И это внѣцерковное учительство духовнаго отца имѣло большое значеніе въ древней Руси. Именно съ званіемъ духовника, а не съ званіемъ приходскаго священника, соединялась у насъ учительная и пастырская обязанность духовенства. Такимъ образомъ, принимая сложныя и отвѣтственныя обязанности духовника, древнерусскій инокъ непремѣнно долженъ былъ жертвовать своими монашескими досугами дѣлу спасенія мірскихъ ближнихъ,—тѣхъ изъ нихъ, которыхъ онъ называлъ „чада, духомъ родимыя“.

Арх. Никонъ смотритъ на *миссіонерство иноковъ*, какъ на исключительное призваніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. А между тѣмъ и эта форма служенія монашества міру дѣло также обычное, освященное примѣрами многихъ подвижниковъ. Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали, что для распространенія христіанства на сѣверѣ Руси монашество несомнѣнно сдѣлало гораздо больше, чѣмъ духовенство. И понятно: переносить всѣ труды апостольства гораздо удобнѣе человѣку, не связанному семьей, отрекшемуся отъ мірскихъ родственныхъ связей, чѣмъ напримѣръ бѣлому священнику. Безъ сомнѣнія арх. Никону извѣстно, что древніе монастыри русскаго сѣвера, какъ Валаамскій, Спасо-Каменскій, Соловецкій и другіе имѣли большое значеніе въ исторіи распространенія христіанства среди окрестныхъ инородцевъ. Изъ монастырей этихъ вышли извѣстные миссіонеры, какъ напримѣръ Ѳеодоритъ и преп. Трифонъ изъ Соловецкаго. Отправляясь на дѣло проповѣди Евангелія, древнерусскіе иноки обычно оставляли тѣ обители, гдѣ подвизались, и шли въ некрещенную страну. Но не забывали они того, что монастыри превосходное подспорье для миссіонерскаго дѣла и нерѣдко въ этихъ видахъ спѣшили строить ихъ среди только что крещеннаго края. Безъ сомнѣнія таково происхожденіе нѣсколькихъ монастырей, построенныхъ св. Стефаномъ въ землѣ зырянъ, или обителей, устроенныхъ Ѳеодоритомъ Кольскимъ и преп. Трифономъ Печенегскимъ. Но всего яснѣе миссіонерское, а

вмѣстѣ и просвѣтительное значеніе монастыря можно видѣть на примѣрѣ св. Гурія Казанскаго. „Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Гурія въ своей (только что открытой) епархіи было *основаніе и устройство монастырей съ тою именно цѣлію, чтобы иноки, не отвлекаясь житейскими попеченіями, занимались обращеніемъ невѣрныхъ и обученіемъ дѣтей.* Мысли свои объ этомъ онъ изложилъ предъ государемъ (предъ Грознымъ) и просилъ его дать для содержанія устрояемыхъ обителей вотчины, дабы старцамъ не было нужды самимъ работать, орать землю и сѣять на ней сѣмена, но „да орютъ сердца людей и да сѣютъ въ нихъ сѣмя слова Божія“. Царю понравилось это намѣреніе и онъ отвѣчалъ святителю. „Благо есть сія рѣчь ваша—*еже старцамъ дѣти обучати и поганые въ вѣру обращати, то есть долгъ всѣхъ васъ.* Туне есть черницевъ ангеломъ подобными именовати: нѣсть бо имъ сравненія, ни подобія никоегоже; а подобитися апостоломъ, ихже Господь нашъ Іисусъ Христосъ посла учити и крестити люди невѣрующіе, и се есть долгъ ваю, учити же младенцы не токмо читати и писати, но читанное право разумѣти и да могутъ и иныя научити“ [1]). И дѣйствительно, древнѣйшіе казанскіе монастыри—Зилантовъ и Спасо-Преображенскій открывали школы для дѣтей, принимали татаръ для ученія христіанской вѣрѣ и для крещенія. Таковъ же и Свіяжскій Успенскій монастырь, устроенный св. Германомъ. При обращеніи въ христіанство Астраханскаго края московское правительство очевидно воспользовалось мыслью св. Гурія о просвѣтительномъ значеніи монастыря. Подчинивъ себѣ Астраханское царство „правительство наше не сочло нужнымъ немедленно учредить тамъ особую епископскую каѳедру, а только послало туда въ 1568 г. игумена Кирилла, чтобы онъ устроилъ въ Астрахани монастырь во имя Пресвятыя Троицы и святителя Николая. Въ 1573 г. въ монастырѣ этомъ было уже три храма и 25 человѣкъ братіи, кромѣ слугъ и дѣтей, вѣроятно обучавшихся грамотѣ“ [2]). Итакъ по мысли св. Гурія Казанскаго монастырь есть превосходное миссіонерское и просвѣтительное учрежденіе. И мы полагаемъ, что мысль св. Гурія имѣетъ значеніе

---

[1]) *Преосв. Макарій*, Исторія VI, 342, Ист. р. іер. VI, 528—529.

[2]) *Преосв. Макарій*, Тамъ же, 344 и 346.

и для нашего времени. Устройство такихъ монастырей—миссіонерскихъ пунктовъ въ Сибири сильно помогло бы дѣлу насажденія христіанства, обрусѣнію инородцевъ, сохраненію ихъ отъ вымиранія леченіемъ отъ повальныхъ болѣзней, помощью во время голодовъ, защитой отъ безсовѣстныхъ эксплоататоровъ; но все это конечно при томъ условіи, если братія предполагаемыхъ монастырей не будетъ раздѣлять односторонних воззрѣній арх. Никона на монашество.

Изъ древней Руси идутъ еще два завѣта современнымъ инокамъ—*завѣтъ печалованія* за осужденныхъ и *завѣтъ обличенія* мірской неправды. Но первый завѣтъ наше монашество будетъ исполнять только въ томъ случаѣ, если проникнется задачами милосердія; второй—обличеніе властей и богачей вмѣсто пресмыкательства предъ властью и богатствомъ—оно исполнитъ только тогда, когда вспомнитъ свои забытые уставы и станетъ не тѣмъ, что оно есть, а тѣмъ, чѣмъ должно быть.

Однимъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ противъ больничной, школьной и отчасти благотворительной дѣятельности инока служатъ для арх. Никона *соображенія объ иноческомъ досугѣ*. Время нужно монаху прежде всего для церковной молитвы и никоимъ образомъ невозможно дозволить ему какое-нибудь послабленіе во имя напримѣръ ухода за больными или подобнаго... „подѣлья“. Думаемъ, что это положеніе требуютъ большихъ ограниченій.

Въ общежительныхъ монастыряхъ есть должность больничныхъ старцевъ, обязанныхъ ходить за больными инока ми. Ихъ мы встрѣчаемъ и въ древнерусскихъ монастыряхъ, напримѣръ въ Печерскомъ и Троице-Сергіевомъ. Безъ сомнѣнія ихъ приходилось освобождать отъ постоянныхъ церковныхъ службъ, когда въ монастырѣ были тяжко больные или умирающіе. Но разъ отъ церковныхъ службъ освобождали больничныхъ старцевъ ради больного инока, то почему же не освобождать ихъ и для больныхъ мірянъ? Преп. Сергій заповѣдалъ инокамъ ходить за больными бѣдняками и можетъ быть самъ посѣщалъ больныхъ. Въ книгѣ *самого-же арх. Никона*, „Житіе и подвиги преп. Сергія“ изображенъ подвижникъ посѣщающимъ больныхъ, а въ объясненіи къ рисункамъ сказано: „св. игуменъ ходитъ

за больными“ [1]). Во Введенской богадѣльнѣ за больными мірянами ухаживали сначала монахи Троицкой обители, а потомъ вѣроятно иноки Пятницкаго Подольнаго монастыря. Неужели преп. Сергію и троицкимъ инокамъ XV—XVI в. не было извѣстно, что время монаху нужно прежде всего для церковной молитвы? Неужели такое простое соображеніе, что нельзя въ одно время быть у постели больного и въ церкви, не приходило имъ на разумъ? Что на это скажетъ арх. Никонъ? — По уставу Василія Великаго должность завѣдующаго сиропитательницей, т. е. надзирателя за дѣтьми, предоставляется иноку. Въ томъ же уставѣ, а также въ монастырѣ преп. Ѳеодора Студита мы встрѣчаемъ инока же „учителя (мірскихъ) дѣтей“. Какимъ образомъ тотъ и другой — надзиратель и учитель совмѣщали педагогію съ иночествомъ, мы не знаемъ. Но какъ-то совмѣщали. — И благотворительность, даже организованная, сложная и многосторонняя возможна въ монастырѣ. Евфросинъ Псковскій съ братіей, этотъ „желѣзный съ желѣзными“, развѣ онъ ограничивалъ благотворительную дѣятельность обители, вводя строжайшій уставъ о церковной молитвѣ? Нисколько. Его монастырь одинаково славился и продолжительными церковными службами и широкой благотворительностью. Такимъ образомъ всѣ соображенія относительно монашескаго недосуга на добрыя дѣла не имѣютъ ни малѣйшей доказательной силы. Всѣ эти ариѳметическія выкладки относительно монашескаго дня, которыя мы встрѣчаемъ въ статьяхъ арх. Никона, а равно и его противниковъ, можно зачеркнуть и бросить. Древнерусскіе подвижники хотѣли творить добро людямъ и находили для этого время. Современные монахи не находятъ для этого времени, потому что изсякла у нихъ самая потребность добротворенія, потому что они... „святые эгоисты“.

Строго созерцательное монашество вовсе не рѣдкость на востокѣ въ древности. Припомнимъ хотя бы исихастовъ Аѳона или знакомаго съ Аѳономъ нашего Нила Сорскаго и его школу. Это была просвѣщенная широко терпимая монашеская партія, съ которой такъ безцеремонно раздѣлались въ свое время стоявшіе у власти іосифляне. Еслибы за-

[1]) Назв. книги, 3-ьяго изд. 136 и 262 стр.

волжцы, какъ партія, просуществовали подольше, несомнѣнно они внесли бы новую струю въ церковную жизнь своего времени. И теперь пусть живетъ на Руси, растетъ и процвѣтаетъ созерцательное монашество, но только не порицая и не отрицая монашества Сергія и Ѳеодосія.

Теперь посмотримъ, въ какомъ же отношеніи стоятъ идеалы арх. Никона къ ученію бѣлоозерцевъ объ иноческомъ совершенствѣ? Мысли, высказанныя современнымъ полемистомъ, болѣе всего напоминаютъ намъ воззрѣнія Нила Сорскаго. Тотъ же созерцательный идеалъ монашества, тоже исключительное преобладаніе молитвы, хотя не церковной, а „умной“, та же идея полнаго отреченія отъ міра, сходныя сужденія объ иноческой милостынѣ. Но этимъ и кончается сходство. Арх. Никонъ слѣдуетъ преп. Нилу только до этого пункта. Да и въ указанныхъ сторонахъ сходство болѣе словесное, внѣшнее, чѣмъ внутреннее, существенное. Это ясно мы увидимъ, если всмотримся въ отношеніе истинно-христіанскаго созерцательнаго монашества къ дѣламъ милосердія.

Совмѣстимо ли монашеское созерцаніе съ дѣлами благотворительнаго служенія міру? Мы думаемъ, совмѣстимо. Отношеніе инока-созерцателя къ міру характеризуется обычно двумя главными чертами, которыя у нашихъ древнихъ аскетовъ обозначаются терминами: *безмолвіе*—уединеніе, свобода отъ суеты, происходящей отъ обращенія съ людьми и отъ бесѣдъ съ ними (рѣдко *безпопеченіе* — свобода отъ житейскихъ заботъ), и *безстяжаніе* (чаще *нестяжаніе*) — свобода отъ собственности. Первымъ терминомъ однако очень часто характеризуется состояніе созерцанія вообще, какъ цѣлое частью. „Безмолвіе“ значитъ созерцаніе, „безмолвникъ“ — созерцатель. И вотъ послушаемъ, какъ учитъ о безмолвіи въ отношеніи къ внѣшней благотворительности Исаакъ Сиринъ, *великій созерцатель подвижникъ*, творенія котораго повліяли и оставили замѣтный слѣдъ на писаніяхъ Нила Сорскаго [1]). „Однажды укоренъ былъ нѣкій братъ, что не подалъ милостыни; и онъ свободно и смѣло отвѣчалъ укорившему его: „монахамъ не поставлено въ обязанность подавать милостыню“. Но укорившій возразилъ (т. е. ограни-

---

[1]) См. изслѣдованіе *проф. А. С Архангельскаго,* Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, СПБ. 1882, I, 166—169

чилъ его огульное заявленіе): „Виденъ и явенъ тотъ монахъ, которому не поставлено въ обязанность подавать милостыню. Ибо не поставлено тому, кто съ открытымъ лицемъ можетъ сказать Христу, какъ написано: *се мы оставихомъ вся и вслѣдъ Тебе идохомъ* (Мѳ. XIX, 27) [1]), т. е. кто ничего не имѣетъ на землѣ, не занимается тѣлеснымъ, не помышляетъ ни о чемъ видимомъ, не заботится о какомъ-либо пріобрѣтеніи, но если кто и дастъ ему что, беретъ только нужное на потребу, а что сверхъ потребности, ставитъ то ни во что и живетъ какъ птица. *Таковому не поставлено въ обязанность подавать милостыню.* Ибо какъ можетъ давать другому отъ чего свободенъ самъ?“ „*Но кто развлекается дѣлами житейскими, собственными своими руками работаетъ и самъ беретъ у другихъ, тотъ тѣмъ паче обязанъ подавать милостыню. И если не радѣть ему о милостыни, то немилосердіе это есть противленіе Господней заповѣди. Ибо если кто не приближается къ Богу втайнѣ, и не умѣетъ служить ему духомъ, но не заботится о дѣлахъ явныхъ, которыя возможны для него, то какая еще будетъ у таковаго надежда пріобрѣсти себѣ жизнь? Таковый несмысленъ*“. Въ дальнѣйшихъ словахъ св. Исаакъ безмолвіе ставитъ выше милостыни и отрицаетъ, какъ обязанность монаха, физическій трудъ его [2]). Изъ этихъ и дальнѣйшихъ словъ св. Исаака видно, что онъ считаетъ свободными отъ благотворительной обязанности только такихъ монаховъ, которые живутъ вдали отъ людей, ничего не имѣютъ, не пріобрѣтаютъ собственности своимъ трудомъ и не принимаютъ мірскихъ приношеній, т. е. такихъ монаховъ, которые „живутъ какъ птицы“ и *не имѣютъ физической возможности благотворить ближнему.* Но наше современное монашество живетъ въ такихъ условіяхъ, что развлекается житейскими дѣлами, пріобрѣтаетъ деньги отъ своихъ трудовъ, а еще больше отъ приносовъ. И если арх. Никонъ старается освободить его отъ тѣлеснаго милосердія, чтобы не воспрепятствовать подвигамъ созерцанія, то ясно, что онъ впадаетъ въ то заблужденіе, которое осуждаетъ св. Исаакъ, какъ „немилосердіе и противленіе заповѣди Господней“. Безмолвіе преп. Исаакъ считаетъ высшимъ

---

[1]) Эти слова приводитъ и преп. Нилъ, какъ мы видѣли выше, стр. 48

[2]) *Исаака Сирина*, Творенія, слово 14, стр. 62—64.

состояніемъ подвижника, но не отрицаетъ при немъ и общехристіанской обязанности милосердія какъ внутренняго, такъ и внѣшняго. Въ другомъ мѣстѣ твореній [1]) онъ рѣшаетъ такой *вопросъ*: „Почему Господь нашъ для уподобленія нашего величію Отца Небеснаго назначилъ намъ милосердіе, иноки же предпочитаютъ милосердію безмолвіе?“ и даетъ такой *отвѣтъ*: „Входимъ мы въ споръ о милосердіи, но не стараемся обратить оное въ ничто, какъ нѣчто излишнее. *И мы иноки чтимъ безмолвіе, не исключая милосердія,* а стараемся, сколько возможно, удаляться отъ попеченія и мятежа“, стараемся предаваться безмолвію, но не когда, когда въ насъ есть нужда. „Если же когда на извѣстное время будетъ необходимая какая потребность въ насъ братіямъ, не должно нерадѣть объ оной. Посему будемъ непрестанно понуждать себя во всякое время *внутренно быть милосердыми ко всякому разумному естеству.* Ибо такъ внушаетъ намъ ученіе Господне *и въ этомъ, а не въ чемъ-либо пустомъ,* состоитъ отличіе нашего безмолвія. *И надо не только сохранять это внутреннее наше милосердіе, но когда призываютъ самыя обстоятельства дѣлъ и нужда, не вознерадѣть и о томъ, чтобы доказать любовь свою явно*“. Особенно касается это тѣхъ иноковъ, которые предавали себя безмолвію неполному и временному. Даже и въ періодъ безмолвія они „не удерживаютъ себя отъ дѣлъ милосердія къ ближнему; *развѣ кто крайне нечувствителенъ, жестокъ и безчеловѣченъ и держится безмолвія лицемѣрно и напоказъ. Знаемъ, что безъ любви къ ближнему умъ не можетъ просвѣщаться Божественною бесѣдою и любовію*“. Формы внѣшняго милосердія инока ко всякому человѣку—міранинъ онъ или инокъ—ясно указаны въ дальнѣйшихъ словахъ св. отца. „И какой мудрый монахъ, имѣя у себя пищу и одѣяніе и видя ближняго своего *алчущимъ и обнаженнымъ,* не отдастъ ему того, что имѣетъ, но сбережетъ что-либо изъ этого? Или еще кто, видя, что человѣкъ единой съ нимъ плоти *изнуренъ болѣзнію, бѣдствуетъ отъ изнеможенія* и имѣетъ нужду въ призрѣніи, изъ любви къ безмолвію правило затвора предпочтетъ любви къ ближнему?... Если ничего у себя не имѣемъ, не дозволяется намъ ввергать себя въ попеченія и мятежи ради нищихъ, *а если*

[1]) *Тамъ же,* 249—252

что имѣемъ, требуется отъ насъ это“. Иноку - созерцателю не слѣдуетъ оставлять келью свою и мѣсто отшельническаго пребыванія затѣмъ, „чтобы кружиться по міру, посѣщать больныхъ и проводить время въ подобныхъ дѣлахъ“, потому что это было бы переходомъ отъ высшаго къ низшему. „*Если же кто живетъ въ обществѣ многихъ и близъ него есть люди, на самомъ мѣстѣ пребыванія его съ ними, и трудами другихъ упокоевается во время здоровья или болѣзни; то и самъ обязанъ дѣлать тоже, а не выставлять на видъ ложнаго своего безмолвія, такъ чтобы самому вовремя требовать себѣ отъ другихъ успокоенія, но какъ скоро увидитъ въ тѣсныхъ обстоятельствахъ сына плоти своей, носящаго на себѣ одинъ съ нимъ образъ, лучше же сказать, увидитъ поверженнаго и страждущаго Христа,—удаляться и скрываться отъ него. Всякій таковый не милосердъ*“. Эти слова опять таки прямо относятся къ нашему современному монашеству, которое, живя рядомъ съ міромъ и на его счетъ, отказывается само служить ему. Слова эти опровергаютъ арх. Никона, который старается оправдать этотъ ненормальный порядокъ съ точки зрѣнія созерцательнаго монашества. Далѣе у святого отца идетъ опроверженіе той аргументаціи, которую пускали въ ходъ эти ложные безмолвники, несмысленные и немилосердые. „И не приводи мнѣ на память Іоанна Ѳиваидскаго и *Арсенія*, не говори: „кто же изъ нихъ употреблялъ себя на подобныя дѣла или прилагалъ попеченіе о больныхъ и нищихъ, не радѣлъ же о своемъ безмолвіи“? Тебѣ и не приблизиться къ какимъ-либо дѣламъ таковыхъ мужей. Ибо если далекъ ты отъ всякаго упокоенія и сообщенія съ людьми, какъ далеки были они, то Господь и тебѣ повелѣваетъ пренебрегать подобными дѣлами. Если же далекъ ты отъ онаго совершенства и во всякое время пребываешь въ тѣлесныхъ трудахъ и въ общеніи съ другими людьми, то почему не радишь о заповѣдяхъ, которыя должно хранить тебѣ по мѣрѣ силъ своихъ, представляя предлогъ, что проводишь житіе великихъ святыхъ, къ которому ты и не приближался“? Архимандритъ же Никонъ именно и ссылается на примѣръ Арсенія Великаго... Но преп. Исаакъ приводитъ въ примѣръ двухъ великихъ отшельниковъ—Макарія Великаго и Агаѳона, ухаживавшихъ за больными.

Сужденія преп. Исаака въ корнѣ подрываютъ домыслы арх.

Никона и его сторонниковъ противъ иноческаго служенія міру и лишаютъ ихъ возможности опираться на созерцательный идеалъ православнаго монашества. Арх. Никонъ называетъ путь осуществленія своего идеала „эгоизмомъ спасенія“, Исаакъ Сиринъ полагаетъ этотъ путь въ милосердіи внутреннемъ и внѣшнемъ; а то, что нашъ полемистъ зоветъ „святымъ эгоизмомъ“, святой подвижникъ именуетъ несмысліемъ и немилосердіемъ. Св. Исаакъ даже высшаго созерцателя обязываетъ питать голоднаго и лечить больного, если обстоятельства требуютъ того; арх. Никонъ даже рядового инока освобождаетъ отъ этихъ дѣлъ христіанскаго милосердія. Далѣе: идеаломъ, къ которому приближаются только исключительные подвижники и среди подвижниковъ великихъ, арх. Никонъ оправдываетъ свободу отъ внѣшняго добродѣланія инока вообще и современнаго нашего монашества въ частности; онъ ссылается и на примѣръ Арсенія Великаго, которому Господь сказалъ: „*Арсеній! бѣгай отъ людей и спасешься*“ [1]). Но Исаакъ Сиринъ какъ разъ осуждаетъ такую аргументацію—ссылаться на великій примѣръ Арсенія, до котораго конечно не дошло наше монашество въ своемъ большинствѣ. Одинъ изъ сторонниковъ арх. Никона заявлялъ: „*идеалъ важнѣе всего*“. Это правда. Но нельзя, приглашая человѣка взойти на верхнюю ступень лѣстницы, запретить ему вступать на посредствующія. (Мы разсуждаемъ здѣсь съ точки зрѣнія созерцательнаго монашества). Будетъ ложью сказать, что эти среднія ступени ведутъ внизъ отъ идеала, тогда какъ онѣ ведутъ вверхъ, къ высшей цѣли, къ самому идеалу и никоимъ образомъ не могутъ быть обойдены. Вынимая изъ лѣстницы эти среднія ступени, мы лишили бы возможности дойти и до верху, приблизиться къ идеалу, загородили бы прямой къ нему путь людямъ, ищущимъ пути спасенія. Какъ извѣстно, споръ поднялся о современномъ русскомъ монашествѣ въ цѣломъ, которое не осуществляетъ общехристіанской обязанности милосердія и далеко даже отъ приблизительнаго выполненія устава. Люди, сочувствующіе этому учрежденію, изъ желанія поднять его нравственно указали ему ближайшую

---

[1]) Достоп. сказанія, рус. пер., изд. 4. СПБ 1871, стр. 17 ср. Душепол. Чт., октябрь, 207.

ступень — милосердіе въ разныхъ его проявленіяхъ—единственно надежный путь приблизиться къ идеалу. Мы раньше видѣли, что своимъ призывомъ они только повторили завѣтъ древнерусскаго дѣятельнаго монашества нашему современному, теперь же ясно, что не разошлись они и съ истиннымъ созерцательнымъ монашествомъ, которое предполагаетъ милосердіе, какъ путь къ идеалу и любовь къ ближнему, какъ средство „просвѣщенія ума Божественною бесѣдою и любовію“. А на нихъ закричали: „вы принижаете идеалъ, подмѣниваете на западно-католическій, забываете, что идеалъ всего важнѣе“. Чего же хотятъ эти люди? Чтобы инокъ сталъ совершенствомъ, а монашество хорошимъ, не исполнивъ дѣломъ заповѣдей Господа? Это значитъ, по нашему мнѣнію, что идеалъ ихъ безжизненный, отвлеченный, *искаженный идеалъ созерцательнаго монашества*, который можетъ вести своихъ послѣдователей только внизъ, а не вверхъ; по выраженію св. Исаака *онъ служитъ только предлогомъ къ нерадѣнію о заповѣдяхъ Господа.*

Теперь обращаемся къ древнѣйшимъ русскимъ безмолвникамъ. „Пустыннолюбцы и пустынножители“, удалявшіеся „единствовать безъ всякаго человѣка“, уходили только отъ мятежа мірскаго, а не отъ исполненія заповѣди о любви къ ближнимъ. Немного было такихъ отшельниковъ и безмолвниковъ у насъ въ древней Руси, какъ Павелъ Обнорскій, а между тѣмъ своему монастырю въ уставѣ онъ предписываетъ благотворительность. Другой ученикъ преп. Сергія, удалявшійся временно безмолвствовать, имя котораго носитъ почтенный о. архимандритъ, преп. Никонъ Радонежскій въ предсмертномъ поученіи своемъ много говорилъ о „безмолвіи, матери добродѣтелемъ“, а потомъ „о человѣколюбіи слово приложи“ и далъ заповѣдь нищелюбія. Вообще безмолвники или созерцатели древней Руси не считали уединеніе инока полнымъ освобожденіемъ его отъ обязанностей служить мірскимъ ближнимъ.

Вторая черта отношеній созерцательнаго монашества къ міру—*нестяжательность.* Вопросъ о нестяжательности былъ предметомъ горячихъ споровъ въ эпоху борьбы іосифлянъ съ бѣлоозерцами; разное его рѣшеніе являлось одной изъ главнѣйшихъ „нелюбокъ“, создавшихъ вражду партій (о монашеской же благотворительности упоминалось только въ

связи съ этимъ кореннымъ вопросомъ). Дѣло здѣсь шло не о личной собственности монаховъ: для людей, давшихъ обѣтъ нищеты, ее нельзя оправдать ни съ какой точки зрѣнія—ни съ практической, ни съ созерцательной. „Монахи не должны имѣть ничего собственнаго, но все имъ принадлежащее да утверждается за монастыремъ“ — такъ гласитъ для всѣхъ обязательное 6 правило Двукратнаго собора, отрицающее частную собственность инока. И по уставу Василія Великаго въ монастырѣ должно быть общеніе имуществъ, какое было въ первенствующей церкви, когда *ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти* (Дѣян. IV, 32). Монахъ, помышляющій имѣть частную собственность, по мысли святого отца, второй Іуда, который „начавъ кражею—*ибо личная собственность есть кража*—оканчиваетъ предательствомъ“, „замышляетъ хищеніе—*потому что пріобрѣтать въ собственность что бы то ни было и откуда бы ни было есть хищеніе*—а потомъ отступленіе и отдѣленіе“ [1]). И бѣлоозерцы и іосифляне строго держались этого основного правила. Они оставались на высотѣ идеала индивидуальной нестяжательности иноковъ. Но церковные уставы и монастырю въ цѣломъ не разрѣшаютъ безграничнаго стяжанія. „Да не скопишь золота въ монастырѣ твоемъ, но избытокъ всякаго вида да раздаешь нуждающимся въ воротахъ двора твоего, какъ дѣлали святые отцы“—такъ пишетъ преп. Ѳеодоръ Студитъ въ своемъ „Завѣщаніи игумену“. Правило отрицаетъ позволительность накоплять въ монастырѣ избытокъ всякаго вида и предписываетъ раздавать нищимъ то, что остается отъ удовлетворенія самыхъ скромныхъ иноческихъ потребностей. Вотъ ясныя и безспорныя требованія иноческой христоподобной нищеты. И въ сущности лучшіе монастыри и лучшіе люди обѣихъ партій исполняли это требованіе устава, только каждая партія по своему. Іосифляне считали дозволительнымъ монастырю скоплять богатства „избытки всякаго вида“, но почему и зачѣмъ? а потому и затѣмъ, чтобы быть ему крупнымъ благотворителемъ народа. И подвижники этой партіи: самъ Іосифъ, его учитель Пафнутій, Корнилій, Даніилъ, какъ это мы и видѣли, строго и точно

---

[1]) Краткихъ правилъ вопр. 85 (V т., 225). Подвижническіе уставы гл. 34 (V т., 424).

выполнили свой идеалъ, свои обѣщанія. Они не ждали, пока церковная власть потребуетъ у нихъ деньги на благотворительное дѣло (повидимому единственное условіе, при которомъ по мнѣнію арх. Никона монастырь можетъ уступать свои стяжанія на дѣла благотворительности), но сами расходовали свои средства иногда до послѣдней крохи по собственной иниціативѣ, не за страхъ, а за совѣсть. Случалось даже, что и правительство въ помощи народу шло за ними! Другое дѣло бѣлоозерцы. Они дѣйствительно хотѣли избѣжать внѣшняго добродѣланія, тѣлесной милостыни. Но вмѣстѣ съ этимъ они требовали, чтобы самые скиты ихъ были бѣдны и ничего не имѣли, кромѣ необходимаго для поддержанія жизни. И ихъ нельзя не признать правыми: не имѣя излишковъ, что бы могли они раздавать нищимъ? Но и при всей своей бѣдности бѣлоозерскіе подвижники находили возможною благотворительность въ простѣйшей ея формѣ—въ видѣ страннолюбія. Дѣло понятное. Нельзя быть бѣднымъ настолько, чтобы не повстрѣчать когда-нибудь еще бѣднѣйшаго, а истинное ,идеальное христіанское совершенство отрицаетъ, чтобы у одного было больше, а у другого меньше.

Послушаемъ теперь, какъ судитъ-рядитъ объ этомъ арх. Никонъ, стоитъ ли онъ на высотѣ возвѣщеннаго имъ идеала. Какъ смотритъ о. архимандритъ на частную собственность монаховъ, на степень дозволительныхъ для инока удобствъ жизни, на братскую собственность монастырей? Прямо на эти вопросы арх. Никонъ не отвѣчаетъ, но для выясненія относящихся сюда воззрѣній почтеннаго публициста есть достаточно косвенныхъ данныхъ въ его статьяхъ. По вопросу *о частной собственности монаховъ* арх. Никонъ откровенно высказался въ своемъ разсказѣ объ одномъ рѣдкомъ случаѣ—объ отреченіи неизвѣстнаго монаха отъ причитающихся ему братскихъ доходовъ. „Инокъ получилъ несчастную кружку, ту кружку, за которую такъ нерѣдко укоряютъ современныхъ монаховъ—необщежитниковъ. И вся то она за четыре мѣсяца *какихъ-нибудь* 20—25 р. Получилъ онъ, добродушно даже поворчалъ, что „мало нынѣ досталось“, и пошелъ къ мощамъ угодника Божія. (Связь настроеній признаться непонятная). Тамъ онъ опукаетъ ее въ монастырскую кружку—на свѣчку преподобному, и низко—до праха

земного кланяется ему, угоднику Божію, и смиренно говоритъ про себя: „прости мнѣ, угодниче Христовъ, что взялъ я эти деньги... Не стою я того, чтобы жить подъ кровомъ твоимъ... Твоя отъ твоихъ тебѣ приношу... Не стою я того, чтобы ѣсть хлѣбъ твой... Помолись о мнѣ грѣшномъ". Картина трогательная. Смиреніе этого инока безусловно цѣнно и его отношеніе къ собственности, судя почеловѣчески, высоко. Но посмотримъ на этотъ случай съ точки зрѣнія идеально монашеской, какъ это угодно и арх. Никону, и картина мѣняется. Вѣдь съ этой точки зрѣнія растрогавшій насъ монахъ исполнилъ только свою прямую обязанность. Ставить отказъ монаха отъ братскихъ доходовъ выше дѣлъ христіанскаго милосердія и всякаго служенія міру, какъ дѣлаетъ это почтенный о. архимандритъ, значитъ явно преувеличивать [1]). Этотъ монахъ „сталъ выше того инока который перепрыгнулъ черезъ золото — во всякомъ случаѣ ему не принадлежавшее—въ пустынѣ" [2]). „Онъ отъ своего отрекся!" восклицаетъ въ восхищеніи арх. Никонъ. Но позвольте: отъ своего онъ отрекся еще въ то время, когда стоялъ предъ святыми дверями и произносилъ иноческій обѣтъ нищеты. У монаха нѣтъ своего. Златоустъ говоритъ, что въ монастырѣ „никто не жалуется на бѣдность, никто не превозносится богатствомъ; это твое, а это мое,—такое раздѣленіе, низвращающее и смущающее всѣ дѣла, изгнано отсюда; все у нихъ общее: и трапеза, и жилище, и одежда. Одно тамъ у всѣхъ богатство—истинное богатство"... [3]). Подвигъ иноческой нестяжательности арх. Никонъ ставитъ превыше дѣлъ христіанскаго милосердія и всякаго служенія міру, а между тѣмъ, это элементарное требованіе монашескаго устава, непремѣнная черта иноческаго идеала. Въ Глушицкомъ монастырѣ послѣ смерти одного монаха нашли въ его кельѣ десять ногатъ (менѣе 5 рублей) и преп. Діонисій лишилъ стяжателя христіанскаго погребенія. Идеальный

---

[1]) „И вѣруемъ мы, грѣшные его собратья, что онъ—куда выше всѣхъ насъ, творящихъ милостыню явѣ, строющихъ храмы и школы, издающихъ милліоны листковъ (!), жертвующихъ на больницы и богадѣльни"... Февраль. 339—340.

[2]) Другой разсказъ, приводимый арх. Никономъ изъ житія Ѳеодора Едесскаго, октябрь, 209.

[3]) *Твор. Іоанна Златоуста*, I, 97, „Слово къ вѣрующему отцу".

монахъ не долженъ даже видѣть денегъ и знать имъ цѣну, какъ это и разсказывается объ одномъ египетскомъ подвижникѣ. Монахъ богатый такое же неестественное явленіе, какъ женатый монахъ, а болѣющій іудинымъ грѣхомъ все равно, что многосемейный! Василій Великій частную собственность монаха называетъ *хищеніемъ и кражей*, а арх. Никонъ удивляется, что такъ часто укоряютъ современныхъ монаховъ необщежитниковъ за несчастную кружку! Онъ пишетъ, что на обладаніе частнымъ имуществомъ монахи „*имѣютъ право*“ „*по законамъ современнымъ, человѣческимъ*“ [1]). Такъ вотъ гдѣ для него оправданіе частной собственности монаха—современные человѣческіе законы! Съ заоблачной выси идеала о. архимандритъ вдругъ „прыгнулъ“ на самое дно неприглядной монастырской дѣйствительности. Да, тотъ скромный инокъ только исполнилъ требованіе устава. Монахи же, получающіе деньги лично „по законамъ человѣческимъ“, всѣ нарушаютъ свой уставъ и свои обѣты. Это не личная вина ихъ, а *общій безпорядокъ*, при которомъ и хорошіе люди вынуждены поступать нехорошо, не по правиламъ. „Грѣшны мы (иноки), много среди насъ грѣшниковъ“, вздыхаетъ не разъ арх. Никонъ [2]). Но не въ личныхъ монашескихъ грѣхахъ здѣсь дѣло (безъ нихъ обойтись невозможно), а въ общемъ небреженіи уставомъ, въ безпорядкѣ, при которомъ инокъ, только выполнившій уставъ, является рѣдкимъ исключеніемъ, умиляющимъ о. архимандрита, заносится въ число избранниковъ Божіихъ, „*сокровенно* обрѣтающихся въ нашихъ обителяхъ“.

По мнѣнію о. архимандрита Никона, монахъ прежде всего

---

[1]) Февраль, 340 „Вѣдь онъ перескочилъ черезъ золото, а мы подбираемъ его (?); и онъ, и мы одинаково имѣемъ на то право по существующимъ законамъ современнымъ, законамъ человѣческимъ“... „Онъ дѣйствовалъ по *духу* истинныхъ монаховъ (а не по *уставу?!*), а мы—по буквѣ современныхъ узаконеній“.

[2]) Февраль, 341; октябрь, 194: „Съ болью сердца надо сознаться.. особенно *въ послѣдніе годы* въ монастыряхъ развивается пьянство“. Оно „развивается“, если хотите знать, съ XI в. въ русскихъ обителяхъ! (См. правило митр. Іоанна II). Откровенно - правдивое слово о современномъ монастырскомъ монашествѣ читатель найдетъ въ *Странникѣ*, 1903 г., мартъ, въ Обзорѣ журналовъ (482—490). Замѣтка имѣетъ въ виду полемику о монашествѣ, вызвавшую и эти страницы, и содержитъ немало вѣскихъ замѣчаній о статьяхъ арх. Никона.

долженъ быть занятъ молитвой, потомъ необходимымъ подѣліемъ для *удовлетворенія* своихъ *тѣлесныхъ нуждъ*. Оставшееся отъ этихъ занятій время онъ могъ бы употреблять на дѣла благотворительности, но его не остается: оно уже все истрачено на дѣло и на подѣлье.

„Вѣдь (иноки) не ангелы, увѣряетъ своего читателя почтенный о. архимандритъ въ статьѣ, гдѣ говоритъ *исключительно объ идеалѣ иноческомъ*,—имъ надобно и пищу приготовить себѣ (очевидно частнымъ образомъ?!), и одежду и печи топить, не вездѣ вѣдь духовое отопленіе — и дровецъ запасти и келійку прибрать, не говоря уже о монастырскихъ: понамарь (пономарю?) церковь привести въ порядокъ и подмести ежедневно, келарь (келарю?) распорядиться обѣдомъ (вѣроятно братскимъ, общимъ?)“. Таковы житейскія занятія идеальнаго инока по арх. Никону. Если мы правильно понимаемъ, идеальный инокъ о. архимандрита прежде всего долженъ кушать два обѣда: тотъ, который приготовитъ онъ самъ въ своей кельѣ, и тотъ, который подадутъ ему въ монастырской трапезѣ... Кромѣ того у его идеальнаго инока рядъ заботъ объ одеждѣ и жилищѣ. Но сравнимъ древнерусскіе монашескіе идеалы въ этомъ пунктѣ. Вотъ заботы нашего древняго подвижника о пищѣ: „бѣ ему кормля *хлѣбъ и соль* и питіе *вода едина*, и сіе въ мѣру“. Припомнимъ и слова Златоуста о настоящемъ монахѣ: „Питіе ему вездѣ доставляютъ въ изобиліи озера и рѣки и источники, а пища для него—овощи, травы и во многихъ мѣстахъ хлѣбы“ [1]). Подвижниковъ почитали въ древней Руси „не честныхъ ради портъ“ и настоящій инокъ не заботился объ одеждѣ: „самъ же ризную худость толику любя, яко единъ отъ убогихъ сый, едину одежду нося на себѣ и зимѣ и лѣтѣ: и отъ овчихъ жестокихъ кожъ зимѣ студень терпяше, а лѣтѣ отъ тягости терпя“. Занимая часто мѣсто игумена въ монастырѣ, древнерусскій подвижникъ одѣвается какъ послѣдній служка,—„сирота“, за котораго со стороны его и принимаютъ. Его „многошвенная“, „сиротинская“ одежда вызываетъ насмѣшки мірянъ, а иногда и братіи. Когда она сваливалась съ плечъ подвижника и выбрасывалась за ограду монастыря, ни одинъ нищій не хотѣлъ поднять и надѣвать её. Житія, насколько

---

[1]) *Твор. Іоанна Златоуста*, I, 64, „Слово къ невѣрующему отцу“.

знаемъ, не упоминаютъ объ особенныхъ заботахъ подвижниковъ о своихъ жилищахъ, напротивъ повѣствуютъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ жили даже въ дуплахъ деревьевъ... „Вѣдь иноки не ангелы“, говоритъ арх. Никонъ. О подвижникахъ же, объ инокахъ идеальныхъ, какъ разъ говорится „земные ангелы, небесные человѣцы“. „Всего скудота, всего недостатки“ — вотъ какое отношеніе къ заботамъ личнаго обихода, къ „подѣлію“, завѣщали современному монашеству древніе отцы, „въ постныхъ подвизѣхъ просіявшіе“. И если-бы иноки нашего времени построже относились къ этому идеалу, то навѣрное остался бы у нихъ досугъ и для богадѣльни, и для больницы, и для школы.

Обратимся теперь къ вопросу о *собственности монастырей*. Мысль оппонентовъ арх. Никона—инока С. П. В-ей и архим. Евдокима, какъ и у древне-русскихъ полемистовъ по этому вопросу, непроизвольно движется отъ благотворительности къ средствамъ монастырей, отъ монастырскихъ имуществъ къ ихъ расходованію на дѣла благотворительности. Рѣчь арх. Никона вообще недостаточно сдержанная, начинаетъ бурлить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ отвѣчаетъ своимъ оппонентамъ по вопросу о стяжательности нашихъ монастырей. О. П. И-къ имѣлъ неосторожность написать, что современные наши „монастыри богаты“. Эти слова выводятъ изъ терпѣнія арх. Никона и онъ готовъ заподозрить бѣднаго петербургскаго инока даже въ посягательствѣ на церковное имущество. „Такъ вотъ въ чемъ дѣло. „Монастыри богаты“. Они должны отдавать свои богатства на дѣла благотворенія. Давно бы такъ и сказали. „Такъ вѣдайте же, восклицаетъ не безъ замѣтнаго волненія о. архимандритъ, такъ вѣдайте же и вы, отецъ инокъ, и ваши единомышленники, г.г. Чермаки, Черкасскіе и К°, что мы готовы отдать всѣ свои капиталы, только отдать не вамъ“ (какъ будто объ этомъ была рѣчь! [1]).

На той же самой страницѣ арх. Никонъ „дважды подчеркнулъ“, что все говоренное имъ, имѣетъ отношеніе къ идеалу монашества, а дальше прибавилъ, что „идеалъ надобно прояснять въ сознаніи тѣхъ, кто долженъ къ нему стремиться“... Да проститъ же намъ о. архимандритъ, если

---

[1]) Январь, 118—119.

не соглашаясь съ нимъ въ первомъ, мы воспользуемся его приглашеніемъ во второмъ.

Своими словами: „вы, напр., о. инокъ П. Й-ъ точно знаете, у какого монастыря какой капиталъ“, арх. Никонъ даетъ понять, что монастыри не такъ богаты, какъ о нихъ думаютъ. Безспорно, много есть бѣдныхъ монастырей на Руси, но много и богатыхъ. Вѣдь не подъ шапкой же невидимкой находятся современные иноки, вѣдь не слѣпые же люди живутъ рядомъ съ нашими монастырями!.. Помірски судя богатства монастырей можетъ быть и не такъ значительны. Стоя же на идеальной точкѣ зрѣнія, нельзя не видѣть, что на потребности братіи, если ихъ понимать помонашески, хватитъ и останется: вѣдь и теперь хватаетъ и остается, хотя потребности монаха и понимаются помірски. И вотъ *эти то остатки монастыри обязаны расходовать на дѣла благотворенія*, ибо сказано: „церковное богатство—нищихъ богатство“. Освободить себя отъ благотворительности наши монастыри могутъ только тогда, когда станутъ нестяжательными, какъ скиты древняго заволжья, а до того времени они обязаны слѣдовать приведенному правилу Ѳеодора Студита, какъ слѣдовало ему древне-русское монашество, которое выставило цѣлый сонмъ преподобныхъ, стяжавшихъ „изрядное нищелюбіе и страннолюбіе Авраамово“. Можетъ быть читатель подумаетъ, что святые благотворители, о которыхъ далеко знали въ свое время кругомъ, были только богатые и тароватые люди? Нѣтъ, нисколько. Они „нищетою богатые“: „нищетный образъ... худостны порты“; „богатство же его, говорится о преп. Никонѣ Радонежскомъ, еже ничтоже стяжати“ [1]). Сами подвижники жили въ послѣднемъ нестяжаніи и крайней нищетѣ и являлись только распорядителями монастырскихъ припасовъ и суммъ, чтобы безъ разсчета и разбора расточать ихъ на дѣла благотворительности къ неудовольствію экономныхъ келарей, скупыхъ казначеевъ и неизмѣнно ропщущей братіи.

Проповѣдуя нестяжательность монастыря, Нилъ Сорскій не допускалъ даже драгоцѣнной утвари въ монастырскихъ храмахъ. Онъ пишетъ въ своемъ Преданіи: „О украшеніи же церковномъ пишетъ св. Іоаннъ Златоустъ:

[1]) *Житіе преп. Никона*, изд. М. 1646 г., л. 188.

„аще кто совѣщаетъ, хотя принести сосуды священныя серебряны или иконное украшеніе, повели ему раздати нищимъ. Никто же бо, рече, осужденъ бысть когда, о еже церкви не украшати, но и прочіи святіи тако глаголютъ". Преподобная же мученица Евгенія и принесенныя ей сосуды священныя серебряны не пріятъ, глаголющи: инокомъ не подобаетъ сребра стяжанія имѣти. Того ради *и намъ сосуды златы и сребряны и самыя священныя не подобаетъ имѣти, такожде и прочая украшенія излишняя, но точію потребная церкви приносити*". Изъ житія преп. Пахомія далѣе приводится соотвѣтствующее подтвержденіе. Таково воззрѣніе истинныхъ созерцателей на украшеніе монастырскихъ храмовъ [1]).

Арх. Евдокимъ жалѣетъ, что не видитъ кругомъ бѣдныхъ монастырскихъ храмовъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ молились древніе подвижники. Арх. Никонъ удивленъ. „Неужели вы сѣтуете, что въ обителяхъ нашихъ церкви *не убогія*?" [2]) Признаемся, мы не понимаемъ удивленія арх. Никона. Митрополитъ Филаретъ въ нашей лаврѣ говорилъ однажды: „Прости мнѣ великая лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву... Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятой Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣчи и пламень ихъ достигаетъ до неба" [3])? Митр. Филаретъ здѣсь несомнѣнно сѣтовалъ; храмы лавры напоминали ему о забвеніи ею иноческой нищеты. Любопытно, что приведенныя слова покойнаго митрополита самъ арх. Никонъ приводитъ и съ умиленіемъ въ своей книгѣ „Жи-

---

[1]) *Нила Сорскаго* преданіе ученикомъ своимъ. М. 1849 г. стр. 17—19. Подобныхъ воззрѣній на церковное украшеніе держался и ученикъ преп. Нила Вассіанъ Патрикѣевъ (Правосл. Собес. 1863 г., Ш, 197 и 209).— Извѣстно преданіе, что когда Грозный собирался строить въ Сорской обители каменный храмъ вмѣсто деревяннаго, преп. Нилъ явился ему во снѣ и запретилъ нарушать правило иноческой нищеты.

[2]) Февраль, 341.

[3]) Слово на освященіе храма надъ мощами преп. Михея, 27 Сент. 1842 года.

тіе и подвиги преп. Сергія“ [1]). Развѣ не тоже самое хотѣлъ сказать и арх. Евдокимъ? И откуда это происходитъ: скажетъ митр. Филаретъ—мы умиляемся, повторитъ арх. Евдокимъ—мы споримъ?...

Отъ монастырской собственности прямой и естественный переходъ къ способамъ ея пріобрѣтенія. Г. Кругловъ разсуждаетъ, что занятіе въ больницѣ или школѣ—дѣло гораздо болѣе совмѣстимое съ иночествомъ, чѣмъ сидѣніе въ книжной лавкѣ или завѣдываніе монастырскими гостинницами. По мнѣнію арх. Никона лавка и гостинница вполнѣ совмѣстимы съ созерцательными идеалами иночества: онѣ не мѣшаютъ иноку исправно ходить къ службамъ; а „лазки въ хорошихъ обителяхъ даже закрываются на время богослуженія“ [2]). Больница, богадѣльня, школа—вотъ что мѣшаетъ молитвенному подвигу инока. Въ доказательство этого парадоксальнаго сужденія „какъ сладко ни пиши“, а едвали удастся убѣдить кого нибудь. Иной читатель не найдется, что возразить противъ логики, но никакіе софизмы не заглушатъ внутренняго чувства истины. Не входя въ обсужденіе частностей, обратимся къ идеалу—вѣдь онъ „важнѣе всего“. Оба публициста не договорили здѣсь по нашему мнѣнію одного: *дозволительна ли еще монастырю самая торговля?* Нѣтъ, не дозволительна. Торговлю монастыря Василій Великій ставитъ на ряду съ бродяжничествомъ и корчемствомъ (—мелкая торговля по принципу: „не обманешь, не продашь“) и предписываетъ общежительнымъ монастырямъ всѣми мѣрами избѣгать ее. „Надобно знать, говоритъ онъ въ Пространныхъ Правилахъ (вопр. 44), что *братства должны всѣми мѣрами избѣгать бродяжничества, торговли и прибыли, добываемой корчемствомъ* [3]). Обители, закрывающія свои лавки на время богослуженія, арх. Никонъ называетъ хорошими (слѣдовательно другія, своихъ лавокъ на это время не закрывающія, относитъ къ разряду нехорошихъ ?!), а по уставу св. Василія Великаго всѣ монастыри и навсегда должны закрыть свои лавки, что-

---

[1]) 108—109 стр.

[2]) Октябрь, 203

[3]) *Migne*, P Gr. XXXI, 1032: *„Ἐκεῖνο μέντοι εἰδέναι χρὴ, ὅτι τὰς περιδρομάς, καὶ πραγματείας, καὶ τὰ καπηλικὰ, κέρδη παντὶ τρόπῳ φυκτέον τῆς ἀδελφότησι“*; рус. пер. V, 175

бы быть настоящими христіанскими обителями. Если же по настоящему времени это невозможно (впрочемъ отчего же?), то слѣдуетъ измѣнить самый способъ торговли, сдѣлавъ ее торговлей безъ малѣйшей прибыли. „Здѣсь мѣсто пустынско, а не купеческо“, „монастырь постникъ, а не купецъ“, такъ разсуждали древнерусскіе иноки и созерцатели и дѣятели. „Не продавати ти никому, говорится въ древнемъ поученіи частному иноку. А торговли ти ни съ кѣмъ не дѣяти, ни продавати, ни купити, ни у брата что взимати, ни ему давати“ [1]). Ясно, что монахи древней Руси тверже помнили уставъ св. Василія, чѣмъ современные. Беремъ примѣръ. При воротахъ монастыря идетъ бойкая торговля иконами и крестами, поясами и четками, кустарными произведеніями вродѣ деревянныхъ ложекъ и проч. и проч. Картина знакомая! Многое изъ того, что здѣсь продается, сработано не въ монастырѣ, а скуплено у кустарей или выписано съ фабрикъ и продается съ барышемъ. *Съ точки зрѣнія устава Василія Великаго это корчемство.* Другой примѣръ, примѣръ продажи монастыремъ уже своихъ фабрикатовъ косвенно упоминается въ статьяхъ самого арх. Никона и единственно потому мы его касаемся [2]). Частный инокъ или монастырь занимается книгоиздательствомъ: въ своей типографіи при помощи наемныхъ рабочихъ печатаетъ сотни тысячъ книжекъ религіозно-нравственнаго содержанія, по дешовой цѣнѣ продаетъ ихъ. Читаетъ книжки и назидается православный русскій народъ. Почтенное дѣло, заслуживающе похвалы! Вѣдь такъ? Несомнѣнно такъ, если судить помірски, съ утилитарной точки зрѣнія. Но приложимъ къ нему идеальную точку зрѣнія, на которой стоитъ... не арх. Никонъ, а законодатель христіанскаго монашества. При продажѣ книжекъ или листковъ получается прибыль, ничтожная, скажемъ,—десятая часть полушки съ экземпляра; но въ результатѣ у монастыря или инока тысячи, десятки тысячъ барыша. *И это тоже корчемство, скверноприбыточество.* Напрасно, забывъ христоподражательное смиреніе, похвалился бы книгоиздатель-инокъ этой формой своего служенія міру. Получая барышъ, онъ нарушаетъ одно изъ основныхъ требованій монашескаго устава, зани-

---

[1]) *Матеріалы для ист. р. церкви*, II, 166.

[2]) Февраль, 343.

мается самъ и вовлекаетъ монастырь въ не монашеское дѣло. Будучи „въ прелести“, онъ готовъ видѣть въ своемъ служеніи міру благодатное призваніе. Но что же такое мы получаемъ: благодатный призывъ... къ нарушенію устава?— но это нѣчто невозможное; а можетъ быть—нарушеніе устава подъ предлогомъ благодатнаго призванія ? [1])

Примѣръ книгоиздательства полезнаго для народа стоитъ у арх. Никона въ подозрительной близости съ упоминаніемъ о служеніи міру о. Амвросія Оптинскаго, какъ примѣры однородные. Но это явленія несравнимыя. Что сказали бы объ о. Амвросіи, еслибы онъ, допустимъ, бралъ по копѣйкѣ за совѣтъ?.. А съ другой стороны и книгоиздательство было бы дѣломъ безусловно почтеннымъ, ни малѣйшаго возраженія не вызывающимъ, еслибы оно не было связано съ барышемъ, еслибы напримѣръ монастырь даромъ раздавалъ свои книжки богомольцамъ въ видѣ жертвы, или, не дѣлая книжную торговлю статьей дохода, велъ бы дѣло такъ, чтобы вырученныя суммы только оправдывали расходы.

Мы кончили оцѣнку идеаловъ арх. Никона съ точки зрѣнія идеаловъ древнерусскаго подвижничества, которое слѣдовало восточному. Къ какому же направленію мы должны отнести его? къ коренному ли русскому монашеству, дѣятельно служившему міру, или къ созерцательному, въ теоріи отказавшемуся отъ этого служенія? Вполнѣ—ни къ тому ни къ другому, отчасти — къ тому и къ другому. Взгляды арх. Никона представляютъ своеобразное соединеніе элементовъ обоихъ направленій. Съ первымъ его роднитъ признаніе за монастыремъ права накоплять богатства, признаніе, расширенное допущеніемъ частной собственности для монаховъ и торговыхъ предпріятій для монастырей. Со вторымъ онъ согласенъ въ оцѣнкѣ внѣшней благотворитель-

---

[1]) Правда, египетскіе и другіе подвижники продавали на торгу произведенія своихъ трудовъ, которыми они наполняли свои досуги,—корзины, цыновки и проч... Но на своей торговлѣ они не наживали капиталовъ, въ работѣ не помогалъ имъ электрическій или бензиновый двигатель, а также и наемныя руки Корзины, сплетенныя своими руками они продавали только затѣмъ, чтобы имѣть насущное пропитаніе и не безпокоить мірскихъ людей своимъ попрошайствомъ. Василій Вел. вполнѣ дозволяетъ и только регулируетъ торговлю этого рода (Правилъ пространныхъ вопр. 39, Твор. V, 166)

ности и въ признаніи молитвы единственной задачей инока. Другими словами: *достопочтенному о. архимандриту было бы желательно сохранить за собой всѣ права на обладаніе внѣшними благами міра и освободиться отъ всякихъ внѣшнихъ обязательствъ по отношенію къ нему.* Онъ сильно опасается, какъ бы міръ не сталъ „просто таки эксплоатировать самое монашество въ свою пользу“; но обратнаго повидимому онъ нисколько не боится.

Прибавимъ нѣсколько *замѣчаній по частнымъ пунктамъ* полемики.

Не отрицая фактовъ, что многіе подвижники и разными способами служили міру, арх. Никонъ признаетъ однако, что эта дѣятельность ихъ не была сознательной задачей ихъ жизни. Монахъ постригается съ единственною сознательною цѣлью спасать собственную душу. И изъ монаха въ концѣ концовъ выходитъ не то, чѣмъ онъ хотѣлъ быть, а то, къ чему приводитъ его Высшая Десница „ими же вѣсть судьбами“: одинъ неожиданно становится прославленнымъ старцемъ, какъ Амвросій Оптинскій, другой... издателемъ Троицкихъ Листковъ. Отсюда выводъ: „не выходи инокъ „самочинно и самозванно“ на путь общественной дѣятельности [1]). Едва ли однако вѣрна эта мысль, будто въ судьбѣ инока сверхъестественное вмѣшательство вытѣсняетъ его личныя намѣренія—плодъ природныхъ дарованій и обстоятельствъ жизни. Преп. Сергій, добросердый отъ рожденія, подъ вліяніемъ прочитанныхъ имъ житій подвижниковъ, стремится подражать ихъ подвигамъ человѣколюбія, и онъ становится нищелюбцемъ. Св. Стефанъ Пермскій на родинѣ, въ полузырянскомъ Устюгѣ, насмотрѣлся на язычниковъ инородцевъ, пришелъ къ мысли о просвѣщеніи своего края проповѣдью евангелія и сталъ апостоломъ зырянъ. Инокъ съ проницательнымъ природнымъ умомъ дѣлается прославленнымъ на всю Русь старцемъ; монахъ, надѣленный коммерческою сметкой,—извѣстнымъ книгоиздателемъ. Благодать Божія несомнѣнно пользуется естественными силами и склонностями, собственными стремленіями и планами инока. Примѣры, приведенные арх. Никономъ нисколько не убѣдительны. Студентъ академіи, принимающій иноческій санъ, чтобы быть потомъ

[1]) Февраль, 343—349.

архіереемъ, явленіе крайне отталкивающее. Но почему? Потому, что онъ лицемѣритъ, утверждая, что ищетъ исключительно трудовъ пастырства, а не выгодъ, съ которыми въ настоящее время связано епископское служеніе. Когда же оно представляло одни труды, лишенія и опасности и не имѣло выгодъ, тогда и оцѣнка явленія была другая. „Кто епископства желаетъ, добраго дѣла желаетъ“, говоритъ апостолъ. Но представьте другого студента, постригающагося съ сознательной цѣлью стать миссіонеромъ, не тѣмъ обезпеченнымъ и спокойно проповѣдающимъ христіанство подъ покровомъ русскаго посольства и можетъ быть дессанта матросовъ, а миссіонеромъ, одиноко проникающимъ въ пустыни, чья жизнь полна опасностей и лишеній. Едва ли у кого повернется языкъ назвать этого человѣка „лицемѣромъ, а не инокомъ“. Вѣдь и то было бы не хорошо, еслибы монахъ, принимая иночество возмечталъ быть впослѣдствіи знаменитымъ молитвенникомъ, святымъ и богоугоднымъ. И онъ долженъ постригаться лишь съ цѣлью *трудиться* для достиженія этого идеала.

Но допустимъ правильность сужденій арх. Никона. Однако изъ нихъ совсѣмъ нельзя дѣлать выводовъ противъ общественной дѣятельности монашества. Мы говорили о служеніи міру не каждаго монаха въ отдѣльности, а цѣлыхъ монастырей. Пусть монахъ постригается только затѣмъ, чтобы спасти свою душу, не отдавая себѣ отчета, какимъ именно путемъ. Но пусть тѣ, кому онъ вручаетъ свою волю, взвѣсятъ, къ чему онъ способенъ и какой путь спасенія для него прямѣе. Пусть монастырское начальство образуетъ изъ наличнаго состава братіи группу иноковъ, задачею которыхъ служила бы благотворительность монастыря, какъ оно выдѣляетъ группу лицъ для завѣдыванія его хозяйствомъ. Г. Кругловъ говоритъ объ общественной дѣятельности монаховъ именно какъ о налагаемомъ на нихъ отъ монастыря особомъ послушаніи. Вѣдь никто же не идетъ въ монастырь съ цѣлію сдѣлаться его экономомъ или казначеемъ, однако эти послушанія предписаны уставомъ. Еслибы монастыри по собственному почину или хотя бы даже по предписанію власти, но разумѣется не свѣтской, а духовной, поставили для себя цѣлью миссіонерство, уходъ за больными или воспитаніе дѣтей, то не было бы ничего дурного и въ томъ,

еслибы въ нихъ шли люди и съ сознательною цѣлью потрудиться на этихъ поприщахъ.

Должно быть чувствуя слабость своей позиціи, арх. Никонъ усиленно ищетъ союзниковъ и совершенно *„неожиданнымъ союзникомъ“* провозглашаетъ извѣстнаго публициста В. В. Розанова, сотрудника „Новаго Времени“ и „Новаго Пути“. Признаемся, союзъ неожиданный во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, здѣсь есть непослѣдовательность со стороны арх. Никона, который самъ черезчуръ строго порицалъ публицистовъ-иноковъ за союзъ съ мірскими. „Остерегитесь, взывалъ онъ къ Православному иноку, напечатавшему въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ статью о монашествѣ; остерегитесь, вы уже запятнались около гг. Чермаковъ“. Арх. Евдокиму онъ выговариваетъ даже за то, что его мнѣнія нашли откликъ и сочувствіе въ упомянутомъ изданіи, что „собратъ“ арх. Никона—„инокъ нашелъ себѣ союзниковъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, газетѣ „явно враждебной церкви“. Порицая подобныя газеты, строгій о. архимандритъ не пропустилъ и Новаго Времени; съ однимъ и тѣмъ же презрительнымъ негодованіемъ отзывался, какъ о толстовцахъ, такъ и о „господахъ нововременцахъ“ [1]). Такъ разсуждалъ арх. Никонъ въ январѣ и февралѣ текущаго года. Въ мартѣ же торжественно возвѣщаетъ о своемъ неожиданномъ союзѣ съ однимъ нововременцемъ, помѣстившемъ въ этой газетѣ фельетонъ о созерцательномъ монашествѣ [2]). В. В. Розановъ получилъ въ арх. Никонѣ горячаго поклонника. „Извѣстный своею оригинальностью мыслитель“, „простое русское сердце, еще чуткое къ воспріятію вѣяній исконно-народныхъ началъ, какими жива наша родная Русь“; фельетонъ г. Розанова „прекрасныя строки, которыя недавно вылились у него“ и т. д., — вотъ какихъ лестныхъ отзывовъ удостоиваетъ своего союзника почтенный о. архимандритъ. Но этотъ союзъ неожиданъ для насъ и съ другой стороны. Ужъ не говоримъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ г. Розанова, въ корнѣ подрывающихъ и аскетизмъ и монашество, но и въ самомъ фельетонѣ, умилившемъ

---

[1]) Январь, 120.

[2]) Новое Время, 1903 г. январь, 21 и 22

арх. Никона, читаются „прекрасныя строки“, которыя онъ едва ли раздѣляетъ. Г. Розановъ видитъ въ монашествѣ „такое же прекрасное и народное явленіе, какъ русскіе духовные стихи, какъ наши *пословицы и сказки*“. Неужели съ марта мѣсяца и арх. Никонъ держится такихъ же воззрѣній? Раньше онъ думалъ иначе. Арх. Никонъ имѣетъ въ виду монашество, т. е. аскетизмъ, какъ *оффиціальное учрежденіе* церкви. В. В. Розановъ пишетъ слѣдующія „золотыя слова“ по выраженію его союзника: „аскетизмъ прекрасенъ, *но не оффиціальный, не должностной* (т. е. не монашество?), а какъ личное біографическое явленіе, цѣломудренно скромное и непритязательное“. Довольно этихъ параллелей. Теперь скажите читатель, если это союзъ, то что же называется войной?

Ссылается арх. Никонъ на *сочувственныя письма*, которыя онъ получаетъ во множествѣ. Что же этимъ доказывается? Сочувственныя письма по нынѣшнимъ временамъ получаютъ всѣ. Получаетъ ихъ безъ сомнѣнія и г. Розановъ, приравнивающій монашество къ сказкамъ, почему жъ не получать ихъ и его „неожиданному союзнику“ арх. Никону? Сочувственныя письма отъ мірянъ и отъ иноковъ получаютъ и литературные противники арх. Никона по вопросу о монашествѣ, только не кричатъ объ этомъ, хорошо понимая, что это обстоятельство ровно ничего не доказываетъ при рѣшеніи спорнаго вопроса.

Арх. Никонъ жалуется на тѣ *нападки*, которымъ мірскіе, нецерковные люди подвергаютъ монаховъ, упрекая ихъ въ дармоѣдствѣ и прочемъ. Не хотимъ оправдывать этихъ нападковъ, но желаемъ напомнить, что въ нихъ сильно виновато само монашество. На монаховъ міряне нападаютъ также давно, какъ міръ узналъ о монашествѣ. Но древніе подвижники виноватыми въ этомъ признавали главнымъ образомъ свою братію, монаховъ. „И тѣ, которые должны уважать насъ, пишетъ преп. Нилъ Синайскій, смотрятъ на насъ, какъ на бездѣльную толпу. Люди чиновные и разночинцы смѣются надъ нами больше, чѣмъ надъ толкущимися на рынкахъ, потому что не имѣемъ, какъ слѣдовало бы, никакого отличія передъ прочими, хотимъ быть извѣстными не по жизни, а по одеждѣ. Отъ трудовъ для добродѣтели отказываемся, а славы за оные желаемъ съ неистовствомъ, показывая въ

себѣ одну тѣнь прежней истины“ [1]). „Жизнь монашествующихъ, прежде вождѣленная и весьма знаменитая, нынѣ, какъ видишь, возбуждаетъ отвращеніе“,—такъ писалъ преп. Нилъ какому-то архимандриту Никону. „Всѣ города и селенія обременяются *лжемонахами... Ради нихъ* разсужденіе и образъ жизни живущихъ право и добродѣтельно почитаются нынѣ обманомъ и насмѣшкою. И найдется ли теперь какой новый Іеремія, который могъ бы вполнѣ и какъ должно оплакать наше положеніе? Стыжусь писать, что-либо больше сего“ [2]).

И мы кончили свой разборъ. Предъ читателемъ раскрыты и разобраны два взгляда на монашество, которыя высказаны въ полемикѣ. Здравый смыслъ и христіанское настроеніе помогли г. Круглову почти въ точности угадать тѣ формы, въ какихъ выражалась у христіанскихъ подвижниковъ и должно выражаться у современныхъ иноковъ служеніе міру. Арх. Никонъ мыслитъ совершенно вопреки преданіямъ древнерусскаго монашества, которое слѣдовало восточному. Онъ даетъ знать своему читателю, что его воззрѣнія покоятся на *трехъ незыблемыхъ основаніяхъ*: на святоотеческомъ ученіи, на исторіи церкви, на свѣтлыхъ мечтахъ православнаго русскаго народа. [3]) Но въ своихъ статьяхъ онъ почти не ссылается на церковные каноны о монашествѣ, на уставы Пахомія и Василія. Святоотеческой (точнѣе подвижнической литературой) пользуется онъ односторонне, выбирая только то, что по вкусу, и обходя остальное. Исторія церкви... Но арх. Никонъ, какъ это видѣлъ самъ читатель, не принимаетъ въ разсчетъ всю исторію древнерусскаго монашества, включая сюда и исторію своей обители! Свѣтлыя мечты народа, говоря проще, народный идеалъ монашества... Но народный идеалъ создается многовѣковой исторіей, а вовсе не досужей фантазіей публициста. *Идеалъ святости*, создавшійся у нашего народа,—*Никола Угодникъ*, котораго чтитъ православная Русь за нищелюбіе и милосердіе. Всѣмъ извѣстна народная сказка о свв. Николаѣ и Касьянѣ Римлянинѣ. Николай Чудотворецъ помогъ бѣдному мужику стронуть засѣвшій въ грязи возъ, а Касьянъ прошелъ мимо—

[1]) *Нилъ Синайскій*, Твор. II, 9. Слово подвижническое

[2]) *Письмо арх. Никону*. Писемъ Кн. III, 106. *Твор.* ч. III, 268

[3]) Октябрь, 195.

„не захотѣлъ райское платье марать“... За это Господь положилъ: Николѣ пѣть молебны дважды въ годъ, а Касьяну одинъ разъ въ четыре года.

Въ ошибкахъ арх. Никона есть еще одно и интересное, и поучительное обстоятельство.

Имя преп. Сергія Радонежскаго близко и дорого каждому русскому. Это самый идеальный изъ подвижниковъ нашей древности. „Такіе люди становятся для грядущихъ поколѣній не просто великими покойниками, а вѣчными спутниками, даже путеводителями и цѣлые вѣка благоговѣйно твердятъ ихъ дорогія имена не столько для того, чтобы благодарно почтить ихъ память, сколько для того, чтобы самимъ *не забыть правила ими завѣщаннаго*. Таково имя преп. Сергія: это не только назидательная, отрадная страница нашей исторіи, но и свѣтлая черта нашего нравственнаго народнаго содержанія“ [1]). Можно ли не согласиться съ этими словами? Правило, завѣщанное преп. Сергіемъ, дорого и близко всякому русскому, инокъ ли онъ или простой мірянинъ. А между тѣмъ изъ современныхъ сужденій о монашествѣ мы видимъ нѣчто обратное и нѣчто неожиданное. Преп. Сергій *даетъ заповѣдь служебнымъ чинамъ* своего монастыря: благотворить нищимъ, врачевать больныхъ, покоить странныхъ, обѣщая за это процвѣтаніе своей обители. А теперь заявляютъ печатно и крайне рѣзко, что *эти самые подвиги вовсе и не обязательны для монаха*, что они только „подѣлье“—междудѣлье, а въ иныхъ случаяхъ и прямая помѣха настоящему иноческому дѣланію. Говоритъ же такъ не простой мірянинъ, а современный намъ инокъ. Мало того—инокъ обители преп. Сергія Радонежскаго. Но и этого мало: служебный монастырскій чинъ, къ которому непосредственно и прямо относится заповѣдь человѣколюбія, данная преподобнымъ,—который долженъ бы былъ и „житіе и дѣяніе“ великаго угодника „написать на сердцѣ своемъ“. Своими руками, по непреложной заповѣди величайшаго русскаго святого, онъ долженъ бы раздавать „спасеную милостыню“ братіѣ Христовой у воротъ монастыря. Онъ обязанъ участвовать въ завѣдываніи школами, богадѣльнями и больницами, которыми вмѣсто монастырскихъ гостинницъ, лавокъ

---

[1]) *Проф. В. О. Ключевскій*, Рѣчь Бог. Вѣст. 1892, ноябрь 192.

и торговыхъ рядовъ должна бы окружить себя великая лавра. А нашъ „служебный чинъ“ говоритъ объ излишествѣ, чуть не о вредѣ всего этого для монаха.

Недоумѣваемъ, какъ могли явиться *критика и отрицаніе того, что предписалъ и заповѣдалъ преп. Сергій?* Можетъ быть здѣсь грѣхъ невѣдѣнія: нашъ инокъ не зналъ даннаго факта изъ житія святого? Нѣтъ, этого быть не можетъ. Онъ самъ нѣкогда писалъ и выпустилъ тремя изданіями популярное житіе этого угодника [1]). Можетъ быть, зная и твердо помня заповѣдь подвижника, арх. Никонъ не считаетъ обязательнымъ относиться къ ея содержанію безъ всякаго „мнѣнія“ или безъ критики. Но и этого быть не можетъ. Онъ самъ разсуждаетъ: „отъ того и плохи иноки, что самовольно отступаютъ отъ своихъ завѣтовъ и уставовъ. Въ сихъ завѣтахъ и преданіяхъ православнаго иночества кроется та великая благодатная сила, которая воспитывала“ и т. д., и т. д.; или, принимая тонъ наставника, онъ внушаетъ о. Евдокиму: „нѣтъ о. архимандритъ, надо крѣпче держаться преданій отеческихъ особенно въ наше льстивое время, когда врагъ всѣми мѣрами и т. д., и т. д. [2]). Стало быть и это объясненіе не годится. Какъ бы то ни было, но мы видимъ въ данномъ случаѣ чрезвычайно легкое отношеніе къ прямой заповѣди основателя монастыря со стороны его инока, отношеніе совсѣмъ не монашеское. „Заповѣдь заключаетъ въ себѣ обязательную силу“. Сила ея равна „догматическимъ постановленіямъ“ и изреченіямъ отцовъ, сказанныхъ въ видѣ опредѣленій [3]). Время не имѣетъ ни малѣйшей силы надъ этой заповѣдью. Дана ли она вчера или слишкомъ 500 лѣтъ тому назадъ, это безразлично: „заповѣдь заключаетъ въ себѣ обязательную силу“ на всѣ времена, пока стоитъ получившій ее монастырь, пока онъ носитъ великое имя святого основателя, „пока не затворятся ворота лавры

---

[1]) *Житіе и подвиги преп. Сергія, игумена Радонежскаго,* изд. 3-ье Серг. Лавр. 1898. Заповѣдь преп. Сергія излагается здѣсь на стр. 136, впрочемъ неполно и недостаточно точно: „А нищіе и странники и болящіе подолгу въ ней отдыхали, пользуясь полнымъ довольствомъ и покоемъ по заповѣди старца“.

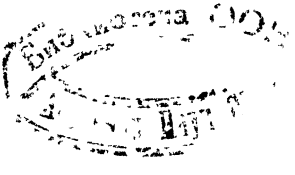
[2]) Октябрь 205; февраль 351

[3]) *Варсануфія и Іоанна,* Руковод. къ дух. жизни Вопр. 248, и 249, стр. 249—250.

преп. Сергія и не погаснутъ лампады надъ его гробницей". Но зачѣмъ же послѣ всего того обращаются они къ угоднику, повторяя трогательныя слова древней молитвы: „Не мнимъ бо тя суща мертва, аще и тѣломъ преставися отъ насъ, но и по смерти убо живъ пребываеши"? Зачѣмъ такъ молятся они устами своими? Умеръ для нихъ преп. Сергій; забыты его преданія; сомнѣнію, критикѣ подвергнуто содержаніе его великой заповѣди. Лучше какъ можно усерднѣе пусть твердятъ они дальнѣйшія слова молитвы: „Но не отступи отъ насъ духомъ; сохраняй насъ отъ стрѣлъ вражіихъ и всякія прелести бѣсовскія и козней діавольскихъ".

„Не отступи отъ насъ духомъ!"

Въ заключеніи приведемъ два безобидныхъ назиданія арх. Никону. Первое принадлежитъ ему самому. „Нѣтъ, о. архимандритъ, поучалъ онъ о. Евдокима, надо крѣпче держаться преданій отеческихъ, особенно въ наше льстивое время, когда врагъ всѣми мѣрами" и т. д., и т. д. Второе назиданіе пусть благоволитъ онъ выслушать отъ митрополита Филарета. *„Житіе монашеское должно быть благоустроено на незыблемомъ основаніи слова Божія, при пособіи наставленій и примѣровъ святыхъ отецъ: ибо только на семъ основаніи зданіе духовной жизни и спасенія воздвигается прочно и благонадежно; а что строится на пескѣ помысловъ и желаній человѣческихъ, то не твердо и угрожаетъ паденіемъ великимъ"* [1]).



---

[1]) *Митр. Филарета*, Правила благоустройства монашескихъ братствъ въ Москвѣ, § 1.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Вмѣсто предисловія. Полемика о монашествѣ и задача исторической справки . . . . . 1—3

I. Древнѣйшее русское монашество — городское, общежительное 4—5 —Устроитель его *преп Ѳеодосій Печерскій* 5—6.—Служеніе преп Ѳеодосія міру. молитвой, учительствомъ и пастырствомъ, печалованіемъ, благотворительностью 6—9.—Печерскій дворъ для принятія нищихъ и больныхъ 10. — Ропотъ братіи на расточительность преп. Ѳеодосія 10 —„Слово о терпѣніи и любви“ 10—14 —Служеніе Печерскаго монастыря міру послѣ преп Ѳеодосія 14—16.—Духовничество и печалованіе послѣдующихъ иноковъ 17—19.—Варлаамъ Хутынскій 19 —Иноческіе идеалы Кирилла Туровскаго 19—21. 4—21

II. Русское монашество съ пол. XII в.,—пустынное 22—23.— Древне-русское пустынножительство 23—24 — *Преп. Сергій Радонежскій* 24—26.—Его благотворительная дѣятельность 27.—Заповѣдь служебнымъ чинамъ монастыря 27—30.— Похвальное слово и идеальный образъ преп. Сергія 30—31 —Благотворительность Троицкой лавры въ XV—XVII стол (нищелюбіе, Пятницкая богадѣльня и страннолюбіе) 31—34 —*Ученики и собесѣдники преп. Сергія* — Духовническая ихъ дѣятельность 34—35.—Княжескій духовникъ 35—36.—Печалованіе и благотворительность препп Димитрія Прилуцкаго, Павла Обнорскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго 36—39 — Миссіонерство преп. Авраамія Чухломскаго и св. Стефана Пермскаго 39—40 —*Подвижники русскіе до к XV в* Діонисій Глушицкій, Григорій Пельшемскій 40—42; (новгородско-псковскаго края) Михаилъ Клопскій и Евфросинъ Псковскій 42—44 . . . . . 22—44

III. Монашескія партіи съ к. XV в.—*іосифляне и бѣлоозерскіе старцы* 45 —Воззрѣнія преп Іосифа Волоколамскаго на монашество и его задачи 45—46 —Сужденіе о монастырской благотворительности 46—47. — Подвижническіе идеалы и монашескія воззрѣнія преп. Нила Сорскаго; его взглядъ на иноческую милостыню 47—49 —Иноческіе идеалы старца Артемія 49.—Вопросъ о милостынѣ 49—50 —Подвижники іосифлянскаго направленія: Пафнутій Боровскій 50—52, самъ Іосифъ (духовникъ, печаловникъ, благотворитель) 52—58, Корнилій Комельскій 58—61 и Даніилъ Переславскій 61—63.—Заволжцы,—отличіе ихъ отъ іосифлянъ въ дѣлѣ служенія міру 63—65 —Отшельникъ-учитель народа—Филиппъ Ирапскій 65—66 —Выводъ 66—67 . . . . . 45—67

IV Сужденія *г. Круглова* о службѣ монашества міру 68—70.—Въ общемъ они оправдываются исторіей 70.—Воззрѣнія на монашество *архимандрита Никона* 70—71 —*Разборъ ихъ:* постановка во-

проса и рѣшеніе его съ *принципіальной* точки зрѣнія—изъ понятія о спасеніи 71—73.—Двѣ заповѣди о любви 73—74.—Кто ближній монаха 74—75?—Оцѣнка воззрѣній арх. Никона съ *исторической* точки зрѣнія 75.—*Взглядъ его на монашескую благотворительность*—односторонній и ошибочный 75—76.—Нищелюбіе древней Руси 76—77.—Христосъ въ образѣ ни-щаго 77—78.—Милостыня равна молитвѣ 78—80.—Благотворительность, какъ *обязанность общежительнаго и стяжательнаго монастыря* 80—81.—*Основанія этого:* примѣръ древнихъ отцовъ монашества 81.—Связь благотворительности съ общежитіемъ 81—83.—Благотворительность, какъ показатель твердости монастырскаго устава и высоты монашеской жизни 83—86.—Благотворительность, какъ *самостоятельная задача православнаго монастыря* (примѣръ Іосифа Волоколамскаго) 86—88.—Неудачное примѣненіе термина „*подъѣліе*“ 88—90.—„Лукавый планъ адскаго хитреца“ 90—92.—Идеалъ подвижника въ древней Руси и въ статьяхъ арх. Никона 92—93.—Въ защиту термина „альтруизмъ“ 93—94 . . . . . 68—94

V *Виды монашеской благотворительности* 95—96.—Помощь *голодающимъ* 96—99.—Уходъ за *больными* мірянами 99—101.—Монастырскія богадѣльни въ древней Руси 101.—*Богадѣльни-монастыри* (монастыри не настоящіе и приписные) 101—102.—*Монастыри-богадѣльни* (Переславскій Даниловъ монастырь) 102—103.—*Призрѣніе* покинутыхъ *дѣтей* 103.—Помощь народу во время *эпидемій* 103—104.—Оправданіе уставами ухода иноковъ за больными 104—106.—*Школы* при монастыряхъ 106—107.—Запрещенія иноку учить дѣтей 107—110.—*Религіозно-нравственное учительство* 110.—*Духовничество* монаховъ (древнее и теперешнее) 110—113.—*Миссіонерство* иноковъ и *миссіонерскіе монастыри* 113—115.—Печалованіе и обличеніе 115.—Иноческій *досугъ* 115—116.—*Созерцательное монашество* 116—117.—*Безмолвіе* (сужденіе о немъ св. Исаака Сирина и воззрѣнія арх. Никона) 117—122.—*Нестяжательность* 122.—Споръ о ней въ древней Руси 122—124.—Арх. Никонъ о монашеской „нестяжательности“: частная собственность монаха 124—126, житейскія нужды 126—128.—*Стяжательность монастырей* 128—129.—Украшеніе монастырскихъ храмовъ 129—131.—*Монастырская торговля* 131—133.—Къ какому же монашескому направленію отнести воззрѣнія арх. Никона? 133—134.—*Частныя замѣчанія.*—Высшее призваніе инока 134—136.—„Неожиданный союзникъ“ арх. Никона 136—137.—Сочувственныя письма 137.—О нападкахъ на монашество 137—138.—Объ основаніяхъ для воззрѣній арх. Никона 138—139.—Арх. Никонъ и заповѣдь преп. Сергія 139—141.—*Заключеніе:* безобидныя назиданія 141 . . . . 95—141